

БЕСТСЕЛЕР

Джон Гришэм

Золотой дождь

Джон Гришэм Золотой дождь

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119053
Золотой дождь: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-17-018641-X*

Аннотация

АДВОКАТ должен ВСЕГДА знать, как доказать невиновность своего клиента, – даже если клиент этот виновен по определению.

АДВОКАТ должен ВСЕГДА верить в победу – даже если ради этой победы надо совершить абсолютно невозможное.

Только – что делать этому адвокату, если подозревают в совершении жестокого преступления... ЕГО САМОГО?

Как тому, кто привык защищать других, доказать СОБСТВЕННУЮ НЕВИНОВНОСТЬ?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	66
Глава 10	71
Глава 11	75
Глава 12	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1

Окончательное и бесповоротное решение стать адвокатом я принял, когда осознал, что мой отец адвокатскую братию на дух не переносит. Неловкий подросток, разочарованный в жизни, я не знал, куда деваться от собственной неуклюжести, половое созревание приводило меня в ужас, а отец грозил отправить меня за непослушание в военное училище. Прошедший в свое время суровую школу морской пехоты, он считал, что мальчишкам нужно с детства прививать железную дисциплину. Я же палочного воспитания не признавал, во всем ему перечил, и отец не придумал ничего лучшего, как отослать меня с глаз долой.

В гражданской жизни он освоил профессию инженера и вкалывал по семьдесят часов в неделю в фирме, которая, помимо прочего, изготавливала лестницы. Поскольку лестница по природе своей – предмет в быту опасный, фирме не раз приходилось отвечать в судах по гражданским искам. А отец, как ведущий конструктор этих изделий, то и дело отдувался за фирму в ходе предварительных допросов или на самих судебных процессах. Не могу сказать, что ненависть отца к юристам не имела под собой никаких оснований, но меня представители этой профессии восхищали именно в силу того, что доставляли отцу столько неприятностей. После очередной восьмичасовой тяжбы он обычно приходил домой и сразу напивался в стельку. Ни тебе «здравствуй», ни дружеского шлепка или ласки. Даже на ужин он времени не терял. Час непрерывной брани, четыре стакана martini, и он засыпал в пьяном угаре на своей любимой скособоченной кушетке. После одного процесса, который длился три недели и завершился сокрушительным поражением его фирмы, матери пришлось вызвать «скорую», и отца на неделю упекли в лечебницу.

В конечном итоге фирма обанкротилась, и, ясное дело, вину за это возложили на адвокатов. Дескать, веда они защиту более квалифицированно, так и до банкротства не дошло бы. Отец совсем спился и впал в жесточайшую депрессию. Годами он не мог найти постоянную работу, что здорово меня подкосило, поскольку для оплаты своего обучения в колледже общего типа мне приходилось подрабатывать официантом и развозить пиццу по домам. За все четыре года моей учебы мы с отцом едва ли перекинулись и парой слов. В день, когда я узнал о своем зачислении в юридический колледж, я вернулся домой, пыжась от гордости. Позже мама сказала мне, что отец уже неделю не вставал с постели.

А две недели спустя он менял лампочку в кладовке, когда (клянусь, что не вру!) ножки лестницы подломились, и отец рухнул на пол головой вниз. После этого он год пролежал в клинике, не выходя из комы, пока кто-то не сжалился и не отключил его от аппарата искусственного дыхания.

Вскоре после похорон я предложил подать на врачей в суд, но мама воспротивилась. Тем более что, как я и подозревал, в момент падения отец скорее всего был «под мухой». И давно не зарабатывал ни гроша, а раз так, то в соответствии с нашим гражданским законодательством жизнь его ценилась не слишком высоко.

Моей матери выплатили страховку в размере пятидесяти тысяч долларов, и она вышла замуж второй раз, но не за того, за кого бы следовало. Мой отчим – в прошлом мелкий почтовый служащий из Толидо – прост, как пара старых сапог, и львиную долю времени они проводят на танцульках или болтаются по стране в трейлере «Виннебаго». Я в этих забавах не участвую. Мать не дала мне ни цента из своих денег, сказав, что эти пятьдесят кусков все, что у нее есть, чтобы начать строить свою жизнь, и, поскольку я уже доказал свою способность жить на жалкие гроши, значит, мне эти деньги не нужны. У меня впереди вся жизнь, и я еще успею заработать себе кучу денег, а она – уже нет. Примерно так она говорила. Я, со своей стороны, вполне уверен, что это Хэнк, ее второй муж, нашептывал ей на ухо финансовые советы и когда-нибудь в будущем наши дорожки с Хэнком пересекутся.

Я окончу юридический колледж в мае, через месяц, и засяду за учебники, чтобы подготовиться к экзаменам в июле на звание адвоката. Окончу я не блестяще, без похвальных аттестатов, хотя значусь по успеваемости в первой половине списка студентов моего курса. Единственный умный поступок за три года обучения в университете – то, что самые необходимые и трудные курсы я прошел пораньше и в свой последний семестр мог валять дурака. На эту весну из предметов осталась просто ерунда: спортивное законодательство, законы, касающиеся искусства, кое-что из Кодекса Наполеона и – что я особенно люблю – юридические права стариков.

Из-за этих проблем я сейчас и сижу на шатком стуле, который вот-вот рассыплется, за колченогим столом, в душном, жарком стальном помещении, где полно самых разных и чудных «пожилых людей», как они предпочитают себя называть. От руки написанная вывеска над единственной в поле зрения дверью торжественно возвещает, что это сооружение называется «Домом пожилых граждан из “Кипарисовых садов”», но, кроме этого названия, вокруг нет ни малейшего намека на цветы или зелень. Стены тусклые и голые, только в одном углу висит старая, выцветшая фотография Рональда Рейгана между двумя печально обвисшими флагами – федеральным и флагом штата Теннесси. Само здание небольшое, угрюмое, безрадостное, очевидно, построенное наспех на неожиданно капнувшую дотацию из федерального бюджета. И я что-то там такое бессмысленно царапаю в своем блокноте, не решаясь взглянуть на людей на складных стульях.

Здесь, наверное, человек пятьдесят, поровну темнокожих и белых, средний возраст – по крайней мере семьдесят пять, некоторые слепые, примерно с десяток – в инвалидных колясках и многие со слуховыми аппаратами. Нам пояснили, что они встречаются здесь каждый полдень поесть чего-нибудь, немного попеть и послушать очередного отчаявшегося кандидата на предстоящих выборах в конгресс.

После пары часов общения они отправляются по домам и принимаются считать часы до следующей встречи. Наш преподаватель говорил, что для них такое общение – звездный час суток.

Мы сделали непростительную ошибку, приехав на ленч к назначенному часу. Нас четверых, вместе с нашим руководителем, профессором Смутом, усадили в углу, и все не отрываясь глазели, как мы справляемся с резиновыми цыплятами и замороженным зеленым горошком. У меня было еще желе желтого цвета, и старый бородатый козел по имени Боско, о чем извещала надпись на бирке, болтающейся на грязной рубашке с нагрудным карманом, положил на него глаз. Он что-то забормотал насчет желтого желе, и я предложил ему вожденное блюдо, а заодно и свою порцию цыпленка, но мисс Берди Бердсонг¹ быстренько толкнула его на место, чтобы сидел и не рыпался. Мисс Бердсонг около восьмидесяти, но она очень подвижна для своего возраста и выполняет функции родительницы, тирана и вышибалы всей этой шайки. Она управляет со своими подопечными, как опытная тюремная надзирательница, – прощает и хвалит, сплетничает с усохшими дамами в голубоватых сиднях, пронзительно смеется, но при этом не упускает из виду Боско, который, видимо, паршивая овца этого стада. Мисс Берди отчитала его за то, что он пялит глаза на мое желе, однако через несколько секунд поставила перед его горящим взором целую миску желтой мешанины, и он стал есть ее прямо из миски, хватая желе короткими пальцами.

Прошел час. Ленч все продолжался. Эти голодающие пожирали все семь блюд с такой жадностью, словно ели последний раз в жизни. Их вилки и ложки в дрожащих руках сновали туда-обратно, вверх-вниз, в рот – изо рта, словно они поглощали нечто неопишимо вкусное. Время для них не значило абсолютно ничего. Они огрызались, когда с ними заговаривали.

¹ Имя и фамилия Birdie Birdsong переводится как Пташка Птичья Трель. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.

Они роняли еду на пол, и я уже не мог всего этого выносить. Я таки съел свое желе, а Боско, все еще голодный, алчно следил за каждым моим глотком. Мисс Берди порхала по комнате и чирикала о том о сем.

Профессор Смут – придурковатая, неуклюжая, ученая вобла с криво сидящим галстуком-бабочкой, взлохмаченными волосами и в красных подтяжках в довершение всего своего идиотского вида – сидел с удовлетворенно-сытым выражением человека, только что прекрасно отобедавшего, и восхищенно-любовно озираал происходящее, словно спектакль смотрел. Он, конечно, добряк, ему немного за пятьдесят, но он с причудами, как Боско и его приятели, и уже двадцать лет читает свои дурацкие курсы, которые больше никто не хочет читать и мало кто из студентов посещает. Права детей, «помощь беспомощным», семинар по проблеме «Насилие в семье». Он занимается также проблемами душевнобольных и преподает «Основы права старых идиотов», как студенты называют этот курс за его спиной. Он однажды задумал читать курс лекций под названием «Права зародыша», но это вызвало такую бурю кривотолков, что он быстро слинял в отпуск.

В первый же день занятий Смут объяснил, что назначение и цель его курса – познакомить нас с реальными людьми, у которых реальные жизненные трудности. Он убежден, что все студенты, поступившие в юридический колледж, придерживаются некоторых идеалистических представлений и желают служить обществу, но после трех лет жесткой конкуренции мы хотим только получить хорошее место в подходящей фирме, где через семь лет можно добиться места партнера и зашибать большие деньги. Вот в этом он прав.

Его курс не пользуется популярностью, и нас было всего одиннадцать человек. Через месяц скучных лекций и постоянных попыток раздобыть денег, подрабатывая в свободное время, наше число сократилось до четырех. Курс этот был хоть и никчемный, но отнимал всего два часа в день, подготовки почти не требовал, что меня и подкупило. Но если бы пришлось заниматься у Смута на месяц больше, я серьезно сомневаюсь, что выдержал бы. В данный момент я колледж ненавижу, и у меня возникли очень серьезные подозрения насчет эффективности применения нашей юридической науки на практике. Сегодня я встретился с живыми клиентами, и встреча меня ужаснула. Эти перспективные клиенты, все старые и больные, смотрели на меня так, словно я обладаю высшей мудростью. Я, конечно, почти адвокат, на мне темный костюм, на столе передо мной лежит фирменный блокнот, в котором я черчу квадраты и круги, нахмурившись с умным видом, словно я способен им помочь. Рядом со мной за раздвижным столом сидит Букер Кейн, негр и мой лучший университетский друг. Ему также не по себе. Перед нами карточки, где черными буквами выведены наши имена – Букер Кейн и Руди Бейлор. Это я. Рядом с Букером – возвышение, где расположилась и что-то сверчит мисс Берди, а по правую сторону еще стол с такими же карточками, извещающими о присутствии Ф. Франклина Доналдсона-четвертого, напыщенного осла, который уже три года пишет инициал перед именем, а порядковый номер после. А рядом Н. Элизабет Эрикссон, та еще шлюшка. Она ходит в костюмах в полоску с шелковыми галстуками и очень агрессивна. Многие из нас подозревают, что она носит также тесно облегающее эластичное трико для атлетов. За нами у стены стоит Смут. Мисс Берди читает объявления, больничные бюллетени и некрологи. Она орет в микрофон, подключенный к отменно работающим усилителям. В углах комнаты висят четыре громкоговорителя, и пронзительный голос мисс Берди грохочет так, что клиенты зажимают слуховые аппараты рукой или совсем их вынимают. Теперь уже никто не спит. Сегодня мисс Берди прочитала три некролога, и я вижу на глазах у некоторых слезы. Господи, не допусти, чтобы и я стал таким же. Даруй мне еще пятьдесят лет труда и веселья, а затем мгновенную смерть во сне.

Слева у стены очнулась от летаргии пианистка и шумно переворачивает страницы нот. Мисс Берди воображает себя аналитиком по проблемам политики, но, когда она начинает верещать о предполагаемом росте цен, пианистка касается клавиш. Это, наверное, «Аме-

рика прекрасна». С завидным энтузиазмом, бурно и оглушительно, словно стуча по металлу, музыкантша дважды озвучивает вступление, и старые перечницы хватают свои книжечки с текстами гимнов и псалмов и ждут, когда начнется первый куплет. Мисс Берди тут как тут. Теперь она начинает дирижировать хором. Она поднимает руки, хлопает, чтобы привлечь к себе внимание, и затем начинает размахивать ими, когда дело доходит до текста. Те, кто в состоянии, медленно встают.

На втором куплете драматические завывания стихают. Слова уже менее знакомы, а эти бедняги не видят дальше носа, так что книжечки с текстами бесполезны. Боско внезапно закрывает рот, но продолжает громко гудеть, подняв глаза к потолку.

Внезапно обрываются и звуки музыки, потому что ноты слетают и падают на пол. Конец песням. Присутствующие глазят на пианистку, которая, да благослови ее Господь, рыщет руками вниз, пытаясь собрать разлетевшиеся листы, но в основном хватает воздух.

– Спасибо! – вопит мисс Берди в микрофон, и все разом падают на стулья. – Благодарю. Музыка – замечательная вещь. Давайте возблагодарим Господа за эту прекрасную музыку.

– Аминь! – ревет Боско.

– Аминь, – вторит ему еще какая-то развалина из задних рядов.

– Спасибо, – повторяет мисс Берди. Она с улыбкой поворачивается к нам с Букером. Мы оба наклоняемся вперед на локтях и опять смотрим на собравшихся. – А теперь, – возглашает она торжественно, – вернемся к программе дня. Мы так рады, что нас опять посетил профессор Смут с некоторыми из своих очень способных и красивых студентов. – Она аплодирует нам дряблыми руками, улыбается серо-желтыми зубами в сторону Смута, который тихонько подходит и становится рядом с ней. – Ну разве они не красавцы? – спрашивает мисс Берди. – Как вам известно, – продолжает она в микрофон, – профессор Смут преподает юриспруденцию в Мемфисе, где, как вы знаете, учился, хотя и не окончил курса, мой младший сын. Каждый год профессор Смут навещает нас с группой студентов, готовых выслушать ваши вопросы и дать юридическую консультацию, которая всегда полезна. Должна добавить, что все это делается бесплатно. – Она оборачивается и одаряет Смута еще одной широкой улыбкой. – Профессор Смут, от имени нашей группы мы говорим вам: «Добро пожаловать опять в “Кипарисовый сад”». Мы вам благодарны за ваше участие и интерес к проблемам пожилых граждан. Спасибо. Мы все вас любим».

Она спускается с возвышения, начинает яростно бить в ладоши, выразительно кивает присутствующим старикам, чтобы и они присоединились к ней, но ни единая душа, даже Боско, не следует ее примеру.

– Потрясающий болван, – бормочет Букер.

– Но по крайней мере его любят, – шепчу я в ответ.

Старики терпят все это уже минут десять, только что они плотно закусили, и я вижу, как у них слипаются глаза. Когда Смут окончит говорить, они будут уже храпеть.

Смут поднимается на возвышение, поправляет микрофон, откашливается и ждет, пока мисс Берди займет свое место в переднем ряду. Садясь, она сердито шепчет бледному джентльмену, что рядом:

– Надо было хлопать. – Но он ее не слышит.

– Благодарю вас, мисс Берди, – пищит Смут. – Всегда приятно побывать в «Кипарисовом саду». – Он говорит искренно, и я не испытываю ни тени сомнения, что профессор Говард Л. Смут действительно считает за честь быть здесь, в этом безнадежно унылом здании, среди печальных стариков и с четырьмя студентами, которым случилось оказаться на его курсе. В этом для Смута смысл жизни.

Он представляет нас. Я быстро поднимаюсь, коротко улыбаюсь и снова сажусь с хмурым выражением интеллектуальной озабоченности на лице. Смут говорит о законах охраны здоровья, о сокращении бюджетных сумм на подобные нужды, о... завещаниях, о льготах

на цены, об оскорблениях, которым могут подвергнуться немощные, и платежах по страховому полису в нашем округе, он жужжит словно муха: о прорехах в системе социального обеспечения, о готовящихся подзаконных актах, о правилах общежития в домах для престарелых, о природе, характере и границах права собственности на недвижимость и землю, о чудодейственных лекарствах – все болтает и болтает, совсем как на занятиях в аудитории. Я зеваю, мне захотелось спать. Каждые десять секунд Боско поглядывает на часы.

Наконец Смут закругляется, он снова благодарит мисс Берди и ее команду, обещает приезжать с лекциями каждый год и садится на стул в конце стола. Мисс Берди пытается еще пару раз хлопнуть в ладоши, но безрезультатно. Никто не шевельнулся. Половина стариков храпела.

Мисс Берди машет рукой в нашу сторону и обращается к своей пастве:

– Вот они перед нами. Они добрые и дадут советы безвозмездно.

Медленно и неуклюже старики движутся к нам. Возглавляет шествие Боско. Но, наверняка обиженный из-за желтого желе, он бросил на меня зверский взгляд, тащится к другому концу стола, где и усаживается перед уважаемой Н. Элизабет Эриксон. Я, однако, не сомневался, что он единственный, кто потащится куда угодно за юридической консультацией. Пожилой негр выбрал своим поверенным Букера, и они начали беседовать, наклонившись друг к другу через стол. Я старался не прислушиваться. Что-то там о бывшей жене и разводе, который то ли был, то ли не был совершен в законном порядке. Букер делает пометки в блокноте и слушает с таким вниманием, словно действительно знает, как помочь.

Но по крайней мере у Букера есть клиент. Целых пять минут я сидел дурак дураком в одиночестве, в то время как трое моих сокурсников шептались, что-то царапали в блокнотах, вникали, сочувственно покачивая головами, в сложности стариковского бытия.

Одиночество мое не остается незамеченным. Мисс Берди Бердсонг роется в сумочке, вытаскивает конверт и скачет к моему концу стола.

– Я хотела посоветоваться именно с вами, – шепчет она, подвигая стул поближе ко мне.

Она наклоняется вперед, я – влево, и в тот самый момент, когда расстояние между нашими головами сокращается до нескольких дюймов, начинается моя первая консультация. Букер смотрит на меня, злорадно улыбаясь.

Моя первая консультация. Прошлым летом я работал клерком в маленькой фирме за городом, где подвизались двенадцать юристов и работа была строго почасовая. Без всяких случайных гонораров. Я овладел искусством составлять почасовые графики, главный принцип которых в том, что юрист большую часть времени проводит в совещаниях и консультациях. Он принимает клиентов, он дает консультации по телефону, он совещается с юристами, представляющими противную сторону, с судьями и партнерами, страховыми инспекторами, другими клерками и им подобными судебскими и законниками, совещается и консультируется за ленчем в судах, на многочисленных конференциях. Только назовите род деятельности, а уж юристы сумеют убедить в необходимости проконсультироваться по данному поводу.

Мисс Берди бросает острый взгляд по сторонам, призывая меня нагнуться ниже и говорить потише, потому что вопрос, по которому она желает проконсультироваться, чертовски серьезен. Меня это устраивает: незачем кому-нибудь слышать неуклюжие и наивные советы, которые я могу предложить ей в ответ на вопрос.

– Прочтите это, – говорит она.

Я беру конверт и открываю его. О Боже! Это завещание! Последняя воля Коллин Дженис Берроу Бердсонг! Смут нас предупреждал, что больше половины этих клиентов захотят, чтобы мы проверяли и, может быть, привели в соответствие с сегодняшним временем их завещания. И это замечательно, потому что в прошлом году нам пришлось прослушать целый курс под названием «Завещания и права наследования», и мы чувствуем себя

довольно подкованными в подобных проблемах. Завещание – достаточно простой документ и может быть составлен без ошибок даже начинающим юристом.

Бумага, которую я держу в руке, напечатана на машинке и имеет официальный вид. Пробежав ее, я уясняю, что мисс Берди вдова, имеет двоих детей и полный ассортимент внуков. От третьего параграфа я холодею и, читая, то и дело поглядываю на свою клиентку. Затем перечитываю его еще раз. А она самодовольно улыбается. Текст повелевает ее душеприказчику передать каждому из детей по два миллиона долларов и по миллиону в трастовом фонде каждому из внуков. Я делаю медленные подсчеты в уме: всего у нее восемь внуков. Значит, общая сумма составит двенадцать миллионов.

– Читайте дальше, – шепчет мисс Берди, словно слышит, как у меня в мозгу работает счетное устройство. Клиент Букера, старик негр, со слезами в голосе повествует, как у него давным-давно случился неудачный роман и как дети пренебрегают им. Я пытаюсь не слушать, но это невозможно. Букер что-то строчит в блокноте как бешеный. Боско громко хохочет на другом конце стола.

Согласно параграфу пятому завещания три миллиона остаются церкви и два миллиона нашему колледжу. Есть также список пожертвований, начинающийся с Ассоциации диабетиков и кончающийся мемфисским зоопарком, где каждой организации предназначается сумма по меньшей мере в пятьдесят тысяч долларов. Продолжая хмуриться, я делаю в уме быстрый подсчет и прихожу к выводу, что у мисс Берди чистыми по крайней мере двадцать миллионов.

Но внезапно я осознаю и проблемы, связанные с этим завещанием. Первая и главная: документ не такой многостраничный, как должно быть. Мисс Берди богата, а богатые люди не пишут незамысловатых, простеньких завещаний. У них бывают толстые и сложные завещательные документы, со всевозможными ухищрениями, которые вносят в них дорогостоящие юристы из больших фирм, с задействованными трастами и доверенными лицами, с упоминаниями о передаче наследственных прав от поколения к поколению.

– Кто готовил ваше завещание? – спрашиваю я. На конверте не было никакого указания на то, кто его составил.

– Мой прежний юрист. Он умер.

Это хорошо, что он умер, поскольку завещание он составил непрофессионально и недобросовестно.

Итак, эта привлекательная леди с серо-желтыми зубами и довольно мелодичным голосом стоит двадцать миллионов долларов. И наверное, у нее все еще нет адвоката. Я смотрю на нее, потом опять на завещание. Она одевается небогато, не носит бриллиантов и золотых украшений, не тратит ни времени, ни денег на уход за волосами. На ней платье из хлопковой ткани, не требующее после стирки глаженья, ее темно-красный блейзер поношен и, вполне возможно, куплен на дешевой распродаже в магазине Сирса. Я уже встречал на своем веку богатых старых дам, и их обычно очень просто распознать по одежде.

Завещание составлено почти два года назад.

– А когда скончался ваш юрист? – спрашиваю я сладким голосом. Наши головы и носы по-прежнему разделяет всего несколько дюймов.

– В прошлом году. От рака.

– И теперь у вас нет своего юриста?

– Я бы сейчас не разговаривала с вами, Руди, если бы он у меня был, не так ли? Но в моем завещании нет никаких сложностей, так что, наверное, и вы сможете дать мне необходимый совет.

Странная вещь – жадность. С первого июля я должен приступить к работе в «Броднэкс и Спир», маленькой старомодной потогонной фирме, где трудятся пятнадцать адвокатов, которым почти нечего делать, кроме как представлять интересы страховых компаний

на судебных процессах. Не такой работы мне хотелось, но получилось так, что «Броднэкс и Спир» предложили мне место, а от других таких предложений неосмотрительно не последовало. И я представлял себе, что, несколько лет трудясь ни шатко ни валко, я нащупаю нужные нити и найду себе что-нибудь получше.

Наверняка на будущих коллег произведет впечатление, если в первый же день работы я приведу с собой клиентку, стоящую по крайней мере двадцать миллионов. Я мгновенно сделаюсь сам подателем благ и источником золотого дождя, яркой молодой звездой на их небосклоне. И даже смогу попросить кабинет побольше.

– Ну разумеется, я могу справиться с вашим завещанием, – заверяю я, но не очень-то ловко. – Просто оно касается больших денег, и я...

– Ш-ш-ш-ш! – шипит она яростно, наклонившись еще ближе ко мне. – Не говорите о деньгах. – И зыркает по сторонам, словно вокруг кишат воры. – Я просто не желаю об этом говорить, – настаивает она.

– О'кей. Не имею ничего против. Но, мне кажется, вам сначала надо побеседовать насчет завещания с налоговым инспектором.

– Об этом мне говорил и мой прежний адвокат, но я не хочу. Насколько я понимаю, адвокат есть адвокат, а завещание – просто завещание.

– Правильно, но вы могли бы сберечь кучу денег на налогах, если бы продумали тщательнее, как распорядиться своим имуществом.

Она качает головой с таким видом, будто я законченный идиот.

– Я ни цента не сэконоблю.

– Извините, но, мне кажется, это все же возможно.

Она кладет руку, всю в коричневых старческих пятнах, на мое запястье и шепчет:

– Руди, позвольте мне объяснить. Мне налоги ничего не будут стоить, потому что завещание войдет в силу после моей смерти. Правильно?

– Да, правильно. Но что скажут наследники?

– Вот поэтому я и обратилась к вам. Я очень на них зла. И поэтому хочу лишить их наследства. Обоих сыновей и некоторых внуков. Лишить, лишить, лишить! Они ничего не получат, понимаете? Нуль без палочки. Ни пенни и ничего из мебели. Ничего!

Ее взгляд становится жестче, вокруг рта стягиваются морщинки. Она изо всех сил сжимает мое запястье, хотя и не осознает этого. Какое-то мгновение она не только сердится, но явно страдает.

На другом конце стола между Боско и Н. Элизабет Эриксон вспыхивает спор. Он орет и ругает «Скорую помощь» и государственную систему страхования, которая должна обеспечивать из федеральных фондов медицинское и больничное обслуживание престарелых, и вообще поносит всех республиканцев, а она указывает на какую-то бумажку и пытается объяснить, почему из фондов социального обеспечения не оплачиваются счета некоторых врачей. Смут медленно встает и подходит к ним узнать, не может ли он чем помочь. Букеровский клиент отчаянно пытается овладеть своими эмоциями, но слезы текут у него по щекам, и Букер начинает падать духом. Он заверяет старика, что да, конечно, он, Букер Кейн, обязательно изучит вопрос и все уладит. Гул кондиционера заглатывает некоторые слова. Со столов убирают чашки и тарелки, настольные игры в полном разгаре – китайские шашки, поддавки, бридж и изобретенное Милтоном Брэдли настенное лото. По счастью, большинство стариков явились сюда из-за ленча и ради общения, а вовсе не за юридическими советами.

– Но почему вы их хотите всего лишить? – спрашиваю я.

Мисс Берди отпускает мое запястье и трет себе глаза.

– Ну, это очень личное, и я не хочу пускаться в подробности.

– Довольно справедливо. А кто получит деньги? – спрашиваю я, внезапно опьяняясь властью, только что дарованной мне: написать магические слова, которые обыкновенных людей превратят в миллионеров. Я улыбаюсь ей настолько же тепло, насколько и фальшиво.

– Еще не решила кто, – отвечает она задумчиво и оглядывается вокруг, словно играет в какую-то игру. – Я не уверена до конца, как ими распорядиться.

Ну хорошо, а как насчет того, чтобы мне миллиончик? Скоро «Тексако» предъявит мне судебный иск на четыре сотни. Мы прервали переговоры, и меня уведомил об иске их поверенный. Да еще хозяин дома, в котором я живу, предупредил, что выселит меня, так как уже два месяца я не плачу за квартиру. А я сижу и болтаю о том о сем с самым богатым человеком, которого я когда-либо встречал и который, может быть, недолго проживет, но пока вальяжно размышляет, кто получит ее деньги и сколько.

Мисс Берди подает мне лист бумаги, на котором аккуратно узкой колонкой напечатаны имена, и говорит:

– Вот этих внуков я хочу оделить, они еще меня любят. – Она прикрывает ладошкой рот и наклоняется к моему уху. – Даю каждому по миллиону долларов.

Рука у меня дрожит, пока я царапаю что-то в своем блокноте. Блеск! Так вот просто, одним росчерком пера, я создал на бумаге четырех миллионеров.

– А что с остальными? – спрашиваю я шепотом.

Она резко откидывается назад и произносит:

– Ни гроша! Они мне не звонят, никогда не посылают ни подарков, ни открыток. Вычеркнути их.

Если бы у меня была бабушка, стоящая двадцать миллионов, я бы каждую неделю посылал ей цветы, через день открытки, шоколадки по дождливым дням, а в ясные – бутылку шампанского. Я бы звонил ей каждое утро и два раза перед сном. Каждое воскресенье я сопровождал бы ее в церковь и сидел с ней рядышком, держа ее за руку во время службы, а затем мы шли бы на завтрак плюс ленч, а потом на аукцион, в театр или на выставку картин, и вообще к черту, к дьяволу, куда только бабуса ни захотела бы. Я бы о своей бабушке позаботился. И я уже подумываю о том, чтобы начать делать то же самое для мисс Берди.

– О'кей, – говорю я солидно, словно не впервые занимаюсь составлением завещаний, – ничего для ваших детей?

– Я уже сказала. Абсолютно ничего.

– А можно спросить, чем они перед вами провинились?

Она тяжело вздыхает, словно сил у нее больше нет, и глаза ее по сторонам, как будто ей очень не хочется мне ничего рассказывать, но затем опирается на локти и приступает к повествованию.

– Ладно, – шепчет она. – Рэндолф, старший, ему уже почти шестьдесят, только что женился – и это уже в третий раз – на маленькой потаскушке, которая все время требует денег. И что бы я ни оставила ему, она все промотает до цента, и я скорее оставлю эти деньги вам, Руди, чем собственному сыну. Или профессору Смуту, да кому угодно, но не Рэндолфу, вы понимаете, что я имею в виду?

Сердце у меня останавливается. Вот оно, рукой подать, рядом, совсем рядом. С первым же клиентом напал на золотую жилу. К черту «Броднэкс и Спир» и все эти консультации!

– Вы не можете оставить деньги мне, – произношу я с самой любезной улыбкой. Но мои глаза, и даже губы, и рот, и нос умоляют ее сказать: «Нет, я оставлю вам! Черт возьми! Это мои собственные деньги, и я их оставлю кому захочу, и если я хочу оставить вам, Руди, то берите их, черт вас возьми! Они ваши!»

Но вместо этого она говорит:

– Все остальное получит почтенный Кеннет Чэндлер. Вы его знаете? Он все время выступает по телевидению, из студии в Далласе, и он замечательно распоряжается

нашими пожертвованиями. Строит дома, покупает детское питание, проповедует Библию. И я хочу, чтобы он получил эти деньги.

– Телевизионный проповедник?

– О, он гораздо больше, чем обычный проповедник. Он и учитель, и государственный деятель, и советник, он обедает с руководителями правительства, и к тому же, знаете, такой красавчик. У него копна седых кудрей, поседел раньше времени, конечно, но он ни за что не позволит прикоснуться к ним и привести в порядок.

– Конечно. Но...

– Он мне звонил позавчера вечером. Можете представить? Этот голос, такой нежный, словно шелк, когда слышишь его по телевизору, но по телефону он просто искуcительный. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да, думаю, что понимаю. А почему он вам позвонил?

– Ну, в прошлом месяце я послала свои взносы за март и написала ему коротенькую записку, где сообщила, что собираюсь переделать свое завещание, что мои дети меня покинули и что я подумываю, не оставить ли мне деньги на нужды его паствы. Не прошло и трех дней, как он позвонил сам – у него такой чудный и такой вибрирующий голос по телефону – и хотел узнать, сколько я предполагаю оставить денег. Так я его прямо огорошила, назвав цифру, и он с тех пор все время звонит. Говорит, что даже прилетит ко мне на своем самолете, если я пожелаю.

Я никак не мог найти подходящие слова. Смут держал Боско за руку, пытался его успокоить и снова усадить перед Н. Элизабет Эриксон, которая в данный момент потеряла всю свою самоуверенность. От смущения, что так все неудачно получилось с ее первым клиентом, она готова была залезть под стол. Она озиралась вокруг, и я ей улыбнулся, чтобы она знала: я, мол, все вижу. Рядом с ней Ф. Франклин Доналдсон-четвертый был глубоко поглощен переговорами с пожилой четой. Они обсуждали документ, который по виду тоже должен быть завещанием. И я безумно радуюсь, понимая, что завещание, которое я держу в руках, гораздо выгоднее, чем то, над которым он сосредоточенно хмурится.

Я решаю переменить предмет разговора:

– Мисс Берди, вы сказали, что у вас двое детей. Рэндолф и...

– Да, Делберт. О нем тоже забудьте. Он мне уже три года не звонит и никак о себе не напоминает, живет во Флориде. Долой, долой, долой!

Я черкаю ручкой, и Делберт теряет свои миллионы.

– Надо посмотреть, что делает Боско, – внезапно вспоминает она и вскакивает с места. – Он такой несчастный, жалкий человечек, ни семьи, ни друзей, кроме нас.

– Но мы еще не закончили, – возражаю я.

Она снова наклоняется, и опять наши лица близко-близко.

– Нет, закончили, Руди. Сделайте то, что я велела. По миллиону каждому из четырех внуков, а все остальное, кроме этого, Кеннету Чэндлеру. Далее в завещании все остается как есть: тот же душеприказчик, все те же обязательства с более мелкими суммами, те же доверенные лица и опекуны, все остается как прежде. Очень просто, Руди, я так всегда поступаю. Профессор Смут сказал, что вы все опять приедете через две недели и документы будут перепечатаны и приведены в аккуратный, приличный вид. Это правда?

– Очевидно.

– Ну и хорошо. Тогда и увидимся, Руди. – И она упархивает на другой конец стола и вот уже обнимает Боско за шею, а он сразу же успокаивается, и вид у него невинный, словно у ягненка.

Я внимательно прочитываю все завещание и делаю пометки в блокноте. Утешительно сознавать, что относительно сложных моментов можно будет посоветоваться с профессором Смутом и другими преподавателями, что они в случае затруднений помогут, что у меня

целых две недели на то, чтобы прийти в себя и сообразить, как действовать дальше. Нет, мне это все не по силам одному, говорю я себе. Эта замечательная маленькая женщина с двадцатью миллионами нуждается в более опытном советчике, чем я. Для нее нужно составить такое завещание, чтобы она даже толком и не понимала его. Я не глуп, я просто еще неопытен. Я учил право три года, но прекрасно понимаю, насколько малы мои познания.

Клиент Букера мужественно пытается держать себя в руках, а его адвокату просто нечего ему сказать, он исчерпал запас утешений, поэтому Букер пытается что-то царапать в блокноте и каждые несколько секунд бурчит, поддакивая старику. Мне не терпится рассказать ему о мисс Берди и ее богатстве.

Я смотрю на редешую толпу в зале и неожиданно замечаю во втором ряду чету, упорно изучающую меня взглядами. В данный момент я единственный свободный адвокат, и они, по-видимому, никак не могут решить, стоит ли попытать удачи со мной. В руках у женщины толстая папка, для сохранности перетянутая резинкой. Она что-то тихо бормочет, а муж качает головой, словно хочет сказать, что подождет кого-нибудь другого из этих молодых орлов-юристов.

Но вот они встают и медленно направляются ко мне. Оба неотрывно смотрят мне в лицо. Я улыбаюсь. Добро пожаловать ко мне в приемную.

Она садится на место мисс Берди, сбоку от меня. Он опускается на стул напротив и держится отчужденно.

– Привет, – произношу я улыбаясь и протягиваю руку. Он вяло ее пожимает, и я протягиваю руку ей. – Меня зовут Руди Бейлор.

– А меня Дот, а его Бадди, – говорит она, кивая на мужа и игнорируя мою протянутую руку.

– Дот и Бадди, – повторяю я и начинаю записывать в блокноте. – А как ваша фамилия? – спрашиваю со всем благодушием опытного консультанта.

– Блейк. Дот и Бадди Блейк. По-настоящему наши имена Марарайн и Уиллис Блейк, но все зовут нас просто Дот и Бадди.

Волосы у Дот завиты в перманенте, вздыблены и серебрятся на макушке. Но вроде чистые. На ней дешевые парусиновые белые туфли, коричневые носки и большие, не по размеру, джинсы. Сама она худая, жилистая и довольно настырная.

– Адрес? – спрашиваю я.

– Восемьдесят три, Грейнджер-сквер.

– Работаете?

Бадди открыл было рот, но у меня впечатление, что уже много лет за них обоих говорит Дот.

– Я получаю государственное пособие по нетрудоспособности, – отвечает она, – мне только пятьдесят восемь, но у меня плохо с сердцем. У Бадди пенсия, маленькая.

Бадди только глазеет на меня. У него очки с толстыми стеклами и пластмассовыми дужками, которые едва достигают ушей. Щеки румяные и толстые, лохматые темно-каштановые волосы с проседью, такое впечатление, что он не моет их и одного раза в неделю. Рубашка в черно-красную клетку, напоминающая плед, еще грязнее, чем волосы.

– Сколько лет мистеру Блейку? – обращаюсь я к Дот, не будучи уверен, что мне ответит сам мистер Блейк.

– Просто Бадди, ладно? Дот и Бадди. Никаких мистеров, хорошо? Ему шестьдесят два. Можно мне кое-что вам сказать?

Я быстро киваю, Бадди смотрит на Букера.

– Он не совсем в порядке, – быстро шепчет Дот, легко кивнув на Бадди. Я внимательно гляжу на него. Он смотрит на нас. – Военное ранение, – добавляет она. – Получил в Корее. Вы знаете, в аэропортах бывают металлодетекторы...

Я опять киваю.

– Даже если он пройдет через проверочный пункт совсем голый, эта штука может просто выйти из строя от звона.

Рубашка у Бадди светится, так изношена, а пуговицы вот-вот отскочат, потому что она до невозможности натянута на его выдающемся брюшке. У него по крайней мере три подборода. Представляю себе голого Бадди, проходящего через металлодетектор в международном аэропорту Мемфиса, завывание сигнала тревоги и агентов безопасности, мечущихся в панике.

– У него железная пластинка в голове, – прибавляет Дот в заключение.

– Это... это ужасно, – шепчу я в ответ, а затем пишу в своем блокноте, что у мистера Бадди Блейка в голове железная пластинка. Сам мистер повернулся налево и свирепо взглянул на клиента Букера в трех шагах от себя.

Вдруг Дот нагибается вперед:

– И еще кое-что.

Я тоже наклоняюсь в ожидании.

– Да?

– У него проблема с алкоголем.

– Да что вы?

– Но это все от той раны на войне, – добавляет миролюбиво она.

Как запросто эта женщина, с которой я познакомился три минуты назад, превратила своего мужа в пьяницу-болвана.

– Не возражаете, если я покурю? – спрашивает она, теребя сумочку.

– А здесь можно курить? – Я оглядываюсь в надежде увидеть надпись «Курить воспрещается», но таковой не замечаю.

– О, конечно. – Она втыкает сигарету между потрескавшимися губами, зажигает ее, затягивается и выпускает целое дымное облако прямо в лицо Бадди, который даже не шелохнулся.

– Так что я могу сделать для вас, леди? – спросил я, глядя на пачку документов, туго стянутых резинкой. Я сунул конверт с завещанием мисс Берди под блокнот. Моя первая клиентка – мультимиллионерша, а эти – бедные пенсионеры. Моя воспарившая к небесам карьера вот-вот рухнет на землю, потерпев крушение.

– У нас денег немного, – сообщает Дот тихо, словно это большой секрет и она смущена, что приходится его открыть. Я сочувственно улыбаюсь. Сколько бы денег у них ни было, они гораздо богаче меня, сомневаюсь, что их кто-нибудь собирается преследовать по суду. – Но нам нужен адвокат, – добавляет она, снимая с пачки бумаг резинку.

– В чем же ваши проблемы?

– Нас обманывает страховая компания.

– По какому страховому полису? – спрашиваю я.

Она швыряет пачку мне и затем вытирает руки, словно умывает их теперь, когда бремя возложено на плечи чудотворца, который с легкостью решит все их проблемы. Сверху пачки лежит испачканный, мятый и сильно потертый полис. Дот выдыхает еще одно табачное облако, и на какое-то мгновение Бадди почти скрывается из виду.

– Это медицинский страховой полис, – поясняет она. – Мы купили его пять лет назад у компании «Прекрасный дар жизни», когда нашим парням было по семнадцать. А теперь Донни Рей умирает от лейкемии, а эти мошенники не желают оплатить его лечение.

– «Прекрасный дар жизни»?

– Точно.

– Никогда о такой компании не слышал, – говорю я, просматривая первую страницу полиса с условиями и обязательствами с таким видом, словно уже управлялся со многими

судебными исками подобного рода и знаю досконально все и вся о страховых компаниях. В документе указаны имена двух клиентов, которым в случае необходимости должны быть выплачены страховки, – Донни Рей и Ронни Рей Блейк. У обоих одна и та же дата рождения.

– Извините за выражение, но это шайка сукиных детей.

– Как большинство страховых компаний, – произношу я задумчиво, и Дот улыбается – ей смешно. Я завоевал ее доверие. – Итак, вы оплатили этот полис пять лет назад?

– Да, примерно. Я всегда вовремя платила взносы. И никогда ни черта от них не получала, и вот Донни Рей заболел.

Я студент, и страховки у меня нет. Нет у меня ни одного полиса – ни на жизнь, ни на здоровье, ни на автомобиль. Да я даже не могу купить новую покрышку для заднего левого колеса моей маленькой разбитой «тойоты».

– И вы сказали, что он умирает?

Она кивает с зажатой между губами сигаретой.

– Острая лейкемия. Заболел восемь месяцев назад. Доктора дают ему год, но он столько не проживет, потому что Ронни не может отдать свой костный мозг для пересадки. А сейчас, наверное, уже поздно.

Она произносит «мозг» как «мазг».

– Пересадку? – переспрашиваю я сконфуженно.

– Так вы ничего не знаете насчет лейкемии?

– Да нет, кажется.

Она цокает языком и округляет глаза, словно я законченный идиот, затем долго и печально затягивается. Выдохнув достаточно дыма, она говорит:

– Мои мальчики – двойняшки, понимаете? Так что Рон, мы его так зовем, потому что ему не нравится его имя Ронни Рей, прекрасный донор для пересадки своего костного мозга брату-близнецу. Так говорят доктора. Но дело в том, что такая пересадка стоит где-то около ста пятидесяти тысяч долларов. А у нас таких денег нет, понимаете? И страховая компания должна в таком случае заплатить, потому что так указано в полисе, это их обязанность. Но эти поганцы, сукины дети, говорят, что не обязаны. Так что теперь Донни Рей по их милости умирает.

Она удивительно точно передает суть дела.

Все это время мы не обращаем внимания на Бадди, но он старательно слушает. Он медленно снимает свои толстые очки и вытирает глаза волосатой тыльной стороной левой руки. Великолепно. Бадди плачет. Боско хнычет у дальнего конца стола. И клиент Букера, снова охваченный сознанием вины и раскаянием или еще по какой-то горестной причине рыдает, закрыв лицо руками. Смут стоит у окна, смотрит на нас и, несомненно, недоумевает, какие это советы даем мы нашим клиентам, что настраивает их на столь плачевный лад.

– А где он живет? – интересуюсь я, просто чтобы спросить и получить ответ, который позволит мне на несколько секунд сосредоточиться на царапанье пометок в блокноте и не обращать внимания на слезы.

– Он никогда не уходил из дома. С нами живет. Страховая компания не приняла нашу просьбу еще и потому, что, говорят, раз он взрослый, он больше не нуждается в опеке.

Я просматриваю бумаги и письма, посланные ими компании и ответные.

– А разве полис не кончается с возрастом, когда он уже не нуждается в опеке?

Она качает головой и натянуто улыбается:

– Нет, так с полисами не бывает, Руди. Я тысячу раз все прочла о полисах и никогда такого условия не встречала. Даже изучила все пометки мелким шрифтом.

– Вы уверены? – спрашиваю я, глядя на страховую полис.

– Да, уверена. Я этот проклятый документ читаю и перечитываю уже почти год.

– А кто вам его продал? Как имя агента?

– Это был какой-то низенький слизняк, который постучал к нам в дверь и уговорил его купить. Зовут Отт или что-то вроде этого, такой маленький скользкий тип и говорит очень быстро. Я пыталась его найти, но он, наверное, слинял из города.

Я беру письмо из пачки и читаю. Это от старшего инспектора из Кливленда, который рассматривает заявки. Оно написано спустя несколько месяцев после первого письма, которое я уже прочитал, и в нем довольно резко отказано в просьбе оплатить стоимость лечения на том основании, что Донни заболел лейкемией раньше обусловленного договором срока и, следовательно, вопрос не подлежит положительному решению. Но если у Донни лейкемию обнаружили меньше чем год назад, то, значит, диагноз поставлен спустя четыре года после того, как «Дар жизни» продал полис.

– Здесь говорится, что в просьбе отказано, потому что болезнь возникла до заключения контракта.

– Они использовали все зававыки, Руди, чтобы отказать. Прочитайте бумаги внимательно. Тут указаны все исключения, изъятия из правил, они все испробовали.

– А есть тут исключение для пересадки костного мозга?

– Да нет, черт возьми. А наш врач только взглянул на полис и говорит, что «Дар жизни» обязан все оплатить, потому что операции с пересадкой костного мозга теперь стали обычными, их каждый день делают. Это не исключительный случай.

Клиент Букера вытирает лицо обеими руками, встает и просит извинить его. Он благодарит Букера, а Букер благодарит его. Старик садится у столика, где идет ожесточенное сражение в китайские шашки. Мисс Берди наконец удается избавить Н. Элизабет Эриксон от Боско и его проблем. Смут прохаживается у нас за спиной.

Следующее письмо тоже от «Дара жизни» и на первый взгляд ничем не отличается от других. Оно короткое, скверное и по делу. В нем говорится: «Уважаемая миссис Блейк! В семи предыдущих случаях компания отказала Вам в Вашей письменной просьбе. Сейчас мы отказываем Вам в восьмой раз, и в последний. Вы, должно быть, дура, дура и дура!» И подписано: «Старший инспектор по рассмотрению исковых заявлений».

Я, не веря глазам своим, тру красующуюся сверху страницы словно выгравированную марку фирмы. Прошлой осенью я посещал курс, посвященный законам страхования, и помню свое потрясение, когда пришлось сталкиваться с грубым и недобросовестным поведением некоторых компаний, которые на проверку обманывали доверие своих клиентов или злоупотребляли им. Наш преподаватель был приглашенным лектором, коммунистом, который ненавидел все страховые компании, все корпорации и, в сущности, просто испытывал наслаждение, когда изучал случаи незаконных отказов на законные требования застрахованных. Он твердо верил, что в стране можно насчитать десятки тысяч случаев обмана доверия и мошенничества при рассмотрении исков пострадавших и что по ним никогда не восстанавливается справедливость. Он написал несколько книг о мошеннических судебных процессах по рассмотрению исков и даже приводил статистические данные в доказательство того, что большинство людей принимают отказ как должное и смиряются с ним, не пытаясь серьезно вникнуть в причины отказа.

Я перечитываю письмо, все время нащупывая пальцем затейливую марку «Дара жизни».

– И вы всегда вовремя вносили взносы? – спрашиваю я Дот.

– Да, сэр. Ни единого раза не пропустили.

– Мне нужно посмотреть медицинскую карту Донни.

– У меня эти документы почти все остались дома. У него последнее время врач бывал не часто. Мы не в состоянии платить за визиты.

– А вы можете сказать точную дату, когда ему диагностировали лейкемию?

– Числа не припомню, но это было в августе прошлого года. Он находился в больнице для первого курса переливания крови. А потом эти мошенники сообщили, что больше не станут оплачивать лечение, так что из больницы нас выставили. Сказали, что не могут бесплатно сделать пересадку, что это чертовски дорого стоит. И я их не могу за это осуждать.

Бадди внимательно рассматривает следующего клиента Букера, вернее, клиентку, хрупкую маленькую женщину, тоже с папкой документов. Дот теребит в пальцах пачку «Салема» и наконец вставляет между губами еще одну сигарету.

Если Донни действительно болен лейкемией и болен только последние восемь месяцев, тогда, значит, никакой речи о существовании болезни до оформления страхового полиса не может быть. И нет никакого исключения для лейкемии, а это значит, что «Дар жизни» должен платить. Правильно? Это же так разумно, так абсолютно ясно. А поскольку закон очень редко ясен и нечасто разумен, то у меня появляется ощущение какой-то ошибки, я уверен, что в основе всех этих отказов содержится нечто роковое для моих столь ясных умозаключений.

– Я просто не понимаю этого, – говорю я, глядя на письмо с трехкратной «дурой».

Дот изрыгает густое голубое табачное облако в лицо мужу, и дым окутывает его голову. Глаза у него сейчас как будто сухие, но я не до конца уверен в этом. Она облизывает липкие губы и произносит:

– Но это же так просто, Руди. Это просто шайка мошенников. Они решили, что мы простачки, невежественная рвань, что у нас нет денег, чтобы схватиться с ними. Я тридцать лет работала на джинсовой фабрике, там я вступила в профсоюз, и мы боролись с нашей компанией каждый день, без передышки. И здесь происходит то же самое. Большая корпорация давит маленьких людей.

Кстати, мой папаша не только ненавидел юристов. Он часто изрыгал хулу и ехидничал по поводу рабочих профсоюзов. И естественно, я вырос горячим защитником рабочих масс.

– Просто не верится, что можно послать такое письмо, – говорю я ей.

– Какое?

– Да это, от мистера Крокита, в котором он пишет, что вы «дура, дура и дура».

– Сукин он сын! Хотела бы я, чтобы он притащил свою задницу сюда и попробовал бы здесь обозвать меня дурой. Ублюдок янки.

Бадди отгоняет от лица дым и что-то бурчит. Я смотрю на него в надежде, что и он выскажется, но он упускает возможность. И я впервые замечаю, что слева голова у него более плоская, чем справа, и снова молниеносно представляю, как он голышом, на цыпочках, проходит через металлодетектор. Я складываю письмо с «дурой» и помещаю его сверху пачки.

– Мне потребуется несколько часов, чтобы все это как следует просмотреть.

– Да, но вам надо торопиться. Донни Рей долго не протянет. В нем теперь сто десять фунтов, а раньше весил сто шестьдесят. Он иногда так плохо чувствует себя, что едва держится на ногах. Хотелось бы мне, чтобы вы его увидели.

Желания видеть Донни Рея у меня нет.

Конечно, но как-нибудь потом. Я еще раз просмотрю полис, и все письма, и медицинскую карту Донни, потом проконсультируюсь со Смутом и напишу любезное письмо на двух страницах Блейкам, в котором очень убедительно объясню, что их случай заслуживает консультации с настоящим, опытным юристом, и не просто с юристом, а с тем, который специализируется на судебных исках к страховым компаниям по поводу злоупотребления доверием. Перечислю несколько имен таких адвокатов, их телефонные номера и покончу с этим совершенно невыгодным делом, а также со Смутом – страстным поборником социальной защиты стариков.

Я окончу колледж через тридцать восемь дней.

– Мне нужно все это оставить у себя, – объясняю я Дот, пытаюсь навести порядок в бумажной неразберихе и собираю ее резинки. – Я приеду сюда через две недели с рекомендательным заключением.

– Но почему только через две недели?

– Ну, э... мне нужно проделать некоторую исследовательскую работу, навести справки, знаете ли, проконсультироваться с моими преподавателями и посмотреть кое-какие справочники. Вы можете переслать мне медицинскую карту Донни?

– Конечно, но хорошо бы вам с этим поторопиться.

– Я приложу все силы, Дот.

– А как вы думаете, мы выиграем дело?

Хотя я только еще изучаю право и всего-навсего студент, но я уже наострил в умении говорить экивоками и двусмысленностями.

– Наверняка сейчас сказать не могу, хотя есть перспективы. Но дело требует дальнейшего рассмотрения и тщательной проверки. Все возможно.

– Какого черта это значит?

– Ну, э... это значит, что ваши претензии имеют все основания, но мне еще раз надо все просмотреть, прежде чем я буду уверен.

– А вы юрист по каким делам?

– Я еще студент.

Дот, по-видимому, удивилась. Она сжимает губами фильтр и сердито взирает на меня. Бадди что-то там ворчит. Смут, слава Богу, появляется у меня за спиной и спрашивает, в чем дело.

Дот пялится на его галстук-бабочку, потом на взлохмаченные волосы.

– Все в порядке, – отвечаю я, – мы заканчиваем.

– Очень хорошо, – говорит он, словно времени в обрез и меня ожидают другие клиенты. И ускользает прочь.

– Увидимся через пару недель, – повторяю я добродушно и фальшиво улыбаюсь.

Дот тычет сигаретой в пепельницу и опять наклоняется ко мне. Вдруг у нее начинают дрожать губы, глаза увлажняются. Она слегка трясет мое запястье, беспомощно глядя на меня.

– Пожалуйста, Руди, поторопитесь. Нам нужна помощь. Мой мальчик умирает.

Мы целую вечность смотрим в глаза друг другу, и я наконец киваю и что-то бормочу. Эти бедняки только что доверили мне жизнь своего сына, мне, студенту третьего курса Мемфисского юридического колледжа. Они верят, что я возьму пачку грязных бумажонков, которые они выложили передо мной, подниму телефонную трубку, сделаю пару звонков, напишу несколько писем, немного побегая и похлопочу, там и здесь погрожу, и бац – вот вам, «Прекрасный дар жизни» падает передо мной на колени и осыпает долларами Донни и Рея. И они ожидают, что я не только все это сделаю, но сделаю быстро.

Они встают и неуклюже удаляются от моего стола. Я почти уверен, что где-то на страницах этого страхового полиса содержится такое маленькое и совершенно неопровержимое исключение, едва видимое глазу и, уж конечно, совершенно неразборчивое, но тем не менее помещенное туда каким-нибудь искусным ремесленником от закона, который получает за это жирные гонорары, замечательно умеет творить маленькие эксклюзивные примечания и практикуется на этом уже не один десяток лет.

Ведя Бадди, Дот держит курс между складными стульями и сосредоточенными игроками в поддавки и останавливается у столика с кофейником, наливает в бумажные стаканчики кофе без кофеина и прикуривает очередную сигарету. Вот они устроились в дальнем конце комнаты, потягивая кофе и глядя на меня с расстояния в шестьдесят шагов. Я снова

пробегаю полис, тридцать страниц едва читаемого текста, и делаю пометки. И стараюсь на них не смотреть.

Толпа становится реже, люди постепенно уходят. Я устал быть адвокатом, достаточно устал на весь предстоящий день и надеюсь, что клиентов больше не будет. Мое незнание законов ужасающе, и меня бросает в дрожь, когда я думаю, что через несколько месяцев где-то в этом самом городишке я буду в присутствии судей и присяжных спорить в суде с другими адвокатами. Я не готов к тому, чтобы меня спустили с поводка наделенного властью преследовать кого-нибудь по суду.

Юридический колледж не дал мне ничего, кроме трех лет напряженной зубрежки и стрессовых ситуаций. Мы провели бесчисленное количество часов, копя информацию, которая нам никогда не пригодится, нас бомбардировали лекциями, которые мы сразу же забыли. Мы запомнили дела, статусы и положения, которые будут пересмотрены или исправлены завтра. Если бы вместо этого я три года по пятьдесят часов в неделю просто работал под присмотром хорошего адвоката, я сам бы уже стал таким. А теперь я студент-третьекурсник с расстроенными нервами, который испытывает ужас перед самыми несложными казусами и замирает от страха перед неумолимо приближающимися экзаменами на звание адвоката.

Уловив какое-то движение перед столом, я поднимаю глаза и вижу, как коренастый старикан с массивным слуховым аппаратом шаркает в моем направлении.

Глава 2

Через час вялые битвы в китайские шашки и джин-рамми совсем выдохлись, и последние старики покидают здание. У дверей уже стоит привратник, когда Смут собирает нас для подведения итогов. Мы по очереди делаем краткие сообщения относительно разных сложностей у наших новых клиентов. Мы устали, и всем очень хочется поскорее уйти.

Смут высказывает несколько предположений, ничего творческого или оригинального, и отпускает нас, пообещав, что мы обсудим эти неотложные проблемы пожилых на занятиях на следующей неделе, мне тоже совсем не терпится уйти.

Мы с Букером уезжаем в его машине, довольно старом «пontiаке», слишком большом, чтобы сохранять стильность, но в гораздо лучшем состоянии, чем моя разваливающаяся на части «тойота». У Букера двое маленьких детей и жена, школьная учительница на полставки, так что он лишь слегка возвышается над чертой бедности. Букер усердно учится. У него хорошие отметки, и поэтому он обратил на себя внимание влиятельной фирмы в городе, во главе которой стоят негры, довольно хорошей и известной своей умелой экспертизой в судопроизводстве по гражданским делам. Его стартовое жалованье – сорок тысяч долларов в год, на шесть тысяч больше, чем мне предложили «Броднэкс и Спир».

– Ненавижу колледж, – говорю я, когда мы выезжаем с парковки около «Дома пожилых граждан из “Кипарисовых садов”».

– Таких, как ты, большинство, – замечает Букер.

Он не ненавидит ничего и никого и даже иногда говорит, что изучать право довольно интересно.

– Почему надо обязательно хотеть стать юристами?

– Но ты же знаешь, для того чтобы служить людям, надо бороться с несправедливостью и, следовательно, менять общество к лучшему. Ты что, не слушал лекций профессора Смута?

– Давай выпьем пивка.

– Но еще нет трех часов, Руди.

Букер пьет мало, а я пью еще меньше, потому что это дорогая привычка, и сейчас мне надо экономить на еду.

– Да я шучу, – отвечаю я.

Букер едет к университету, сегодня четверг, а это значит, что завтра на меня навалится спецкурс спортивного законодательства и Кодекс Наполеона, такие же никчемные, как законы, касающиеся стариков и тоже не требующие усердия. Но на горизонте маячит экзамен на адвоката. И когда я об этом думаю, у меня слегка дрожат руки. Если я провалю экзамен, то эти приятные, но накрахмаленные и неулыбчивые парни из «Броднэкс и Спир» предложат мне уволиться, и, значит, проработав месяц, я окажусь потом на улице. Нет, нечего так думать, мне ни в коем случае нельзя завалить экзамен, это повлечет за собой безработицу, полное банкротство, позор и голод. Так почему же я все время об этом думаю, ежедневно и ежечасно?

– Завези меня в библиотеку, – прошу я. – Надо поработать над этими делами, а потом ударю по адвокатскому резюме к экзамену.

– Хорошая мысль.

– Ненавижу библиотеку.

– А кто ее любит, Руди? Она для того и существует, чтобы ее ненавидели. Ее главная цель и назначение – вызывать ненависть у студентов-юристов. У тебя нормальное отношение.

– Спасибо.

– А у этой первой твоей клиентки, мисс Берди, водятся деньжата?

– А ты откуда знаешь?

– Кое-что подслушал.

– Да. Куча. И ей нужно новое завещание. К ней плохо относятся дети и внуки, так что она, естественно, хочет лишить их наследства.

– И сколько же у нее денег?

– Примерно двадцать миллионов.

Букер смотрит на меня с явным недоверием.

– Во всяком случае, она так говорит, – поясняю я.

– А кто тогда получит все это богатство?

– Сексапильный телевизионный проповедник, у которого есть даже собственный самолет.

– Не может быть.

– Клянусь.

Букер сосредоточенно обдумывает услышанное на протяжении двух кварталов, которые мы с трудом преодолеваем из-за напряженного уличного движения.

– Послушай, Руди, не обижайся, ты замечательный парень и так далее, хороший студент, умный, но ты считаешь, что справишься с завещанием на такое огромное состояние?

– Нет. А ты бы справился?

– Конечно, нет. Так что ты собираешься делать?

– Но, может быть, она умрет во сне.

– Не думаю. Она слишком подвижная и юркая. Она еще нас переживет.

– Я свалю это дело Смуту. Может быть, он устроит мне какого-нибудь преподавателя по налоговой политике, чтобы помочь. А может, я просто скажу мисс Берди, что не в состоянии помочь и что ей придется уплатить пять тысяч какому-нибудь могучему адвокату, специалисту по налогам, чтобы он составил такое завещание. Да мне все равно. У меня свои проблемы.

– «Тексако»?

– Ага. Они меня за пятки хватают. И мой домохозяйин тоже.

– Хотелось бы тебе помочь, – говорит Букер, и я знаю, что он действительно хочет. Если бы он мог урвать хоть какую-то сумму, он бы с радостью мне одолжил.

– До первого июля я проживу. А затем буду иметь бешеный спрос как адвокат по криминальным делам у «Броднэкс и Спир», и бедность останется позади. Каким это образом, дорогой Букер, можно потратить все тридцать четыре тысячи долларов в год?

– Звучит невероятно. Ты станешь богачом.

– Да, именно так, черт возьми, после того как жил на медные гроши целых семь лет. Что я буду делать с такими большими деньгами? Куда их девать?

– купишь новый костюм.

– Зачем? У меня есть два.

– Но, может быть, какие-нибудь новые ботинки?

Вот оно. Вот это я и сделаю. Я куплю новые туфли, и галстуки, и, может, какую-нибудь неконсервированную еду, и, возможно, парочку новых шорт.

По крайней мере дважды в месяц в течение трех лет Букер и его жена приглашали меня к ним обедать. Ее зовут Чарлин, она девушка из Мемфиса и способна на кулинарные чудеса, несмотря на тощий бюджет. Они мои друзья, но чувствую, что они меня жалеют. Букер улыбается и отворачивается. Ему уже надоели мои шуточки и разговоры на не очень приятные темы.

Он останавливает машину на парковке напротив Центральной авеню, где находится Мемфисский государственный университет.

– У меня есть кое-какие домашние поручения, – говорит он.

- Да, конечно, спасибо, что подбросил.
- Я вернусь около шести. Надо бы тоже кое-что почитать к экзамену.
- Хорошо. Я буду внизу.

Я хлопаю дверцей и вприпрыжку бегу через Центральную, лавируя между машинами.

В цокольном этаже, где расположена библиотека, за стеллажами, уставленными старыми юридическими книгами в потрескавшихся древних переплетах, вдали от досужих взглядов я нахожу свою маленькую любимую нишу, где обычно сижу и занимаюсь. Она официально закреплена за мной уже много месяцев. В этом углу нет окна, здесь иногда сыро и холодно, и поэтому мало кто отваживается сюда заходить. А я сижу часами в моей личной крошечной берлоге, изучая судебные дела и готовясь к экзаменам. Последние несколько недель я провел здесь немало беспокойных часов, недоумевая, что случилось с Сарой, и все время мучаясь вопросом, когда я ее потерял. Здесь я терзаю себя. Плоская столешница с трех сторон окружена панелями, и я изучил каждую извилину и зазубрину на невысоких деревянных стенах. Тут я мог плакать, не опасаясь, что меня застанут врасплох. Я мог даже втихомолку выругаться, уверенный, что меня никто не услышит.

Много раз в течение нашей чудесной интрижки Сара приходила ко мне, и мы занимались вместе, тесно сдвинув стулья и уютно устроившись рядышком. Мы могли здесь хихикать и даже смеяться, и всем было до лампочки. Мы могли целоваться и ласкать друг друга, и нас никто не видел. Сейчас, погрузившись в глубины депрессии и печали, я почти ощущаю запах ее духов.

Да, для занятий мне бы следовало поискать в этом разветвленном лабиринте другое место. А теперь, когда смотрю на деревянные панели, я вижу ее лицо и ощущаю прикосновение ее ног, и моментально накатывает щемящая боль в сердце, которая словно парализует. Да, она была здесь всего несколько недель назад! А теперь кто-то другой трогает эти ноги.

Я беру пачку блейковских документов и поднимаюсь по лестнице в отдел библиотеки, где собрана литература по страхованию. Я иду медленно и смотрю по сторонам. Сара теперь редко приходит сюда, но пару раз я ее видел.

Я раскладываю документы на свободном столе между стеллажами и снова читаю «дурацкое» письмо. Какое оно грубое и мерзкое, и написал его кто-то, кто был уверен, что Дот и Бадди никогда не захотят показать его какому-нибудь адвокату. Я перечитываю письмо и чувствую, что сердечная боль постепенно утихает – она то набежит, то снова отхлынет, и я приспосабливаю такое состояние к необходимости заниматься.

Сара Плэнкмор – тоже студентка третьего курса нашего юридического колледжа и единственная девушка, которую я когда-либо любил. Она бросила меня четыре месяца назад ради студента из престижного университета, представителя местной аристократии. Она сказала, что они старые друзья еще со школы второй ступени. И что они случайно встретились во время рождественских каникул. Роман возобновился, и ей было очень жаль меня и трудно обрушить на меня эту новость, но ведь жизнь продолжается и я кого-нибудь снова полюблю. Ходили упорные слухи в наших коридорах, что она уже беременна. Когда я услышал об этом, меня чуть не вывернуло наизнанку.

Я внимательно прочитываю полис Блейков, купленный у «Дара жизни», и заполняю целые страницы замечаниями. Полис запутан, словно написан на санскрите. Я раскладываю по порядку письма, и заявления о помощи, и медицинские справки. На какой-то момент Сара исчезла, а я с головой погрузился в спорный страховой документ, от которого все больше разит мошенничеством.

Полис был куплен за недельные взносы в восемнадцать долларов у страховой компании «Прекрасный дар жизни», Кливленд, штат Огайо. Я изучаю маленькую книжечку, в которой регистрируются еженедельные взносы. Такое впечатление, что агент, некий Бобби Отт, действительно еженедельно посещал Блейков.

Маленький стол передо мной полон аккуратно разложенных по стопкам документов, и я читаю все, что передала мне Дот.

И все время думаю о Максе Левберге, нашем профессоре-коммунисте, и его страстной ненависти к страховым компаниям. Они правят нашей страной, твердит он постоянно. Они контролируют банковское дело. Они владеют всей собственностью нации. Стоит им чихнуть, как на Уолл-стрит всех прохватывает понос. А когда процентные ставки падают и барыши на капиталовложения резко сокращаются, они бегут в конгресс и требуют реформ – всяких незаконных поправок к подзаконным актам. «Нас разоряют судебные иски! – вопят они. – Грязные адвокатишки затевают глупые процессы и убеждают невежественных присяжных требовать громадные судебные издержки и платежи, и это все надо прекратить, иначе мы разоримся». Левберг до того распалялся, что швырял книги о стенку. Мы его любили.

Он все еще преподает в колледже, но в конце семестра опять уедет в Висконсин, и, если я наберусь храбрости, я должен именно сейчас попросить его познакомиться с тяжбой Блейков и «Дара жизни». Он несколько раз заявлял, что принимал участие в известных судебных процессах по мошенническим действиям со стороны компаний, которые присяжные обязывали в виде наказания выплатить огромные суммы в порядке возмещения морального и материального ущерба.

Я приступаю к подготовке краткого резюме по делу. Начинаю с того, что указываю дату покупки полиса, затем составляю хронологический список всех последующих важных деяний. «Прекрасный дар жизни» восемь раз письменно отклонил просьбу оплатить лечение. На восьмой было послано то самое ругательное письмо. Я мысленно представляю, как Макс Левберг посвистывает и нехорошо усмехается, читая это письмо. И чувствую также, что запахло кровью.

Надеюсь, профессор Левберг тоже способен это ощутить. Нахожу его кабинет, словно втиснутый между двумя кладовыми, на третьем этаже юридического колледжа. Дверь покрыта листовками, призывающими прийти на демонстрацию по защите прав сексуальных меньшинств, бойкотировать то или это, защитить вырождающиеся виды флоры и фауны, одним словом, принять участие во многих делах и начинаниях, которые мало кого в Мемфисе интересуют. Дверь полуоткрыта, и я слышу, как он громко кричит в телефон. Затаив дыхание, я легонько стучу в дверь.

– Входите! – орет Левберг, и я тихо вползаю в кабинет. Он указывает на единственный стул. На нем груды книг, папок и журналов. Кабинет напоминает мусорную свалку. Беспорядок, мерзость запустения, старые газеты, бутылки. Книжные полки прогибаются под избыточным грузом. На стенах висят от руки написанные плакаты и афиши. На полу островки газетных клочков. Порядок и организованность для Макса Левберга не существуют.

Сам он низенький тощий человек лет шестидесяти, со взлохмаченными, торчащими во все стороны волосами цвета соломы и руками, которые не знают покоя. Он всегда носит полинявшие джинсы, сильно поношенные, наводящие на размышления, шерстяные рубашки и старые кроссовки. В холодную погоду он надевает еще носки. В нем все настолько чрезмерно, что я в его присутствии всегда нервничаю. Он шмякает телефонную трубку на аппарат.

– Бейкер!

– Бейлор. Руди Бейлор. Я слушал у вас курс по страхованию в прошлом семестре.

– Точно! Точно! Помню, садись. – Он опять показывает на стул.

– Нет, спасибо.

Он суетливо ерзает и сдвигает в беспорядочную грудку бумаги, лежащие перед ним на столе.

– Так в чем дело, Бейлор? – Студенты обожают Макса, потому что он всегда находит время выслушать каждого.

– Э... Вы можете уделить мне минуту? – Я хотел бы соблюсти официальность и обратиться к нему «сэр», но Макс ненавидит формальную вежливость и всегда настаивает, чтобы мы его звали просто Макс.

– Да, конечно. Что у тебя?

– Я учусь у профессора Смута, – начинаю я, затем быстро описываю посещение стариков во время благотворительного ленча, рассказываю о Дот и Бадди и их борьбе с «Даром жизни». Он внимательно ловит каждое слово. – Вы когда-нибудь слышали о такой страховой компании?

– Ага. Это крупная фирма, которая продает массу дешевых страховок сельским жителям, белым и неграм. Очень несолидная.

– А я никогда не слышал о ней.

– И не должен был. Они не дают объявлений. Их агенты просто стучат в дверь и собирают еженедельные взносы. Одна из тех организаций в страховочном деле, которые занимаются самыми темными, дурно пахнущими махинациями. Дай-ка посмотреть полис.

Я вручаю ему полис, и он листает его.

– На каких основаниях они отказали? – спрашивает он, не глядя на меня.

– Они использовали все уловки. Сначала отказали просто из принципа. Потом сославшись на то, что лейкемия не входит в число болезней, по которым оказывается помощь. Затем заявили, что сын уже не подросток, а взрослый и поэтому не подлежит помощи по такого рода страховочному полису. Они были очень изобретательны, честное слово.

– А взносы Блейки платили?

– По словам миссис Блейк, аккуратно.

– Мерзавцы. – Он опять перелистывает полис и зловеще улыбается: Макс любит такие случаи. – И ты просмотрел всю пачку документов?

– Да, я прочитал все, что получил от клиентов.

Он швыряет полис на стол.

– Определенно стоит вникнуть, – говорит он. – Но имей в виду, что клиенты редко рассказывают все без утайки.

Я подаю ему письмо с «дурой». Пока он читает, еще одна зловещая улыбка мелькает у него на лице. Он снова перечитывает и наконец смотрит на меня:

– Невероятно.

– Я тоже так думаю, – замечаю я, словно опытная ищейка, натасканная на то, чтобы подавлять страховые компании на жульничестве.

– Где остальные бумаги?

Я кладу перед ним на стол всю пачку.

– Это все, что мне дала миссис Блейк. Она сказала, что ее сын умирает, потому что у них нет денег на лечение. Сказала, что он теперь весит пятьдесят килограммов вместо семидесяти и долго не проживет.

Руки Макса неподвижны.

– Мерзавцы, – повторяет он тихо, – вонючие мерзавцы.

Я абсолютно согласен, но молчу. И замечаю пару летних туфель, брошенных в углу. Это туфли фирмы «Найк». Он как-то сказал нам во время семинара, что носил одно время «Конверсы», но теперь объявил бойкот этой фирме, поскольку она занимает неправильную политическую позицию.

Он ведет свою маленькую личную войну против корпоративной Америки и не покупает ничего, если данный производитель хоть в малейшей степени его не устраивает или чем-то ему не угодил. Он отказывается страховать свою жизнь, здоровье, имущество, но

ходят слухи, что он из богатой семьи и может себе позволить роскошь не страховаться. Я тоже не застрахован, но совсем по другой причине.

Большинство моих преподавателей – старомодные ученые, которые на занятия приходят в галстуках и читают лекции в пиджаках, застегнутых на все пуговицы. Макс уже десятки лет не носит галстуков. И не читает лекций. Он их разыгрывает, как спектакли. И мне претит сама мысль, что он может уйти с работы.

Его руки внезапно оживают.

– Я хотел бы просмотреть все это сегодня вечером, – говорит он, не глядя на меня.

– Нет проблем. Могу я зайти за бумагами утром?

– Конечно. В любое время.

Звонит телефон, он рывком хватается трубку. Я улыбаюсь и пячусь к двери с чувством огромного облегчения. Завтра утром я снова приду, выслушаю его совет, потом напечатаю двухстраничное письмо Блейкам, в котором повторю все, что он скажет.

А сейчас хорошо бы мне найти еще одного такого умника, который помог бы разобраться с делами мисс Берди. У меня есть кое-кто на примете, несколько преподавателей – специалистов по налоговой политике, и можно будет попробовать позондировать их завтра. Я спускаюсь по лестнице и вхожу в комнату отдыха для студентов рядом с библиотекой. Это единственное место в колледже, где можно курить, и здесь над лампами все время висит пелена голубоватого дыма. Здесь есть также телевизор и несколько продавленных диванов и кресел. На стенах висят фотографии бывших студентов – целая коллекция сосредоточенных лиц. Их хозяева уже давно сражаются в окопах войны законов. Когда в комнате никого нет, я часто смотрю на них, своих предшественников, и любопытствую, сколько из них уже дисквалифицированы и сколько таких, которые желали бы никогда не видеть этих стен, как мало тех, кому действительно нравится преследовать людей по суду или защищать от преследования. Одна стена предназначена для объявлений, самых разнообразных бюллетеней, заявок «Требуется...», а за всем этим виден прилавок с безалкогольными напитками и уже расфасованными закусками. Я много раз здесь подкреплялся. Еда в расфасовке многими недооценивается.

В сторонке сгруппировались чистопородный Ф. Франклин Доналдсон-четвертый и трое его дружков, язвительных и высокомерных. Они все пишут статейки в «Юридическое обозрение» и недружелюбно взирают на тех, кто туда не пишет. Они о чем-то сейчас сплетничают. Ф. Франклин Доналдсон-четвертый замечает меня и проявляет к моей особе интерес. Когда я прохожу мимо, он улыбается, а это необычное дело, потому что чаще всего выражение его лица холодно и хмуро.

– Эй, Руди, ты, кажется, собираешься работать у «Броднэкс и Спир», да? – громко окликает он меня. Телевизор включен. Приятели Доналдсона пристально меня оглядывают. Две студентки на диване выпрямляются и тоже поворачиваются ко мне.

– Да, а что такое? – спрашиваю я.

Ф. Франклин-четвертый работает в фирме, которая богата традициями, деньгами и претензиями, фирме, которая во всем неизмеримо превосходит «Броднэкс и Спир». Среди его дружков я вижу У. Харпера Уиттенсона, высокомерного маленького хоряка, который, слава Богу, покидает нас и Мемфис и отправляется работать в мощной фирме в Далласе, там же Дж. Таунсенд Гросс, который тоже получил предложение от одной из крупнейших фирм, и Джеймс Стрейбек, который иногда относится ко всем прочим по-дружески и который промучился все три года в юридическом колледже без инициала перед фамилией и порядкового номера после. С таким коротким именем под вопросом его будущее в какой-нибудь влиятельной процветающей фирме. Я сомневаюсь, что ему повезет.

Ф. Франклин-четвертый делает шаг в моем направлении. Он улыбается до ушей.

– Расскажи нам, что там приключилось?

– Что приключилось? – Я понятия не имею, о чем это он.

– Да знаешь ты, о слиянии компаний.

Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Каком слиянии?

– А ты ничего не слышал?

– Слышал о чем?

Ф. Франклин-четвертый оглядывает своих дружков, и, по-видимому, все происходящее их забавляет. Улыбка его становится еще шире.

– Да ладно, Руди, о слиянии «Броднэкс и Спир» с «Тинли Бритт».

Я стою очень тихо и пытаюсь сказать в ответ что-то умное или хитрое, но ничего не могу придумать. Я не нахожу слов. Они понимают, что я ничего не слышал о слиянии, и явно эта задница что-то знает. «Броднэкс и Спир» – маленькая фирма, там работают всего пятнадцать юристов, и я единственный с нашего курса, кого они приняли. Когда мы обо всем договорились два месяца назад, не было никаких разговоров о слиянии или о подобных планах.

«Тинли Бритт», с другой стороны самая большая, солидная и наиболее престижная фирма во всем штате. По последним подсчетам, там работают сто двадцать юристов. Многие выходцы из привилегированных школ. У многих в их родословных значатся государственные федеральные служащие. Это мощная фирма, представляющая интересы богатых корпораций и государственных учреждений, у нее правление в Вашингтоне. Ее руководители общаются с правительственной элитой. Это бастион твердокаменных консерваторов-политиков. Один из партнеров – бывший член сената Соединенных Штатов. Ее сотрудники работают по восемьдесят часов в неделю, одеты в синие и черные костюмы, белоснежные рубашки и носят галстуки в полоску. Они коротко стригутся, им не позволено носить усов или бороды. Можно всегда определить адвоката из «Тинли Бритт» по тому, как он важно двигается и одевается. В фирме работают только мужчины англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, все из хороших солидных школ и уважаемых социальных групп, так что остальные представители мемфисской юридической общественности уже давно называют их Правоверными и Незаменяемыми.

Дж. Таунсенд Гросс, руки в карманах, издевательски усмехается. На нашем курсе он человек номер два, воротник его рубашки-поло всегда идеально накрахмален, он ездит на «БМВ», и его сразу же пригласили в штат Правоверных и Незаменяемых.

Мои колени дрожат, потому что я знаю, что Правоверные меня ни за что не примут в свои ряды. Если «Броднэкс и Спир» действительно объединилась с таким бегемотом, то, боюсь, в суете он меня уже растоптал.

– Ничего не слышал, – говорю я тихо.

Девушки на диване внимательно за нами наблюдают. Молчание.

– Ты хочешь сказать, что они тебя об этом не уведомили? – недоверчиво спрашивает Ф. Франклин-четвертый. – Джек знал об этом уже сегодня в полдень, – кивнул на своего соратника Дж. Таунсенда Гросса.

– Да, верно, – соглашается Дж. Таунсенд, – но название фирмы не меняется.

Кроме «Правоверные и Незаменяемые», еще фирма называется «Тинли», «Бритт», «Кроуфорд», «Маиз» и «Сент-Джон». По счастью, кто-то несколько лет назад предложил вариант «Трень-Брень». Сообщив, что название фирмы остается неизменным, Дж. Таунсенд информирует своих немногих слушателей, что «Броднэкс и Спир» – такая крошечная и незначительная компания, что «Тинли Бритт» проглотит ее и даже не поморщится.

– Так, значит, они по-прежнему «Трень-Брень»? – спрашиваю я у Дж. Таунсенда, но он только фыркает в ответ, услышав эту приевшуюся кличку.

– Не верю, что они тебя не уведомили, – продолжает Ф. Франклин-четвертый.

Я пожимаю плечами, словно это пустяк, и шагаю к двери.

– Может, ты чересчур обо всем этом беспокоишься, Фрэнки?

Они обмениваются заговорщическими смешками, словно им удалось осуществить какое-то задуманное раньше дело, а я выхожу из комнаты отдыха. Я вхожу в библиотеку, и дежурный за столом делает мне знак подойти.

– Для вас оставлено сообщение, – говорит он и вручает мне бумажонку. Это записка, в которой говорится, чтобы я позвонил Лойду Беку, управляющему фирмы «Броднэкс и Спир», человеку, который нанимал меня на работу.

В комнате отдыха есть телефоны-автоматы, но я не в настроении опять лицеизреть Ф. Франклина-четвертого и его шайку.

– Можно мне позвонить по вашему телефону? – спрашиваю я дежурного, студента-второкурсника, который ведет себя так, словно он в библиотеке хозяин.

– Но в комнате отдыха есть платные автоматы, – говорит он назидательно и указывает куда идти, словно я, проучившись здесь три года, не знаю, где она находится.

– Но я только что оттуда. Там они все заняты.

Он хмурится и оглядывается вокруг:

– Ладно, только быстро.

Я набираю номер «Броднэкс и Спир». Уже почти шесть, а секретарши уходят в пять. После девятого звонка мужской голос отвечает:

– Алло.

Я поворачиваюсь спиной к залу, пытаюсь при этом укрыться между стеллажами.

– Алло, это Руди Бейлор. Я сейчас в колледже, и мне передали записку с просьбой, чтобы я позвонил Лойду Беку. По срочному делу. – В записке ни слова, что это срочно, но сейчас я уже довольно сильно нервничаю.

– Руди Бейлор? Относительно чего позвонить?

– Я тот молодой человек, которого только что приняли на работу в фирму. А с кем я говорю?

– Ах да, Бейлор. Это Карсон Белл. Э... У Лойда сейчас встреча, и его нельзя беспокоить. Позвоните через час.

Я виделся с Карсоном Беллом походя, когда они провели меня по всему помещению фирмы, и помню, он произвел впечатление типичного вечно спешащего законника, дружелюбного на мгновение, но чересчур поглощенного работой.

– Но... мистер Белл, мне необходимо срочно поговорить с мистером Беком.

– Очень жаль, но сейчас невозможно. Понимаете?

– До меня дошли слухи о слиянии с «Тренъ...», то есть с «Тинли Бритт». Это верно?

– Послушайте, Руди, я сейчас занят и не могу говорить с вами. Позвоните через час, и Лойд сам с вами разберется.

Разберется со мной?

– За мной сохраняется место? – спрашиваю я в страхе и даже с некоторой долей отчаяния.

– Звоните через час, – произносит он с раздражением и шмякает трубку на аппарат.

Я царапаю записку на клочке бумаги и передаю ее дежурному.

– Вы знаете Букера Кейна? – спрашиваю я.

– Да.

– Хорошо. Он будет здесь через несколько минут. Передайте это ему и скажите, что я вернусь через час или около того.

Дежурный что-то бурчит, но записку берет. Я выхожу из библиотеки и стараюсь побыстрее проскользнуть через комнату отдыха, молясь про себя, чтобы ни с кем не встретиться, выбегаю из колледжа и мчусь на парковку, где стоит в ожидании моя «тойота». Наде-

юсь, мотор заведется. Одна из самых моих страшных тайн та, что я еще должен банку триста долларов за эту жалкую развалюху. Я даже Букеру насчет нее соврал. Он думает, что за нее уплачено полностью.

Глава 3

Не секрет, что в Мемфисе слишком много адвокатов. Нам это говорили, когда мы поступали в колледж, предупреждали о перенасыщении представителями нашей профессии, и не только в Мемфисе, но повсюду, и что некоторым из нас суждено убиваться над учебниками три года, потом бороться за получение лицензии и в конечном счете не найти себе работы. И выходит, это благо – так нам говорили на первом году обучения, когда мы определяли, кто чем будет заниматься, – что по крайней мере треть из нас отсеется на экзаменах. Ну, они этому и способствовали.

Я могу назвать с десяток студентов, которые по окончании колледжа вместе со мной в следующем месяце будут иметь после выпускных экзаменов вдоволь времени, чтобы изучать искусство защиты, потому что останутся без места. Таким образом, семь лет учебы – и безработица. Можно также представить, сколько десятков моих сокурсников вынуждены будут работать помощниками адвокатов и прокуроров или низкооплачиваемыми судебными клерками у недостаточно оплачиваемых судей, а о таких должностях речи не шло, когда мы начинали учиться в юридическом колледже.

Так что во многих отношениях я просто гордился моим местом у «Броднэкс и Спир», в настоящей адвокатской фирме. И конечно, я иногда задираю нос, сравнивая себя с менее удачливыми и талантливыми, которые еще только бегали в поисках места. Однако высокомерие внезапно испарилось. Сейчас я еду в город, и желудок у меня сводит судорога. Для меня не найдется места в такой фирме, как «Трень-Брень». Как обычно, «тойота» фыркает и плюется, но по крайней мере едет.

Я пытаюсь понять причину слияния. Пару лет назад «Трень-Брень» слопала фирму с тридцатью служащими, и долгое время это будоражило городскую общественность. Но я не помнил, потеряли эти служащие тогда работу или нет. Однако зачем им понадобилась «Броднэкс и Спир» с ее пятнадцатью адвокатами? И я вдруг понимаю, как же мало мне известно относительно моего будущего работодателя. Старик Броднэкс умер несколько лет назад, и его мясистое лицо обессмертили в безобразном бронзовом бюсте, стоящем около парадного подъезда. Спир – его зять, давно уже находящийся в разводе с его дочерью. Я мимолетно виделся со Спиром, и он был довольно любезен. Во время второго или третьего разговора мне поведали, что их самые крупные клиенты – какие-то две страховые компании и что восемьдесят процентов всех дел составляют процессы, связанные с автомобильными авариями и защитой интересов этих компаний.

Возможно, «Трень-Брень» нуждается в пополнении своего собственного отдела по защите от претензий, связанных с автомобильными катастрофами. Кто знает...

На главной улице движение очень сильное, но машины устремляются в основном в обратном направлении. Я могу уже видеть высокие здания в центре города. Нет, конечно, Ллойд Бек, и Карсон Белл, и все остальные парни в «Броднэкс и Спир», от которых это зависит, не стали бы нанимать меня и строить всяческие планы на мой счет, если бы собирались потом перерезать мне глотку из-за своих денежных интересов. Они не стали бы объединяться с «Трень-Брень», не имея возможности защитить своих собственных людей и предавая их, не правда ли?

Весь прошлый год те из моих товарищей по колледжу, которые окончат его в следующем месяце вместе со мной, прочесывали город в поисках работы. И больше мест, конечно, не осталось. Ни одного крошечного местечка, которое бы ускользнуло незамеченным.

Хотя парковки значительно опустели и места приткнуться достаточно, я незаконно припарковываю машину напротив восьмизэтажного здания, где размещается «Броднэкс и Спир». В двух кварталах отсюда расположен банк, самое высокое строение в городе, и поло-

вину верхних этажей арендует, конечно, «Трень-Брень». Со своего роскошного насеста они имеют возможность с презрением посматривать на остальной город. Ненавижу их.

Я бросаюсь бегом через улицу и вхожу в грязный холл административного корпуса. Налево два лифта. Справа замечаю знакомое лицо. Это Ричард Спейн, служащий «Броднэкс и Спир», очень симпатичный человек, который угостил меня ленчем в первое мое посещение фирмы, он сидит на мраморной скамье, уставив отсутствующий взгляд в пол.

– Ричард, – говорю я, подходя к нему, – это я, Руди Бейлор.

Он остается недвижим и продолжает так же глазеть в пол. Я сажусь рядом.

– Ричард, с вами все в порядке?

Но он как бы не слышит. Маленький холл сейчас пуст, все тихо и спокойно.

Он медленно поворачивает ко мне голову и слегка приоткрывает рот.

– Они уволили меня, – произносит он тихо. Глаза у него красные, словно он плакал или много выпил.

Я шумно заглатываю воздух.

– Кто? – говорю я хрипло, уже зная наперед ответ.

– Они меня уволили, – повторяет он.

– Ричард, пожалуйста, объясните мне. Что происходит? Кто увольняется?

– Они уволили всех служащих, – медленно отвечает он. – Бек пригласил нас всех в конференц-зал и сказал, что партнеры – совладельцы компании решили продать фирму руководству «Тинли Бритт», а там нет мест для наших служащих. Вот и все. Дал нам час на то, чтобы мы очистили письменные столы и покинули здание. – Рассказывая, он покачивает головой из стороны в сторону и смотрит теперь на дверцы лифта.

– Вот и все, – повторяю я.

– Ты, наверное, хочешь узнать насчет своей должности? – говорит Ричард, все еще озирая холл.

– Да, хотелось бы.

– Но этим мерзавцам до тебя нет дела.

Я, конечно, уже это понял.

– Но почему же они уволили всех вас, своих служащих? – спрашиваю я едва слышно. Честно говоря, мне это безразлично, но я стараюсь, чтобы голос звучал искренно.

– «Трень-Брень» нужны наши клиенты, – отвечает он. – Чтобы заполучить клиентов, им надо было купить партнеров. А мы, служащие, им просто мешаем.

– Жаль, – отвечаю я.

– Мне тоже. О тебе вспоминали во время собрания, потому что ты единственный вновь принятый служащий. Бек сказал, что пытался до тебя дозвониться и сообщить плохие новости. И ты попал под топор, Руди. Сочувствую.

Я опускаю голову и тоже начинаю изучать пол. Ладони у меня потные.

– Ты знаешь, сколько денег я заработал в прошлом году? – спрашивает он.

– Сколько?

– Восемьдесят тысяч. Я шесть лет ишачил на них, работал по семьдесят часов в неделю, позабыл о семье, проливая пот и кровь ради старой доброй «Броднэкс и Спир», а потом эти мерзавцы мне говорят, чтобы я в течение часа очистил стол и убирался из помещения. И даже приставили дежурного следить за мной, когда я упаковывал свое барахло. Они мне платили восемьдесят тысяч, а я в прошлом году принес им прибыль триста семьдесят пять тысяч. И они меня премировали, выдав еще восемьдесят тысяч баксов, золотые часы, и все хвалили меня, какие, мол, у меня замечательные способности, и, может быть, через пару лет меня сделают партнером в фирме, в общем, мы представляли счастливое большое семейство. А потом заявила «Трень-Брень» со своими миллионами, и меня уволили. И ты

тоже уволен, приятель. Ты понимаешь, что потерял свою первую службу, даже не начав еще работать?

Я не знаю, что на это ответить.

Он тихо склоняет голову на левое плечо и больше не обращает на меня внимания. Потом спрашивает:

– Восемьдесят тысяч – кругленькая сумма, как ты думаешь, Руди?

– Да. Для меня эта сумма целое состояние.

– Мне ни за что не найти такой работы, где бы столько зарабатывать, понимаешь? Невозможно в этом городе. Никто не нанимает новых работников. Слишком много этих проклятых адвокатов.

И это не шутка.

Он вытирает пальцами глаза, затем медленно встает.

– Надо обо всем сказать жене, – бормочет он, идет, сгорбившись, по холлу, выходит из здания и исчезает в толпе на тротуаре.

Я поднимаюсь на лифте на четвертый этаж и вхожу в маленькую приемную. Через двойные стеклянные двери вижу рослого охранника в форме, который стоит у стола пропусков. Он усмехается, когда я вхожу в помещение «Броднэкс и Спир».

– Чем могу служить? – спрашивает он ворчливо.

– Я ищу Лойда Бека, – отвечаю я и хочу разглядеть за его спиной коридор, ведущий к кабинету. Он слегка подвигается, чтобы помешать мне видеть.

– А вы кто?

– Руди Бейлор.

Он наклоняется и берет со стола конверт.

– Это вам, – говорит он.

На конверте красными чернилами написана моя фамилия. Я разворачиваю коротенькое письмо. Читаю, и руки у меня дрожат.

Из уоки-токи раздается квакающий голос, охранник поворачивается ко мне спиной.

– Читайте письмо и уходите, – велит он и исчезает в коридоре.

Письмо состоит из одного абзаца. Ко мне обращается сам Лойд Бек. Он деликатно сообщает мне новость и желает мне всего хорошего. Слияние было «внезапным и неожиданным».

Я швыряю письмо на пол и оглядываюсь: что бы такое еще швырнуть? Повсюду все спокойно. Уверен, что они притаились там, за закрытыми дверями, поджидая, когда я и другие несчастные очистят помещение. Около двери на железобетонном основании стоит бюст, скверное изображение мясистой физиономии старика Броднэкса, и я плюю ему в лицо, проходя мимо, но он все так же невозмутим. Тогда я немного как бы подталкиваю его, открывая дверь. Пьедестал покачивается, и бюст падает на пол.

– Эй! – раздается сзади громовой голос, и как раз в тот момент, когда бюст ударяется о стеклянную дверь, я вижу, как ко мне бежит охранник.

Какую-то микроскопическую долю секунды я думаю, что надо остановиться и попросить извинения, но затем бросаюсь в фойе и рывком отворяю дверь на лестницу. Охранник опять орет мне вслед.

Я срываюсь вниз, яростно топая по ступенькам. Мой преследователь слишком стар и толст, чтобы догнать меня.

Я выхожу из двери около лифта. Холл внизу пуст. Я спокойно закрываю за собой дверь подъезда и спускаюсь на тротуар. Когда я останавливаюсь возле забегаловки в шести кварталах от фирмы, уже около семи, почти стемнело. От руки написанное объявление рекламирует упаковку из шести банок дешевого пива за три доллара. Мне оно сейчас необходимо – это дешевое пиво, все шесть банок.

Два месяца назад меня нанял на работу Лойд Бек, он сказал, что мои оценки для этого достаточно хороши, что у меня твердый почерк, что переговоры прошли успешно и все в руководстве единодушно сошлись во мнении, что я им подойду. Все было прекрасно. Передо мной открывались ясные счастливые перспективы в доброй старой фирме «Броднэкс и Спир».

Но затем «Трень-Брень» помахала пачкой долларов, и партнеры дали задний ход. Эти жадные ублюдки зарабатывали в год каждый по триста тысяч долларов, но им хотелось больше. Я захожу в забегаловку и покупаю пиво. После чего у меня в кармане остается всего четыре доллара и какая-то мелочь, мой счет в банке не намного больше.

Я сижу в своей машине около телефонной будки и осушаю первую жестянку. Со времени моего восхитительного ленча несколько часов назад с Дот, и Бадди, и Боско, и мисс Берди я ничего не ел. Пожалуй, я бы умял сейчас вторую порцию желе, как Боско. Холодное пиво бьет в пустой желудок, и в животе начинается бурчание.

Жестянки быстро опорожняются, проходит несколько часов, пока я тащусь на своей «тойоте» по улицам Мемфиса.

Глава 4

Мои апартаменты представляют собой запущенную двухкомнатную квартирку с необходимыми удобствами на втором этаже ветхого, разрушающегося кирпичного здания под названием «Хэмптон», за которую я должен дважды в месяц платить по семьдесят пять долларов, что редко случается в срок. Мое жильё расположено в стороне от уличной магистрали, в миле от университетского городка. Для меня эта квартирка служит домом уже три года. Последнее время я часто подумываю о том, чтобы улизнуть оттуда как-нибудь в полночь, а затем попытаться договориться о другой месячной плате за следующие двенадцать месяцев. Но до сих пор все мои планы всегда включали работу и ежемесячное жалованье от «Броднэкс и Спир». «Хэмптон» переполнен студентами, такими же бедолагами, как я, и домовладелец привык к тому, что приходится торговаться с неплательщиками.

Когда я приезжаю, на парковке темно и тихо. Уже почти два часа ночи. Я пристраиваюсь около «дампстера», когда вылезая из машины и закрываю дверцу, замечаю вблизи некое движение. Из своего автомобиля, хлопая дверцей, быстро выскакивает кто-то и направляется прямо ко мне. Я цепенею, стоя на тротуаре. Все темно и спокойно.

– Вы Руди Бейлор? – спрашивает некто, глядя мне прямо в лицо. Это типичный ковбой – сапоги с острыми носками, туго обтягивающие джинсы «Ливайс», холщовая рубашка. У него аккуратно подстрижены волосы и борода. Он жуёт резинку и, по-видимому, драки и мордобития не боится.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– Вы Руди Бейлор? Да или нет?

– Да.

Он вытаскивает из заднего кармана джинсов какие-то бумажки и сует их мне прямо в лицо.

– Сожалею, но это мой долг, – произносит он задушевно.

– А что это такое?

– Повестка.

Я медленно беру бумажки. Слишком темно, чтобы хоть что-то прочесть, но я сразу понимаю, в чем дело.

– Вы судебный исполнитель? – говорю я потерянно.

– Ага.

– «Тексако»?

– Ага, и «Хэмптон». Вас выселили.

Будь я трезв, меня бы, наверное, потрясло извещение о выселении. Но я уже как будто онемел от событий нынешнего дня. Я смотрю на темное, мрачное здание, на мусор вокруг него, на бурьян, растущий у тротуара, и недоумеваю, что же за жалкое место, если со мной случилось тут такое?..

Он отступает назад.

– Там все написано, – поясняет он, – дата суда, имена адвокатов и так далее. Возможно, вы все уладите, позвонив тому, сему. Хотя это уже меня не касается, я свой долг исполнил.

Ну и долг. Красться и шнырять повсюду потихоньку, набрасываясь на ничего не подозревающих людей, совать бумажонки им под нос, да еще и советовать что-то от себя лично, вроде как дать бесплатный юридический совет, и потом слинять, чтобы снова кого-то терроризировать.

Он уходит, но вдруг останавливается и говорит:

– Да, послушай. Я бывший полицейский, и у меня в машине радиопередатчик. Я слышал несколько часов назад одно странное сообщение. Какой-то парень по имени Руди Бей-

лор разгромил в городе юридическую консультацию. По внешним приметам смахивает на тебя, и марку машины тоже сказали. Это меня не касается, понимаешь, но полицейские уже выслеживают тебя. Порча чужой собственности.

– Вы хотите сказать, что меня арестуют?

– Ага. Я бы подыскал сегодня другое место для ночлега.

Он садится в машину, «БМВ». Я смотрю, как он отъезжает.

Букер встречает меня на пороге своей опрятной квартирки, расположенной на двух уровнях и с отдельной лестницей.

Поверх пижамы на нем пушистый шотландский халат с затейливым рисунком. Ноги босые. Пусть он студент юридического колледжа, полуголодный и считающий дни до того, как его возьмут на работу, – к моде он все равно относится серьезно. В его шкафу мало одежды, но гардероб тщательно подобран.

– Что, черт возьми, случилось? – спрашивает он недовольно. Глаза у него еще сонные. Я позвонил ему из соседнего магазина, торгующего всю ночь.

– Извини меня, – говорю я, входя. Я вижу в крошечной кухоньке Чарлин. Она тоже в махровом шотландском халате, с зачесанными назад волосами, глаза опухли со сна, и, кажется, она готовит кофе. Слышу, как где-то в задней комнате плачет ребенок. Уже почти три утра, и я перебудил всю компанию.

– Садись, – предлагает Букер, беря меня за руку и легонько подталкивая к дивану. – Ты выпил?

– Я пьян, Букер.

– По какому-нибудь особенному случаю? – Он стоит рядом и очень похож на рассерженного папашу.

– Это долгая история.

– Ты что-то сказал о полиции.

Чарлин ставит около меня на стол кофейник с горячим кофе.

– С тобой все в порядке, Руди? – спрашивает она самым ласковым тоном.

– Все здорово, – отвечаю я, как самый заправский весельчак.

– Пойди посмотри, как дети, – говорит ей Букер, и она исчезает.

– Извини, – повторяю я.

Букер сидит на краешке кофейного столика, очень близко ко мне, и ждет.

Я не обращаю внимания на кофе. В голове у меня стучит. Я выкладываю ему, что случилось с тех самых пор, как вчера мы с ним расстались. Язык у меня словно распух, и я с трудом им ворочаю, так что начинаю говорить медленно и стараюсь сосредоточиться, чтобы не упустить нить повествования. Чарлин садится на ближайший стул и тоже очень сочувственно слушает.

– Извини меня, – шепчу я ей.

– Все в порядке, Руди, все в порядке.

Отец Чарлин священник в одном из сельских приходов Теннесси, и она не выносит пьяных, пьянство и разгульное поведение. Поэтому мы с Букером, когда несколько раз за эти три года выпивали, всегда скрывали это от нее.

– Ты выпил две упаковки по шесть банок? – спрашивает он недоверчиво.

Чарлин опять уходит проверить ребенка, который снова начал плакать. Я заканчиваю рассказ, упомянув о судебном исполнителе, о неминуемом процессе и о том, что меня выставили из квартиры. Да, день был катастрофический.

– Мне надо найти работу, Букер, – говорю я и делаю глоток кофе.

– Нет, сейчас у тебя проблемы поважнее. Через три месяца у нас выпускные, а затем нас будет просвечивать проверочный комитет. Арест и обвинение в дебоше могут тебя погубить.

А вот об этом я и не подумал! Голова у меня совсем раскалывается, в ней прямо-таки молот стучит.

– Ты мне не дашь сэндвич? – спрашиваю я, чувствуя, что меня уже подташнивает от голода. Вторую упаковку пива я заедал сухим соленым печеньем и больше ничего не ел с самого ленча в компании Боско и мисс Берди.

Чарлин слышит это из кухни.

– Как насчет яичницы с беконом?

– Чудесно, Чарлин, спасибо.

Букер глубоко задумывается.

– Я свяжусь пораньше утром с Марвином Шэнклом. Он может позвонить своему брату, а тот, возможно, сумеет дернуть за кое-какие ниточки в полиции. Мы должны предотвратить арест.

– О, это ты замечательно придумал. – Марвин Шэнкл самый влиятельный чернокожий адвокат в Мемфисе и будущий хозяин Букера. – Когда ты будешь с ним говорить, спроси, нет ли у него какой-нибудь работенки.

– Здорово! Ты, значит, собираешься работать у негров в юридической фирме по гражданским делам!

– Сейчас я готов работать даже в корейской бракоразводной фирме. Не обижайся, Букер. Я ничего плохого не имею в виду. Мне просто нужна работа. У меня на носу полное обнищание и банкротство. Ведь могут быть и еще кредиторы, которые только и ждут момента, чтобы нагрянуть из засады с судебными исками в руках. Я не могу этого допустить. – Я медленно ложусь на диван. Чарлин жарит бекон, и густой аромат наполняет крохотную квартирку.

– Где иски? – спрашивает Букер.

– В машине.

Он выходит и через минуту возвращается. Он садится на ближайший стул, внимательно прочитывает иск «Тексако» и уведомление о выселении. Чарлин хлопчет на кухне, потом приносит мне еще кофе и аспирин. Три тридцать утра. Дети наконец успокоились. Я чувствую себя в безопасности и согреваюсь. Я чувствую себя даже любимым.

Голова у меня кружится, кружится. Медленно я закрываю глаза и улываю в сон.

Глава 5

Как змея, ползущая в густой траве, я проскальзываю в колледж уже хорошо за полдень. Изучение законов о спорте и избранных мест из Кодекса Наполеона, планировавшееся на сегодняшний день, сорвалось. Кодекс Наполеона! Смех да и только! Я прячусь в своем крошечном закутке в подвальном помещении библиотеки.

Утром Букер, разбудив меня, сообщил обнадеживающие вести. Он поговорил с Марвином Шэнклом, и колесики в городе закрутились. Позвонили одному капитану в полиции или еще какому-то чину, после чего мистер Шэнкл заявил, что оптимистически смотрит на возможность уладить дело миром. Брат мистера Шэнкла судья в одном из отделов по уголовным делам, и если обвинение не удастся отклонить, тогда придется нажать на другие рычаги. Но пока нет никаких сведений о том, что меня разыскивают полицейские. Букер позвонит еще в разные места и будет держать меня в курсе дела.

У Букера уже есть свой кабинет в фирме Шэнкла. Он работал здесь мелким служащим на почасовой оплате в течение двух лет и знает больше, чем любые пять из его сокурсников, вместе взятых. Он всегда аккуратно звонит секретарю между занятиями, усердно работает с записной книжкой, никогда не пропускает назначенные деловые встречи и всегда подробно рассказывает о своих клиентах – то да се. Из него выйдет замечательный адвокат.

Когда голова трещит с похмелья, думать о чем-нибудь сосредоточенно и упорядоченно невозможно. Я пишу себе в деловом блокноте список неотложных дел. Уж если меня не застучали, когда я пробирался в библиотеку, надо сообразить, что у меня на очереди. Подожду здесь пару часов, пока колледж не опустеет. Сегодня пятница, середина дня, самое тихое время. Затем проберусь в отдел трудоустройства, зажду в угол его руководителя и выложу все начистоту. Если повезет, то, может быть, отыщется какое-нибудь мелкое, неизвестное государственное учреждение, которым пренебрегли остальные выпускники и которое еще предлагает двадцать тысяч в уплату за талантливые юридические мозги. А может, какая-нибудь маленькая частная фирма внезапно почувствовала необходимость еще в одном юристе для внутренних нужд? Но в настоящее время таких возможностей почти не осталось.

В Мемфисе рассказывают легенду о человеке по имени Джонатан Лейк, выпускнике нашего же колледжа, который тоже не мог найти работу ни в одной большой фирме города. Случилось это лет двадцать назад. Лейка отвергали все крупные, солидные фирмы. Тогда он арендовал какое-то помещение, повесил вывеску и объявил, что он адвокат по взысканию долгов в судебном порядке, несколько месяцев он голодал, а затем как-то вечером попал в аварию на мотоцикле и очнулся со сломанной ногой в больнице Святого Петра. Вскоре соседнюю койку занял парень, который тоже попал в аварию на своем мотоцикле. Но в отличие от Лейка получил несколько переломов и сильные ожоги. Девушка парня обгорела еще сильнее и через пару дней умерла. Лейк и этот парень подружились. И Лейк начал оба процесса. По ходу дела выяснилось, что владелец «ягуара», сбивший дорожный указатель и врезавшийся в мотоцикл, на котором ехали новый приятель Лейка и его девушка, был старшим партнером в третьей по величине юридической фирме в городе. И он же был тот самый тип, к которому Лейк приходил на собеседование полгода назад. А наехал на дорожный указатель владелец «ягуара» по пьянке.

Лейк, пылая жаждой мщения, преследовал его самым яростным образом. У пьяного партнера была чуть не тысяча всяких страховок, которыми компания просто засыпала Лейка. Все хотели как можно скорее покончить с делом. Через полгода после выпускных экзаменов Джонатан Лейк предъявил иск на шесть миллионов долларов. Причем требовал уплаты наличными и сразу, а не каких-то там долгосрочных платежей по частям. Выкладываете денежки, и дело с концом.

Рассказывают далее, что сбитый приятель, когда они вместе лежали в палате, пообещал Лейку, что раз тот еще такой молодой, неоперившийся и только что из колледжа, то может рассчитывать на половину суммы, выигранной по делу. Лейк это запомнил. Приятель сдержал слово. А Лейк выиграл процесс один к трем.

Я бы в таком случае уплыл на острова Карибского моря, с таким-то выигрышем, под парусом собственной яхты и попивал ромовый пунш.

Но Лейк поступил иначе. Он организовал фирму, нанял секретарей, помощников, курьеров и адвокатов и серьезно занялся юриспруденцией. Он работал по восемнадцать часов в сутки и не боялся преследовать любого, кто совершил какой-нибудь проступок. Он усердно учился, приобретал опыт, практиковался и вскоре стал самым видным адвокатом в штате Теннесси.

Спустя двадцать лет Джонатан Лейк работает все так же, по восемнадцать часов в сутки, владеет фирмой с одиннадцатью служащими и без всяких партнеров, берется за самые сложные и большие процессы, на которые не решается ни один адвокат в округе, и делает, если верить той же легенде, где-то около трех миллионов долларов в год.

И любит швыряться деньгами. В Мемфисе трудно истратить три миллиона баксов в год, чтобы никто не узнал, так что Джонатан Лейк всегда на слуху, всегда в сводке самых горячих новостей. И легенда о нем становится все красочнее. Каждый год в наш колледж поступает некоторое число студентов благодаря Джонатану Лейку. У них у всех есть своя американская мечта. Бывает, что выпускники покидают колледж без всякого места работы, потому что все они желают только одного: занять в городе для начала какую-нибудь дыру с вывеской на двери. Они желают голодать и пробиваться изо всех сил, как в свое время Джонатан Лейк.

Подозреваю, что они тоже разъезжают на мотоциклах. Может, и мне надо действовать таким образом. Может быть, и мне светит надежда. Я – и Лейк.

Я поймал Макса Левберга в неудачное время. Он висел на телефоне, говорил, яростно жестикулируя и ругаясь, как пьяный матрос. Что-то насчет судебного процесса в Сент-Поле, на котором он предположительно должен был выступать как свидетель. Я притворился, что делаю пометки в блокноте, разглядывал внимательно пол, пытаюсь не прислушиваться к тому, как он шаркает ногами под столом, дергая все время за телефонный провод.

Наконец он с размаху кидает трубку.

– Ты их схватил за шиворот, – быстро говорит он мне, что-то ища среди завалов бумаг на столе.

– Кого?

– «Дар жизни». Я вчера вечером прочитал всю пачку документов. Типичная гнусная долговая страховка. – Он поднимает увесистую папку с бумагами с угла стола и с размаха падает на стул. – Ты знаешь, что такое долговая страховка?

Мне кажется, я знаю, но боюсь, что он потребует подробного определения.

– Черные называют ее «страхоуличной». Дешевые мелкие полисы продаются людям с низкими доходами у них дома. Агенты, которые распространяют их каждую неделю, приходят за взносами и ведут в платежных книжках, которые остаются у застраховавшихся, особую долговую колонку. Они наживаются на темных, необразованных людях, а когда те делают на основании полисов заявки на страховочные суммы, компании им отказывают. Извините, но это или то не подпадает под оплату. Они чрезвычайно изобретательны, когда ищут повод для отказа.

– И с ними никогда не судятся?

– Редко. Исследования показали, что только один из тридцати недобросовестных отказов доходит до суда. Компании это знают, конечно, и этим пользуются. И, обрати внимание,

они охотятся за представителями низших классов, зная, что эти люди боятся юристов и законов.

– А что бывает, когда на компанию подают в суд? – спрашиваю я.

Макс машет рукой то ли на жука, то ли на муху, и при этом две страницы взлетают со стола и медленно планируют на пол. Он сильно трещит суставами пальцев.

– Вообще-то ничего особенного. В стране было несколько громких процессов, когда присудили выплатить в виде возмещения ущерба суммы держателям страховок. Я сам в двух или трех принимал участие. Но присяжные не очень охотно делают миллионерами простаков, которые покупаются на дешевую страховку. Поразмысли над этим. Вот, например, пострадавший имеет пять тысяч долларов согласно медицинским документам, которые определенно подлежат оплате по условиям полиса. Но компания отвечает «нет». А сама компания имеет капитал, скажем, двести миллионов. На судебном процессе адвокат пострадавшего просит присяжных о выплате просимых пяти тысяч, а также требует, чтобы компанию присудили к выплате нескольких миллионов за моральный ущерб. Но это редко удается. Они дадут пять, бросят как подачку еще десять тысяч возмещения ущерба, и опять же компания оказывается в выигрыше.

– Но Донни Рей Блейк умирает. И умирает потому, что ему не могут сделать пересадку костного мозга, а это входит в перечень оплачиваемых услуг. Я прав?

Левберг ехидно улыбается:

– Ты прав, это так, действительно. Основываясь на том, что родители тебе рассказали. А это всегда, как правило, недостаточно точно.

– Но если все правда? – спрашиваю я, указывая на бумаги.

Он пожимает плечами и опять улыбается:

– Тогда это хорошее дело. Не великое, но хорошее.

– Не понимаю.

– Это просто, Руди. У нас здесь штат Теннесси. Страна тысячных, а не миллионных приговоров. Здесь никто никому не присуждает крупные возмещения ущерба. Присяжные у нас – народ чрезвычайно консервативный. Доход на душу населения довольно низкий, так что присяжные везде с трудом идут на то, чтобы обогащать своих соседей. В Мемфисе особенно тяжело вынести приличный вердикт.

Бьюсь об заклад, что Джонатан Лейк такого вердикта добился бы. Смог бы. И может, и мне отрезал маленький кусочек пирога, если бы я принес ему это дело. Несмотря на похмелье, колесики в голове все-таки крутятся.

– Так что же мне делать? – спрашиваю я.

– Преследовать ублюдков по суду.

– Но у меня еще нет адвокатской лицензии.

– У тебя нет. Так что пошли этих людей к какому-нибудь ловкому, умеющему настоять на своем адвокату, выступающему в городских судах. Позвони кое-каким людям в их поддержку, сам поговори с адвокатом. И напиши Смуту двухстраничный отчет, а после этого можешь считать дело оконченным. – Левберг вскакивает на ноги, потому что зазвонил телефон, и швыряет папку мне. – Здесь список из трех десятков процессов по иску о недобросовестности со стороны страховых компаний, с которыми, если тебе интересно, стоило бы познакомиться.

– Спасибо, – отвечаю я.

Он машет, чтобы я уходил. Когда я выхожу, Макс Левберг уже снова орет в телефонную трубку.

Юридический колледж привил мне ненависть к исследовательской работе. Я пробыл здесь три года, и почти половина скорбных дней и часов, проведенных тут, была занята копанием в старых книгах с истертыми переплетами в поисках всяких древних процессов и

судебных прецедентов, что должны были поддержать примитивные законотворческие теории, к которым ни один юрист в здравом уме на практике не обращался десятки лет. Преподаватели любят посылать студентов на этот остров сокровищ. Авось что-нибудь и откопают. Профессора, которые в большинстве своем преподают потому, что не смогли найти применение своим теориям и способностям в реальном мире, считают необходимым натаскивать нас в умении разыскивать какие-то замшелые судебные процессы и кратко их резюмировать. Все это для того, чтобы мы получили хорошие отметки и с ними возможность начать заниматься делом в качестве молодых, хорошо образованных юристов.

Но это особенно характерно для первых лет обучения. Сейчас уже полегче, и, может быть, есть свой резон и в этом безумном кладоискательстве. Мне тысячу раз приходилось слышать, что большие, солидные фирмы обычно закабаляют своих зеленых новобранцев, отправляя их на два года в библиотеки писать короткие резюме и планы-памятки для предстоящих процессов.

Но часы, кажется, стоят на месте, если занимаешься такими юридическими изысканиями на несвежую голову. Головная боль усиливается. Руки все еще дрожат. Букер находит меня в моем закутке уже вечером. Передо мной на столе с дюжину раскрытых книг и список процессов, врученный Левбергом, которые надо изучить.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает Букер.

На нем сюртук и галстук, он, безусловно, из офиса, где звонил по телефону и пользовался диктофоном, как заправский адвокат.

– Я в порядке.

Он приседает на корточки около меня и рассматривает грудку книг.

– Что это у тебя?

– Это не для экзамена. Просто небольшое разыскание для Смута.

– Но ты никогда не делал для его спецкурса никаких таких разысканий.

– Да. И чувствую себя виноватым.

Букер поднимается и стоит, прислонившись к стене в моем крошечном закутке.

– Первое, – произносит он почти шепотом. – Мистер Шэнкл считает, что маленький инцидент в «Броднэкс и Спир» в хороших руках, обо всем позаботятся. Он сделал несколько нужных звонков, и его заверили, что так называемые жертвы инцидента не станут предъявлять обвинений.

– Хорошо, – отвечаю я, – спасибо, Букер.

– Не стоит. И теперь ты, наверное, можешь выползти отсюда. Если, конечно, способен оторваться от своих разысканий.

– Попытаюсь.

– Второе. Я только что из офиса. У меня был долгий разговор с мистером Шэнклом. И, понимаешь, сейчас никаких мест нет. Он уже нанял трех новых сотрудников, меня и двух других парней из Вашингтона, хотя и не уверен, что они подойдут. Он собирается расширять штат.

– Букер, тебе не стоит морочить себе голову моими проблемами.

– Но я сам хочу помочь. Это пустяки, мистер Шэнкл пообещал поспрашивать у разных сведущих людей, порыскать, так сказать, в кустах, навести справки. Он знает множество адвокатов.

Я так растроган, что ничего не могу сказать, двадцать четыре часа назад у меня было твердо обещанное место с неплохой заработной платой. Сейчас незнакомые мне люди из милости дергают за веревочки и стараются отыскать для меня хоть самую завалющую работенку.

– Спасибо, – повторяю я, кусая губы и пристально изучая свои пальцы.

Букер смотрит на часы.

– Должен бежать. Ты утром будешь готовиться к экзаменам?

– Конечно.

– Я тебе позвоню. – Он хлопает меня по плечу и исчезает.

Ровно без десяти пять я поднимаюсь по лестнице из библиотеки на административный этаж. Теперь я не озираюсь по сторонам в страхе перед полицейскими, не боюсь столкнуться лицом к лицу с Сарой Плэнкмор, не беспокоюсь больше о судебных исполнителях и практически не трепещу при мысли о неприятных встречах с моими многочисленными сокурсниками. Они все ушли. Ведь это пятница, и юридический колледж опустел.

Отдел по трудоустройству на этаже, где размещается администрация. Я на ходу смотрю на доску объявлений в коридоре, она обычно бывает заклеена объявлениями о найме на работу: от больших фирм, средних фирм, от одиночек, занимающихся частной практикой, от частных компаний и государственных агентов. Быстрый взгляд подтверждает то, что мне уже известно. На доске нет ни единого предложения. В это время года на рынке труда хоть шаром покати.

Маделейн Скиннер управляет отделом трудоустройства уже не один десяток лет. По слухам, она собирается уходить на пенсию, но, согласно другим слухам, она грозит этим каждый год с целью что-нибудь выдать из декана. Ей шестьдесят, но выглядит она на все семьдесят, тощая женщина с короткой седой стрижкой, сеткой морщин вокруг глаз и неизменной сигаретой в настольной пепельнице. Говорят, она выкуривает по четыре пачки в день, что, конечно, забавно, потому что у нас теперь официально запрещено курить, но никто не осмеливается сказать об этом Маделейн. Она пользуется огромной властью, потому что находит работодателей. А если бы не было работодателей, то не было бы и самого юридического колледжа.

И она очень хорошо справляется со своим делом. Она знает всех нужных людей во всех стоящих фирмах. Она находила работу для многих из тех людей, которые сейчас сами набирают новобранцев для своих фирм, и она умеет безжалостно нажать на нужные рычаги. Если надо устроить нашего выпускника в большую фирму, а эта большая фирма предпочитает нашим людям выпускников престижных школ, тогда, как известно, Маделейн звонит ректору университета и подает неофициальную жалобу. Известно также, что потом ректор беседует с владельцами больших фирм, встречается на ленчах с партнерами и уравнивает дисбаланс. Маделейн знает о каждой открывающейся в Мемфисе вакансии и точно знает, кто ведает их заполнением.

Но работать ей с каждым годом все труднее. Слишком много выпускников с посредственными оценками. Чего нельзя сказать о престижных институтах.

Она стоит около охладителя воды, глядя на дверь, словно поджидает меня.

– Здравствуй, Руди, – произносит она мрачно. Она одна, все уже ушли. Она держит чашку с водой в одной руке и такую же тоненькую, как она сама, сигарету в другой.

– Привет. – Я улыбаюсь, словно самый удачливый парень на свете.

Она указывает чашкой на дверь кабинета.

– Давай поговорим там.

– Конечно, – соглашаюсь я и следую за ней в кабинет. Она закрывает дверь и кивает на стул. Я сажусь, а она устраивается на краю высокого кресла-вертушки у стола.

– Тяжелый день, а? – говорит она, словно знает, что приключилось со мной за последние двадцать четыре часа.

– Да, бывали полегче.

– Я сегодня утром беседовала с Лойдом Беком, – произносит она медленно. – Чтоб он подох.

– И он вам сказал обо мне? – спрашиваю я, стараясь говорить свысока.

– Ну, я узнала вчера вечером о слиянии двух фирм и стала беспокоиться о тебе. Ты единственный, кого мы определили в «Броднэкс и Спир», так что я очень волновалась и хотела узнать, что будет с тобой.

– И?

– Ну, он начал объяснять, что слияние произошло очень быстро, что это для них уникальная, блестящая возможность и так далее.

– Меня тоже угостили подобной болтовней.

– А затем я спросила, когда он впервые сообщил тебе о слиянии, и он дал какой-то уклончивый ответ и расписывал, как то один, то другой из партнеров пытались с тобой связаться и звонили тебе, но телефон оказался отключен.

– Он был отключен всего четыре дня.

– Как бы то ни было, я его спросила, может ли он мне послать факсом какой-нибудь письменный документ, извещающий тебя относительно грядущего слияния и того, какая участь в результате тебя ожидает.

– Таких документов нет.

– Знаю. Он тоже это признал. И суть в том, что они даже не почесались, пока слияние двух фирм не закончилось.

– Да, это точно. – Ну, ничего – некоторое утешение в том, что Маделейн на моей стороне.

– Так что я ему объяснила, не стесняясь в выражениях, как они гнусно поступили с одним из наших выпускников, и мы здорово с ним поцапались по телефону.

Я невольно улыбаюсь, потому что знаю, кто одержал верх в телефонной схватке.

Она продолжает:

– Бек клянется, что они хотели тебя оставить. Не уверена, что это так, но я ему разъяснила, что они обязаны были, и давно, обсудить с тобой положение. Ты студент-выпускник, черт возьми, почти готовый юрист, и ты не их собственность. Я сказала ему, что у них в фирме настоящая потогонная система, но объяснила также, что времена рабства ушли в прошлое. И он не может просто так взять тебя и выбросить, передать кому-то другому или оставить при себе, поддерживать тебя или уничтожить на корню.

Да, она храбрая женщина. То же самое думаю и я.

– Поцапавшись с ним, я пошла к декану. Декан позвонил Доналду Хьюсеку, управляющему делами «Тинли Бритт». Они несколько раз перезванивались, и Хьюсек изложил ту же версию: Бек хотел тебя сохранить, но ты не соответствуешь требованиям, которые «Тинли Бритт» предъявляет при найме сотрудников. Декана это не убедило, и Хьюсек обещал, что посмотрит твою анкету и представленные тобой пробные работы.

– Для меня нет места в «Трень-Брень», – говорю я, словно у меня имеется много других возможностей.

– Хьюсек тоже так считает. И говорит, что «Тинли Бритт» тебе скорее всего откажет.

– Хорошо, – бросаю я, потому что ничего умнее придумать не могу. Но она-то понимает, что я чувствую на самом деле. Она знает, что я страдаю.

– У нас напряженные отношения с «Тинли Бритт». За все время они взяли к себе на работу только пятерых из наших выпускников в последние три года. Они стали такими важными, что на них нельзя рассчитывать. Честно говоря, я бы там работать не хотела.

Она старается меня утешить, убедить, что на самом деле мне повезло. Да кому она нужна, эта «Трень-Брень» с их стартовым жалованьем в пятьдесят тысяч баксов в год?

– А что же есть еще? – спрашиваю я. – Что-нибудь осталось?

– Немного, – быстро отвечает Маделейн, – по сути дела, ничего. – Она просматривает какие-то пометки. – Я звонила всюду, во все известные мне фирмы. Было место помощника общественного обвинителя, почасовая работа и двадцать тысяч в год, но два дня назад место

уже было занято. Я туда посадила Холла Пастерини. Ты знаешь Холла? Да благословит его Господь, наконец-то устроился на работу.

Наверное, люди вот так же сейчас жалеют меня.

– И есть в перспективе два хороших места юрисконсультов в двух небольших компаниях, однако обе требуют, чтобы сначала претенденты сдали выпускные экзамены.

Экзамены в июле. Вообще-то все фирмы набирают новых служащих сразу, как только кончается последний семестр. Они платят им, помогают подготовиться к экзаменам, и сразу же после сдачи экзаменов те приступают к работе.

Маделейн кладет блокнот на стол.

– Ладно, я буду для тебя наводить справки. Может, что-нибудь и подвернется.

– А что мне пока делать?

– Начинай стучаться во все двери. В нашем городе три тысячи юристов, и большинство или ведут одиночную частную практику, или служат в фирмах со штатом в два-три человека. Они не обращаются в наш отдел трудоустройства, и мы их совсем не знаем. Ищи их. Я бы начала с небольших фирм в два, три, может быть, четыре юриста и уговорила бы их взять меня на работу. Скажи, что ты займешься «тухлой рыбой», делопроизводством.

– «Тухлой рыбой»?

– Да, у каждого адвоката есть несколько таких дел. Они держат их на дальней полке, и чем дольше держат, тем хуже те пахнут. Это те самые дела, когда жалеют, что за них взяли.

Такого нам на лекциях в колледже не говорили.

– Можно задать вопрос?

– Конечно. Спрашивай о чем угодно.

– Вот этот ваш совет, насчет того, чтобы стучаться в разные двери, скажите, сколько раз вы его повторяли за последние три месяца?

Она слегка улыбается, а затем смотрит на компьютерную распечатку.

– У нас еще примерно пятнадцать выпускников ищут работу.

– И значит, пока мы разговариваем, они рыщут по улицам в поисках места.

– Возможно. Трудно сказать, конечно. Ведь у людей могут быть иные планы, которыми они со мной не всегда делятся.

Уже больше пяти, и ей хочется уйти.

– Спасибо, миссис Скиннер. За все. Приятно знать, что кому-то ты не безразличен.

– Я буду все время искать, обещаю. Приходи на следующей неделе.

– Приду. Спасибо.

Незамеченный, я возвращаюсь в свой рабочий закуток.

Глава 6

Дом Бердсонгов расположен в самой старой и богатой части города и находится лишь в двух милях от юридического колледжа, вдоль улицы с обеих сторон растут старинные дубы, что придает ей замкнутый, отгороженный от остального мира вид.

Некоторые дома по-настоящему красивы, с ухоженными лужайками и роскошными автомобилями, блистающими лаком в подъездных аллеях, другие кажутся почти необитаемыми и заброшенными и смотрят, как призраки, сквозь густую листву давно не стриженных деревьев и одичавшего кустарника. Кое-какие здания находятся в промежуточном состоянии. Особняк мисс Берди построен на рубеже столетий, в викторианском стиле, сложен из белого камня. Подъезд плавной закругляющейся линией огибает один из углов. Дом давно не крашен, крыше нужна починка, а двор требует некоторых необходимых работ. Окна немые, канавы переполнены листвой, но все же видно, что кто-то здесь живет и пытается навести посильный порядок. Подъездная аллея окаймлена разросшимся кустарником. Я припарковываю машину за грязным, в возрасте, «кадиллаком».

Половицы скрипят под ногами, когда я подхожу к входной двери и озираюсь по сторонам, ожидая, что сейчас выскочит большая злая собака с острыми зубами. Уже поздно, почти стемнело, но подъезд не освещен. Тяжелая деревянная дверь широко распахнута, и сквозь вторую, стеклянную, я вижу очертания маленькой прихожей. Я не могу нащупать кнопку звонка и поэтому очень тихо стучу по стеклу. Онодребезжит.

Я задерживаю дыхание – лая собак не слышно.

Ни звука. Ни движения. Я стучу погромче.

– Кто там? – раздается знакомый голос.

– Мисс Берди?

В холле показывается фигура, загорается свет, и вот она сама, в том же платье из хлопка, в котором была вчера в «Доме пожилых граждан из “Кипарисовых садов”». Она прищуривается и разглядывает меня из-за стекла.

– Это я, Руди Бейлор. Студент-юрист, с которым вы вчера разговаривали.

– Руди! – Она просто в восторге от того, что видит меня.

Я слегка смущаюсь на секунду, а затем внезапно мне становится грустно. Она живет одна в этом страшном запущенном доме и уверена, что семья ее покинула, и единственная отдушина – проявлять заботу о тех старых, никому не нужных людях, которые каждый день собираются на ленч, чтобы спеть одну-две песни. Мисс Берди Бердсонг очень одинокий человек. Она торопливо отпирает стеклянную дверь.

– Входите, входите, – повторяет она, абсолютно не проявляя ни удивления, ни любопытства.

Она берет меня под локоть, ведет через прихожую и далее по коридору, на ходу ударяя поднятой рукой по выключателям. Лампочки одна за другой загораются, освещая дорогу. Стены увешаны десятками старых фамильных портретов. Половики пыльны и протерты до дыр. Пахнет сыростью и затхлостью. Старый дом сильно нуждается в основательной уборке и обновлении.

– Как любезно, что вы заехали, – говорит она ласково, все еще сжимая мой локоть. – Вам вчера понравилось с нами?

– Да, мэм.

– Не желаете ли навестить нас снова?

– У меня к вам срочное дело.

Она усаживает меня за кухонный стол.

– Кофе или чай? – спрашивает мисс Берди, шумно устремляясь к шкафу и опять ударяя по выключателям.

– Кофе, – отвечаю я, оглядывая кухню.

– Как насчет растворимого?

– Чудесно. – После трех лет обучения в колледже я забыл разницу между растворимым и тем, что мелют из настоящих зерен и варят.

– Сливки или сахар? – спрашивает она, подходя к холодильнику.

– Просто черный.

Она кипятит воду, ставит чашки, садится за стол напротив меня и широко улыбается. Я наполнил для нее этот день содержанием.

– Я просто в восторге, что вижу вас, – сообщает она в третий или четвертый раз.

– У вас прекрасным дом, мисс Берди, – говорю я, вдыхая воздух, пахнувший мускусом.

– О, спасибо. Мы с Томасом купили его пятьдесят лет назад.

Кастрюли и сковородки, раковина и краны, плита и тостер – все по крайней мере сорокалетней давности. Холодильник, по-видимому, выпуска шестидесятых годов.

– Томас умер одиннадцать лет назад. Здесь мы вырастили с ним обоих сыновей, но я о них охотно умолчала бы. – Ее веселое лицо на секунду омрачилось, но вот она опять улыбается.

– Разумеется. Конечно.

– Давайте поговорим о вас, – предлагает она. Но это как раз та тема, которой я бы с удовольствием избежал.

– Конечно, почему нет? – И я набираюсь мужества перед неминуемым допросом.

– Откуда вы родом?

– Я родился здесь, но вырос в Ноксвилле.

– Очень приятно. А где вы учились в школе?

– В Остин-Пи.

– В Остин... где?

– В Остин-Пи. Это маленькая школа в Кларксвилле. На государственной субсидии.

– Как чудесно! А почему вы выбрали юридический колледж в Мемфисском университете?

– Но это действительно хороший колледж, а кроме того, мне нравится Мемфис... – Есть и еще две причины. Меня приняли в этот университет, и я мог оплатить там учебу.

– Как замечательно. А когда вы его окончите?

– Буквально через несколько недель.

– Тогда, значит, вы станете настоящим адвокатом. Как замечательно. А где вы будете работать?

– Ну, этого я еще не знаю. Последнее время я много думаю о том, чтобы открыть забега-ловку, то есть собственную контору. Я человек независимый и не уверен, что смогу работать на кого-нибудь другого. Я хочу заниматься адвокатской практикой по собственному усмотрению.

Она молча меня разглядывает. Больше не улыбается. Глаза смотрят холодно, пристально. Она удивлена.

– Это замечательно, – повторяет она и вскакивает, чтобы сделать кофе.

Если эта милая, гладенькая леди стоит несколько миллионов, она проявляет просто чудеса ловкости, скрывая подобный факт. Я внимательно присматриваюсь к обстановке.

Стол, на который я облокотился, на алюминиевых ножках, и бесцветный пластиковый верх уже очень затерт. Она живет в довольно запущенном доме и ездит на старом автомобиле. Здесь явно нет ни горничных, ни слуг. Ни декоративных маленьких собачек.

– Как замечательно, – вновь говорит она и ставит две чашки на стол. Они не дымятся. В моей что-то едва теплое. Кофе жидкий, безвкусный и пахнет плесенью.

– Хороший кофе, – говорю я, облизываясь.

– Спасибо. И значит, вы собираетесь завести свою собственную маленькую контору? Сначала, как вы понимаете, вам будет трудно.

– Да, подумываю. Но если стану усердно работать и справедливо относиться к людям, мне нечего будет беспокоиться о том, чтобы у меня не переводились клиенты.

Она искренне улыбается и тихо покачивает головой.

– Ну это же просто чудесно, Руди. И как мужественно с вашей стороны. Я считаю, хорошо бы было побольше таких людей, как вы, в вашей профессии.

Моей профессии я-то нужен меньше всех – еще один молодой, голодный стервятник, рыскающий по улицам, готовый питаться любой падалью от судопроизводства, стремящийся найти хоть какое-то место, чтобы получить возможность выжимать несколько баксов из потерпевших крушение.

– Вы, наверное, удивляетесь, зачем я здесь? – говорю я, отпивая маленькими глотками кофе.

– Я рада, что вы приехали.

– Да, конечно, так замечательно снова с вами увидаться. Но мне хотелось бы поговорить о вашем завещании. Я даже плохо спал прошлой ночью, так беспокоился о вашем состоянии.

Глаза ее увлажняются. Она тронута.

– Особенно меня тревожат некоторые моменты, – объясняю я, стараясь выглядеть максимально сосредоточенным. Я достаю из кармана ручку и держу ее так, словно сию минуту готов приступить к действиям. – Во-первых, и, пожалуйста, простите меня, что я об этом говорю, но меня действительно очень беспокоит, когда вы или любой другой клиент принимает такие суровые меры против своей собственной семьи. Мне кажется, вы должны это обсудить спокойно и не торопясь.

Она поджимает губы, но молчит.

– Во-вторых, и опять простите меня, пожалуйста, но я не могу считать себя достойным уважения адвокатом, если не скажу об этом: мне очень сложно составить завещание или другой документ, по которому основное состояние переходило бы в собственность человека, подвигающегося на телевидении.

– Он Божий человек, – произносит она с выражением, немедленно бросаясь на защиту чести distinguished Кеннета Чэндлера.

– Я знаю. И это прекрасно. Однако зачем же оставлять ему все состояние, мисс Берди? Почему не двадцать пять процентов? Понимаете ли, это было бы разумно и достаточно.

– У него всяких нужд выше головы. И потом его реактивный самолет уже староват. Он мне все-все рассказал.

– О'кей. Но Господь Бог не ожидает от вас полного финансирования проповеднических потребностей мистера Чэндлера.

– То, что Господь внушает мне, мое личное дело. Благодарю за внимание.

– Ну конечно же, личное. Я хочу только напомнить, и, уверен, вы об этом знаете, что большинство из этих парней – проповедников – совершают тяжкие грехи, мисс Берди. Их часто ловят в обществе других женщин, а не собственных жен. Их уличают в том, что они тратят миллионы на свою роскошную жизнь: дорогие дома, автомобили, курорты, модную одежду. Большинство из них просто мошенники.

– Он не мошенник.

– Но я и не говорю, что он им был.

– Что вы хотите сказать?

– Ничего, – отвечаю я и делаю долгий глоток. Она не сердится, пока по крайней мере. – Я присутствую здесь как ваш юрист, мисс Берди, вот и все. Вы просили меня подготовить для вас завещание, и мой долг позаботиться обо всех пунктах документа. Я серьезно и ответственно отношусь к своим обязанностям.

Сетка морщин вокруг ее рта разглаживается, и взгляд смягчается.

– Как любезно с вашей стороны, – роняет она.

Я полагаю, что многие из старых богачей вроде мисс Берди, особенно пострадавшие во время Великой депрессии и сами сделавшие свои состояния, должны бы особенно яростно охранять свое богатство с помощью бухгалтеров, юристов и хмурых, недружелюбных банкиров. Но это не относится к мисс Берди. Она наивна и доверчива, как бедная вдова, единственным источником существования которой является пенсия.

– Ему нужны деньги. – Она отпивает кофе и довольно подозрительно оглядывает меня.

– Мы можем поговорить о деньгах?

– И почему это вы, юристы, всегда так хотите говорить о деньгах?

– По очень веской причине, мисс Берди. Если вы не будете осторожны, государство отхватит себе большой кусок вашего состояния. Сейчас кое-что можно сделать, чтобы избежать многих издержек и осуществить осторожное управление состоянием.

Она подавлена и напугана.

– Да, всегда можно найти возможность ограбить, забивая голову разными словами.

– Поэтому я и приехал, мисс Берди.

– Наверное, вы хотите, чтобы я упомянула в завещании и вас? – говорит она, все еще подавленная, под впечатлением суровости законов.

– Конечно, нет. – Я пытаюсь показать, что шокирован одним только предположением. Но в то же время стараюсь скрыть удивление при мысли, что она таки меня подловила.

– Адвокаты всегда старались, чтобы я их упомянула.

– Мне жаль, мисс Берди, но юристов криминального типа немало.

– То же самое говорит и преподобный Чэндлер.

– Я уверен, что он так говорит. Послушайте, я не хочу входить сейчас во все подробности, но вы можете сказать, куда вложены деньги – в недвижимость, акции, облигации, наличность или в какие-то другие инвестиции? Чтобы контролировать ведение дел, очень важно знать, во что вложены деньги.

– Они все в одном месте.

– О'кей. Где?

– В Атланте.

– Атланте?

– Да, но это долгая история, Руди.

– Почему бы вам не рассказать ее мне?

В отличие от нашего совещания в «Кипарисовых садах» накануне сейчас время мисс Берди не поджигает. У нее нет в данный момент никаких обязанностей. Боско поблизости нет. Не надо наблюдать, как убирают после ленча, не надо выступать третейским судьей на играх. Так что она медленно вертит чашку с кофе в руках и раздумывает над моим предложением, пристально глядя на стол.

– Никто об этом ничего не знает, – говорит она очень тихо, клацнув раза два зубными протезами. – По крайней мере в Мемфисе никто.

– Но почему же? – спрашиваю я, все-таки чуть-чуть волнуясь.

– Мои дети об этом не знают.

– О деньгах? – уточняю я недоверчиво.

– О, кое-что им известно, конечно. Томас усердно трудился, и у нас были большие сбережения. Когда одиннадцать лет назад он умер, то оставил мне почти сто тысяч долларов.

Мои сыновья, а особенно их жены, уверены, что теперь сбережения увеличились в пять раз. Но они ничего не знают об Атланте. Хотите еще кофе? – Она уже на ногах.

– Конечно.

Она несет мою чашку к буфету, сыплет туда немного больше, чем пол чайной ложки кофе, добавляет тепловатой воды и возвращается к столу. Я помешиваю воду с таким видом, словно наслаждаюсь ароматом экзотического капучино.

Наши взгляды встречаются, я весь симпатия и сочувствие.

– Послушайте, мисс Берди. Если вам слишком тяжело говорить об этом, то, может быть, мы опустим данную тему? Просто назовите конечные цифры.

– А почему тяжело? Мы же говорим о моем состоянии, о богатстве.

Это как раз то, о чем я сейчас думаю.

– Чудесно! Тогда расскажите мне в общих чертах, куда вложены деньги. Меня особенно интересует недвижимость. – И это правильно. Наличные и другие ликвидные инвестиции и ликвидируются в первую очередь, чтобы уплатить налоги на наследство. В последнюю очередь для этих целей используют недвижимое имущество. Так что мои вопросы заданы не только из чистого любопытства.

– О деньгах я еще не рассказывала никому, – произносит она по-прежнему очень тихо.

– Но вчера вы упомянули, что говорили об этом с Кеннетом Чэндлером.

Следует долгое молчание, она только крутит чашку на пластиковой поверхности стола.

– Да, полагаю, что так. Но я не уверена, что рассказала ему все. Может быть, немножко я и приврала. И уверена, что я не рассказывала ему, откуда у меня деньги.

– О'кей. Откуда они?

– От моего второго мужа.

– Вашего второго мужа?

– Да, от Тони.

– Значит, Томас и Тони – так звали ваших мужей?

– Да. Примерно через два года после смерти Томаса я вышла замуж за Тони. Он сам был из Атланты и куда-то ехал через Мемфис, когда мы встретились. Мы так или иначе скоротали вместе пять лет, все время ссорились, а затем он бросил меня и уехал к себе домой. Он был лентяй и зарился на мои деньги.

– Не понимаю. Вы, кажется, сказали, что унаследовали деньги после него.

– Так оно и было, только он никогда об этом не узнал. Это долгая история. Было несколько наследств и всякое добро, о которых Тони ничего не знал и я тоже. У него имелся богатый сумасшедший брат. Вообще-то все в их семье сумасшедшие, и как раз перед самой смертью Тони унаследовал после умершего брата большое состояние. То есть за два дня до того, как Тони протянул ноги во Флориде, умер его брат. Тони умер, не сделав завещания. У него не было никого, кроме жены. То есть меня. Поэтому они связались со мной из Атланты, какая-то большая юридическая фирма, и сообщили, что я в соответствии с законодательством Джорджии теперь богачка и стою больших денег.

– И сколько их было?

– Гораздо больше, чем мне оставил Томас. Но как бы то ни было, я об этом не сказала никому. До сих пор об этом никто не знает. И вы об этом тоже никому не разболтаете, да, Руди?

– Мисс Берди, как ваш адвокат, я не имею права об этом рассказывать. Я даю клятву о неразглашении тайны. Это называется привилегией поверенного и его клиента.

– Как замечательно.

– Но почему вы ничего не сказали о деньгах вашему умершему адвокату? – спросил я.

– О, ему! Я ему не очень доверяла в душе. Я только упомянула о размерах дарений, но никогда не говорила ему, какой у меня капитал в действительности. Однажды он вообразил, что у меня денег куры не клюют, и захотел, чтобы я включила его в завещание.

– Но вы никогда ему всего не рассказывали?

– Никогда.

– И никогда не говорили, сколько у вас денег точно?

– Нет.

Если я тогда правильно подсчитал, завещанные ею дары тянули на двадцать миллионов. Значит, адвокат знал по крайней мере о такой сумме, раз он составлял завещание. Возникает очевидный вопрос: сколько реально имеет эта драгоценная маленькая женщина?

– Вы мне скажете, сколько у вас всего денег?

– Может быть, завтра, Руди. Может, завтра и скажу.

Мы выходим из кухни и направляемся во внутренний дворик. У нее здесь устроен новый фонтан около розовых кустов, который она мне хочет показать. Я люблюсь им с восторженными восклицаниями.

Теперь мне ясно, что мисс Берди богатая старая женщина, но она не хочет, чтобы об этом кто-нибудь знал, особенно ее семья. Она всегда жила с комфортом и сейчас ни у кого не вызывает подозрений, она просто восьмидесятилетняя вдова, которая проживает свои более чем достаточные сбережения.

Мы сидим на вычурной железной скамье, попивая холодный кофе в темноте, пока я наконец не привожу должное количество причин, извиняющих мой уход.

Чтобы иметь возможность вести, с моей точки зрения, широкий образ жизни, я в последние три года работал барменом и официантом в «Йогисе», студенческой забегаловке у самого входа в кампус. Забегаловка известна сочными бургерами с луком и молодым пивом. Это – шумное местечко, где с ленча до закрытия время пролетает как один счастливый час. Кружка разбавленного водой светлого пива стоит один доллар по понедельникам, когда идет программа «Вечерний футбол», и два бакса во все другие дни.

Хозяин забегаловки Принс Томас – странный парень с волосами, завязанными в «конский хвост», с массивным телом и еще более весомым «я». Принс один из самых заметных городских деловых людей, настоящий антрепренер, который любит, когда его фотографии появляются в газетах, любит порисоваться в последних известиях на телевидении. Он организует марафоны ползком на животе и состязания по игре в шары. Он подавал петицию городским властям о разрешении таким заведениям, как его, не закрываться на ночь. Городские власти, в свою очередь, не раз преследовали его по суду за различные прегрешения. Грешить он любит, только назовите какой-нибудь грех, а уж он постарается организовать группу практикантов и легализовать его.

Принс осуществляет в «Йогисе» свободу управления. Мы, работники, сами устанавливаем часы работы, распоряжаемся чаевыми и не слишком-то заботимся о порядке. Но не надо ничего усложнять. Следи главным образом за тем, чтобы всегда было в наличии пиво, а в кухне достаточный запас мяса, и заведение будет работать с удивительной четкостью как бы само собой. Принс предпочитает быть на виду. Он с удовольствием приветствует хорошеньких молоденьких студенточек и любит сопровождать их к столику или в телефонную будку. Он флиртует с ними и вообще выставляет себя на посмешище. Он любит присесть у столика за занавеской и делать ставки на игроков. Это большой, сильный мужчина с могучими бицепсами, и время от времени он затевает драку.

Есть в Принсе что-то темное, говорят, он связан со стриптизными заведениями. В нашем городе они процветают, и все предполагаемые партнеры Принса имеют криминальное прошлое. Об этом было в газетах. Его дважды привлекали за нечистую игру в карты и на бегах, но оба раза присяжные запутывались в деле из-за происков противной стороны.

Проработав на него три года, я уверился в двух вещах. Первое: Принс снимает большую часть выручки из кассы для собственных нужд, наверное, не меньше двух тысяч долларов в неделю. Значит, сотню тысяч в год. И во-вторых, Принс использует «Йогис» как прикры- тие для своей маленькой криминальной империи. Он отмывает здесь наличные и каждый год ведет дело с убытками, чтобы платить поменьше налогов. Внизу в подвале у него соб- ственный кабинет, довольно укромное и безопасное местечко, где он встречается со своими друзьями.

Мне все это совершенно безразлично. Ко мне он относится хорошо. Я зарабатываю по пять долларов в час и занят примерно двадцать часов в неделю. Наши посетители – сплошь студенты, так что чаевые у нас маленькие. Во время экзаменов я могу менять часы работы. К нам сюда заглядывают по крайней мере по пять безработных студентов на день в поисках места, так что я чувствую себя счастливым, имея работу.

А кроме того, что бы еще ни происходило в «Йогисе», он классная студенческая забега- ловка. Несколько лет назад Принс отделал зал в голубых и серых тонах, цветах Мемфисского университета, и на всех стенах сверху донизу развешаны фотографии в рамках спортив- ных звезд и вымпелы разных команд. Ребята гуртом валят сюда провести несколько часов, болтая, смеясь и флиртуя.

Сегодня Принс наблюдает за игрой по телевизору. Бейсбольный сезон только начался, но Принс уже уверен, что «Храбрецов» ждет большой успех. Он делает ставки на всех, но «Храбрецы» – его любимцы. Не имеет значения, кто из них играет, с кем и где, кто подает, кто получил травму, Принс все равно на их стороне и будет их всячески подбадривать.

Сегодня в моем распоряжении главный бар, и моя главная задача – следить, чтобы стакан Принса с ромом и тоником не просыхал. Он взвизгивает, когда Дейв Джасти- с делает удачный мощный бросок, приносящий команде лишнее очко. И затем отбирает часть выручки у коллеги болельщика. Они спорили, кто сделает этот бросок первым – Дейв Джа- стис или Барри Бондс. Я видел, что Принс поставил на то, какой будет первая подача игроку, чья очередь бить будет вторая и как он будет подавать мяч, сильным ударом или нет.

Хорошо, что сегодня я не обслуживаю столики. Голова у меня еще болит, и двигаться надо как можно меньше. К тому же я могу потаскивать пиво из холодильника, хорошее пиво в зеленых бутылках марки «Хайнекен» и «Музхед». Принс не возражает, что бармены тоже немножко между делом потягивают пиво.

Да, мне будет не хватать этой работы. А может, не уходить? Передняя кабинка полна наших студентов, все знакомые лица, но я бы предпочел с ними не встречаться. Они все, как и я, студенты-третьекурсники, и, наверное, у всех есть работа по специальности.

Можно быть барменом и официантом, пока ты еще студент-первокурсник или даже учишься на втором, есть даже некоторый престиж в том, чтобы подрабатывать в «Йогисе». Но что за цена этому престижу через месяц, когда я окончу колледж!.. Тогда положение мое будет хуже, чем у студента, пытающегося свести концы с концами, и я стану жертвой, потерпевшим, статистической единицей, свидетельствующей о неудаче, еще одним студен- том юридического колледжа, который не смог удержаться в тенетах юриспруденции и ока- зался никому не нужным.

Глава 7

Честно говоря, я не могу вспомнить, какие критерии я для себя сформулировал и потому применил на практике для первой попытки найти место работы. Я тогда остановился на «Юридическом заведении Обри Х. Лонга и К°», но думаю, это отчасти зависело от их приятного и даже достойного на вид любезного объявления на желтых страницах телефонного справочника. Там же была помещена довольно невнятная черно-белая фотография мистера Лонга. Юристы, к сожалению, так же склонны помещать всюду свои фотографии, как предсказательницы судьбы по руке. Он производил впечатление человека искреннего, примерно лет сорока, с приятной улыбкой в противоположность неухоженным физиономиям, снимки которых обычно помещаются в юридических журналах. В его фирме работали четыре адвоката, специализировавшиеся на автокатастрофах. Они во что бы то ни стало стремились к восстановлению справедливости и предпочитали иметь дело со случаями увечья и с делами по страховке. Они изо всех сил сражались за интересы своих клиентов и гонорар брали, только добившись для них возмещения ущерба.

Но, черт возьми, должен же я был с чего-то начать. Я нашел адрес, по которому в городе находилась фирма, – в небольшом квадратном, решительно безобразном на вид кирпичном здании рядом с бесплатной парковкой. Она тоже была упомянута в телефонном справочнике. Когда я толкнул дверь, зазвенел колокольчик. Полноватая невысокая женщина, сидевшая за столом, заваленным бумагами, приветствовала меня чем-то вроде насупленной ухмылки. Я помешал ей печатать.

– Могу быть вам полезна? – спросила она, и ее жирные пальцы повисли в непосредственной близости от клавиатуры.

Черт, тяжелый случай. Я выдавил из себя улыбку.

– Да, возможно. Я хотел бы знать, нельзя ли увидеться с мистером Лонгом?

– Он в федеральном суде, – сообщила она и ударила двумя пальцами по клавишам. Что значит одно маленькое слово!.. Не просто «в суде», а в «федеральном». Слово «федеральный» подразумевает отношения с большими корпорациями, так что, когда юрист Обри Лонг имеет дело с федеральным судом, он, черт возьми, считает себя обязанным сообщить это всему свету. И его секретарша должна озвучивать эту информацию. – Так чем могу быть вам полезна? – повторяет она.

Я решил на самую жесткую правду. Уловки и мошенничество могут и подождать, хотя и недолго.

– Меня зовут Руди Бейлор. Я студент-третьекурсник юридического колледжа Мемфисского университета, вот-вот окончу его и хотел бы... ну... я как бы подыскиваю работу.

Теперь секретарша ухмыляется открыто. Она убирает руки с клавиатуры, поворачивается на вертящемся стуле и смотрит мне прямо в лицо, затем покачивает головой.

– Мы никого не берем на работу, – говорит она с явным удовлетворением, словно она глава отборочной комиссии по найму.

– Понимаю. А можно мне оставить анкету и письмо на имя мистера Лонга?

Она брезгливо берет документы, словно они вымокли в моче, и роняет их на стол.

– Я подложу их к таким же, как ваши.

А я, оказывается, еще в состоянии усмехаться:

– Много же нас здесь оказывается, а?

– Наверное, каждый день кто-нибудь приходит с предложением.

– Ах так? Извините, что побеспокоил.

– Нет проблем, – ворчит она под нос и опять поворачивается к машинке. Когда я уйду, она уже яростно стучит по клавишам.

У меня много заявлений и много экземпляров анкеты. И я провожу уик-энд, сортируя бумаги и тщательно продумывая план наступления. Сейчас я очень много думаю о стратегии натиска, почти не испытывая оптимизма. Я планирую, что в ближайший месяц я каждый день буду посещать две-три небольшие фирмы, и так пять дней в неделю, пока не окончу колледжа. А там кто знает... Букер убедил Марвина Шэнкла прочесать все юридические коридоры в поисках работы для меня, а Маделейн Скиннер тоже, наверное, висит на телефоне, требуя, чтобы кто-нибудь меня нанял.

Может быть, кому-то и нужен работник?

В плане поисков под номером вторым значится фирма с тремя служащими в двух кварталах от той, где только что я побывал. Я уже наметил поход в нее заранее, так что легко смогу переместиться от одного отказа к получению второго. Нечего зря время терять.

Согласно проспекту, «Нанли, Росс и Перри» – фирма с широким спектром судебных дел, которыми занимаются три парня, каждому из них немного за сорок. В фирме нет больше никаких служащих и подсобных юристов. И как будто большая часть дел связана с недвижимым имуществом – как раз тем, что я не выношу, но сейчас нельзя быть разборчивым. Фирма размещается на третьем этаже нового железобетонного здания. В лифте душно, и поднимается он медленно.

На удивление, приемная оказывается очень приятной на вид. Линолеум с узором под дубовый паркет покрыт ковром с восточными мотивами. Стеклянный кофейный столик завален экземплярами газеты «Народ и мы». Секретарша опускает телефонную трубку и улыбается:

– Доброе утро. Чем могу служить?

– Пожалуйста, я хотел бы увидеться с мистером Нанли.

Все еще улыбаясь, она смотрит в толстую записную книжку посреди аккуратного стола.

– У вас назначена встреча? – спрашивает она, чертовски хорошо понимая, что ничего у меня не назначено.

– Нет.

– Понимаю. Но мистер Нанли в данный момент очень занят.

Так как прошлым летом я временно работал в юридической конторе, я понимаю, что мистер Нанли будет занят всегда, а не только в данный момент. Это обычная процедура. Ни один юрист в мире ни за что не сознается, что в данный момент он не утопает в делах, и не позволит своей секретарше говорить, что он свободен.

Могло быть и хуже. Например, он тоже мог сегодня утром отправиться в федеральный суд.

Родрик Нанли в этом заведении – старший партнер, он тоже выпускник Мемфисского университета, как следует из юридического справочника. Я составлял план наступления, стараясь включить в него как можно больше выпускников из нашего колледжа.

– Буду рад подождать, – замечаю я улыбаясь. Она тоже улыбается. Мы оба улыбаемся. В небольшом коридоре открывается дверь, и из нее выходит и направляется к нам человек без пиджака с закатанными рукавами рубашки. Он смотрит вверх, видит меня, и вот он уже рядом. Он подает папку улыбчивой секретарше.

– Доброе утро, – приветствует он. – Чем могу быть полезен? – Голос у него громкий. И вполне дружелюбный.

Женщина открывает рот, но я ее перебиваю:

– Мне нужно переговорить с мистером Нанли.

– Это я, – отвечает он и сует мне правую руку. – Род Нанли.

– Меня зовут Руди Бейлор. – Я крепко пожимаю его руку. – Я студент-третьекурсник Мемфисского университета, вот-вот окончу и хотел бы поговорить с вами насчет работы.

Рукопожатие еще продолжается и не становится менее крепким при упоминании о работе.

– Ага, – отвечает он, – насчет работы, да? – Он бросает взгляд на секретаршу, словно желая сказать: «Как это вы дали промашку и не выставили его?»

– Да, сэр. Если бы вы только уделили мне десять минут. Я знаю, что вы очень заняты.

– Но, знаете, буквально через несколько минут у меня слушание свидетельских показаний, и затем я сразу же отправляюсь в суд. – Он уже повернулся на каблуках, глядя на меня, потом переводит взгляд на секретаршу, затем смотрит на часы. Но в глубине души он добрый, мягкосердечный человек. Может быть, однажды, и не очень давно, он тоже стоял по эту сторону пропасти. Я смотрю на него умоляюще и протягиваю ему тоненькую папку с моей анкетой-заявлением на его имя. – Ну ладно, хорошо, давайте входите. Но только на минуту.

– Я вам позвоню через десять минут, – быстро говорит секретарша, стараясь искупить свою вину.

Как все очень занятые юристы, Нанли смотрит на часы, с секунду о чем-то размышляет и затем очень серьезно заключает:

– Да, максимум через десять минут. И позвоните Бланш. Скажите, что я, может быть, слегка опоздаю.

Таким образом, они быстро договорились, эти двое. Они оказали мне любезность, но незамедлительно обусловили и мой скорый уход.

– Идите за мной, Руди, – предлагает он с улыбкой, и я буквально приклеиваюсь к его спине, когда мы проходим по коридору.

Его кабинет представляет собой квадратную комнату. За столом вся стена уставлена книжными шкафами, на стене напротив двери красуется довольно внушительная реклама его личных достижений. Я быстро оглядываю их: почетный член клуба «Ротари», доброволец-бойскаут в юности, грамота «Лучшему адвокату месяца», по крайней мере две научные степени, фотография, на которой Род запечатлен с каким-то краснолицым политиком, членом Коммерческого совета. Этот парень все готов заключить в рамку и повесить на стенку.

Слышу, как тикают часы, когда мы усаживаемся и смотрим друг на друга через огромный, выбранный по каталогу стол американского делового стиля.

– Извините за настырность, – начинаю я, – но мне действительно нужна работа.

– Когда вы оканчиваете учебу? – спрашивает он, наклонившись и облокачиваясь на стол.

– В следующем месяце. Я знаю, по правилам игры я пришел с опозданием, но этому есть веская причина. – И затем рассказываю историю моих отношений с «Броднэкс и Спир». Когда я подхожу к «Тинли Бритт», стараюсь изо всех сил нажать на предполагаемую его неприязнь к большим фирмам. Неприязнь проистекает из естественного чувства соперничества, которую обычно испытывают такие мелкие людишки, как мой приятель Род, простецкий адвокат, по отношению к напыщенным, утонченным мальчикам, что служат в городских небоскребах. Я немного привираю, говоря, что «Тинли Бритт» хотела обсудить вопрос моей занятости, а затем ловко вворачиваю нужный мне пунктик насчет того, что я просто никогда бы не смог работать на большую компанию. Это совсем не в моей натуре. Я слишком независим и хочу представлять людей, а не большие корпорации.

Весь рассказ занимает меньше пяти минут.

Он умеет слушать, хотя и немного нервничает, так как за спиной звонят телефоны. Он заранее знает, что не возьмет меня, и, таким образом, тянет время, ждет, когда истекут мои десять минут.

– Они продешевили, – говорит он любезно, когда я заканчиваю.

– Но, возможно, это и к лучшему. – Я кроток, как агнец, ведомый на заклание. – Однако я готов работать. Я окончу среди первой трети курса по оценкам. Я обожаю проблемы недвижимости и занимался на двух соответствующих спецкурсах. И хорошо прошел оба.

– Да, мы много занимаемся недвижимостью, – заключает он с большим удовлетворением, как будто это самое прибыльное дело на свете. – И судебными процессами, – добавляет он с еще большим удовлетворением. Немногим больше, чем обычный кабинетный практик и делопроизводитель, возможно, очень поднаторевший в том, чем занимается, и способный на этом неплохо зарабатывать для беспечального образа жизни, он хочет еще и казаться одаренным судебным борцом, а с моей точки зрения – дураком-законником. Он говорит об этом, потому что так принято у юристов, это обычные хитрости. Я мало с кем знаком из них, но еще не встречал такого, который не уверял бы, что может дать в суде пинка в любую задницу.

Мое время истекает.

– Я работал, когда учился. Все последние семь лет. Ни одного пенни помощи от семьи.

– Что это была за работа?

– Да за любое дело брался. Сейчас вот работаю в «Йогисе», обслуживаю столики и бар.

– Вы бармен?

– Да, сэр. В том числе и бармен.

Он держит мою анкету.

– Вы холостяк, – произносит Нанли медленно. Но это написано там черным по белому.

– Да, сэр.

– Есть серьезный роман?

А это уже совсем не его дело, но я не в том положении, чтобы возражать.

– Нет, сэр.

– Но вы не голубой, а?

– Нет, конечно, нет. – И мы, гетеросексуалы, дружно улыбаемся. Мы с ним белые парни, очень правильные во всех отношениях.

Род откидывается назад, и лицо его становится внезапно серьезным, словно предстоит очень важное и неотложное дело.

– Мы уже несколько лет не нанимаем новых служащих. Но интересно, сколько сейчас большие фирмы в городе платят своим новобранцам?

Для такого вопроса есть причина. Что бы я ни ответил, он разыграет ужасное недоверие при упоминании о невероятных заработках в небоскребах. Но худо-бедно, это заложит фундамент нашего разговора о деньгах.

Врать бесполезно. Он, наверное, имеет достаточное представление о разнице в заработках. Юристы обожают посплетничать.

– «Тинли Бритт» – сторонники самого высокого жалованья. Я слышал, что зарплата иногда доходит до пятидесяти тысяч долларов.

Я еще не закончил, а он уже трясет головой.

– Не шутите, – говорит он в замешательстве. – Не надо шутить.

– Но я не настолько дорог, – быстро заявляю я. Я уже решил продать себя задешево любому, кто сделает предложение. У меня низкая планка, мне бы только зацепиться здесь, и тогда я буду усердно работать пару лет, а потом, может быть, подвернется что-нибудь еще.

– Что у вас на уме? – спрашивает он, словно его могущественная маленькая фирма может действовать наравне с большими ребятами, а другое положение было бы просто унижительно для него.

– Я буду работать за половину суммы. За двадцать пять тысяч долларов. Я согласен на восемьдесят часов в неделю, я займусь всеми «протухшими» делами, буду делать всю черную работу. Вы, и мистер Росс, и мистер Перри можете отдать мне все дела, за которые

теперь ни за что бы не взялись, и я закончу их в полгода. Обещаю. Я отработаю свое жалование в первые же двенадцать месяцев, а если нет, тогда сам уйду.

Род открыл рот, блеснули зубы. В глазах запрыгали огоньки при мысли, что все дерьмо будет вычищено из его конюшни и это сделает кто-то другой, а не он. В этот момент раздался громкий дребезжащий звонок по внутреннему телефону, и я услышал голос секретарши:

– Мистер Нанли, вас ждут.

Я бросаю взгляд на часы. Прошло всего восемь минут.

Он смотрит на свои. Хмурится, а потом говорит:

– Интересное предложение. Дайте подумать. Я должен поговорить с партнерами. Каждый четверг утром мы встречаемся для обмена мнениями. – Он встает. – Я обсужу с ними ваше предложение. Мне, по правде говоря, не приходила в голову такая перспектива. – Он обходит стол и уже готов меня выпроводить.

– Я буду работать, мистер Нанли. Двадцать пять тысяч в год устроят и меня, и вас. – И пячусь к двери.

На минуту он останавливается, словно остолбенев.

– О, дело не в деньгах, – возражает он, как будто он и его партнеры даже помыслить не способны, чтобы платить меньше «Тинли Бритт». – Просто у нас сейчас и так дела идут гладко. Делаем большие деньги, понимаете ли. Все довольны. И мы совсем не думаем о расширении. – Он открывает дверь и ждет, когда я выйду. – Мы с вами свяжемся.

Он провожает меня до двери и велит секретарше обязательно записать мой телефон. Он крепко пожимает мне руку, желает всего хорошего, обещает вскоре позвонить, и через несколько секунд я уже на улице.

Чтобы собраться с мыслями, мне нужна минута-другая. Я только что предложил продать мое образование и накопленный юридический багаж за бесценок и вот теперь стою опять на тротуаре. Судя по тому, как развиваются дела, моя краткая беседа с Родриком Нанли будет, очевидно, одной из самых продуктивных моих попыток.

Сейчас почти десять. Через тридцать минут у меня спецкурс «Избранные статьи Кодекса Наполеона», на него надо пойти, потому что я прогуливал его целую неделю. Конечно, я могу прогуливать его еще три недели, и никто не обратит внимания. Экзаменов по этому спецкурсу нет.

Я теперь свободно расхаживаю по колледжу, не стыдясь показываться на людях. Через несколько дней большинство студентов-третьекурсников покинут это здание. Пребывание в юридическом колледже начинается с интенсивной, как артиллерийский огонь, работы и с усиленной подготовки к экзаменам, а заканчивается несколькими поверхностными опросами и никому не нужными письменными работами. И все мы гораздо серьезнее относимся к экзамену на звание адвоката, чем беспокоимся о наших последних занятиях. А многие уже готовятся приступить к работе.

Маделейн Скиннер приняла мой случай близко к сердцу и страдает почти так же, как я, потому что обоим нам не везет. Есть сенатор от Мемфиса, его офису в Нашвилле может понадобиться штатный поверенный для составления памятки законов и подзаконных актов – тридцать тысяч плюс регулярные выплаты премиальных от страховых компаний и разных агентств, но для этого надо уже иметь лицензию юриста-консультанта и двухлетний стаж работы. Какая-то маленькая компания ищет адвоката, пусть и с незаконченным образованием, но знающего бухгалтерское дело. Однако все эти годы я изучал историю.

– Департаменту помощи неимущим округа Шелби в августе понадобится штатный адвокат. – Она листает бумаги на столе, отчаянно пытаясь что-нибудь отыскать.

– Адвокат по делам помощи неимущим?

– Звучит великолепно, правда?

- А сколько они платят?
 - Восемнадцать тысяч долларов.
 - В чем состоит работа?
 - Преследование папаш, находящихся в бегах, чтобы заставить их платить алименты.
 - Опасное дело.
 - Но это работа.
 - А что я буду делать до августа?
 - Готовиться к экзаменам на адвоката.
 - Правильно, и если я буду усердно заниматься и выдержу экзамен, то удостоюсь работы в Департаменте помощи неимущим за минимальное жалование.
 - Послушай, Руди...
 - Извините, сегодня у меня был тяжелый день.
- Я обещаю навестить завтра, чтобы завтра, не сомневаюсь, повторился сегодняшний разговор.

Глава 8

Где-то в архивных глубинах фирмы Шэнкла Букер нашел формы. Он рассказал, что в подвальном этаже сидит служащий, который время от времени занимается банкротствами и заполняет эти формы, но можно будет стащить несколько штук и самому сделать всю необходимую бумажную работу.

Формы довольно простые. На одной странице надо записывать все виды имеющейся собственности, что для меня легкая и быстрая задача. На другой странице список долгов. А также графы для сведений о занятости, предстоящих судебных разбирательствах и так далее. Все это имеет отношение к статье седьмой Закона о банкротстве. Когда все имущество уходит в уплату за долги, которые тем самым ликвидируются.

Я больше не работаю по найму в «Йогисе». То есть я работаю, но теперь мне платят наличными, а не по ведомости. Никаких завитушек-расписок. Никаких обязательств делить мои тощие заработки с «Тексако». Я обсудил свое бедственное положение с Принсом, рассказал ему, как ужасно обстоят у меня дела, вина во всем образование и кредитные карточки, и он радостно согласился платить наличными, послав к черту государство. Он сам твердый последователь денежно-безналоговой экономики.

Принс также предложил деньги взаймы, чтобы выкрутиться, но это мне ни к чему. Он думает, что я скоро стану преуспевающим молодым адвокатом, делающим большие деньги, а у меня не хватило духу признаться, что, наверное, придется еще некоторое время у него поработать.

Не сказал я ему и того, как много мне пришлось бы у него занимать. «Тексако» судится со мной на сумму 612 долларов 88 центов, включающую судебные издержки и гонорары их доверенному. Мой домовладелец предъявил иск на 809 долларов, тоже включающий издержки и гонорары. Но настоящие волки только-только показались на горизонте. Я даже получил скверные письма с угрозой натравить на меня адвокатов.

У меня есть кредитные карточки на предъявителя «МастерКард» и «Виза», выданные разными банками в Мемфисе. В промежуток между Днем благодарения и Рождеством в прошлом году, в благословенный краткий промежуток времени, когда я был уверен, что через несколько месяцев поступлю на хорошую работу, и когда я был так напрасно влюблен в Сару, я решил купить ей пару прелестных подарочков на праздники. Причем хотел, чтобы это были подарки непреходящей ценности. С помощью «МастерКард» я купил золотой с бриллиантами браслет за тысячу семьсот долларов, а на «Визу» приобрел для своей драгоценной комплект старинных серебряных сережек. Это обошлось мне в тысячу сто долларов. А за день до того, как она объявила, что больше не желает меня видеть, я пошел в магазин деликатесов и купил бутылку шампанского «Дом Периньон», полфунта гусиной печенки, немного икры, несколько чудесных сортов сыра и еще кое-какой вкуснятины для нашего рождественского пира. Это обошлось мне в триста долларов, но, черт возьми, ведь жизнь коротка.

Зловредные банки, выпускающие такие карточки, по неизвестной мне причине расширили перечень вещей, которые я мог приобретать в кредит, и как раз за несколько недель до праздников. Внезапно я получил возможность тратить сколько хочу, а так как впереди всего через несколько месяцев меня ожидали прощание с науками и работа, я был уверен, что смогу обернуться, делая небольшие необходимые месячные взносы в погашение долгов, к лету. Поэтому я тратил и тратил и лелеял сны золотые о прекрасной жизни вместе с Сарой.

Я теперь ненавижу себя за это, но тогда я взял листок бумаги и все тщательно рассчитал. Я вполне мог бы справиться.

Итак, паштет из гусиной печенки протух, когда вечером я, накачавшись дешевым пивом, забыл убрать деликатес в холодильник. Рождественский ленч из сыров и шампан-

ского я съел в одиночестве в моей полутемной квартирке. К икре я не притронулся. Я сидел на своей бугристой софе и смотрел на драгоценные подарки, валявшиеся на полу. Поклевывая большие куски сыра бри и отпивая понемногу «Дом Периньон», я смотрел на рождественские подарки для моей возлюбленной и плакал.

Однако в какой-то момент между Рождеством и Новым годом я взял себя в руки и договорился, что верну дорогостоящие подарки туда, где купил. Сначала, правда, я тешил себя мыслью, что брошу их в реку с моста или сделаю еще что-то вроде этого. Поэтому, зная свое эмоциональное состояние, я постарался держаться подальше от мостов.

Это случилось в первый день нового года. Вернувшись домой после долгой прогулки и легкого выпивона, я понял, что меня обокрали, дверь была взломана. Воры утащили мой старый телевизор и стерео, кувшин с четвертаками, стоявший на комод, и, разумеется, драгоценности, которые я купил для Сары.

Я вызвал полицейских и заполнил все требуемые формы и заявления. Я показал им кредитные квитанции. Сержант покачал головой и посоветовал обратиться в мою страховую компанию.

Я «наел» по своей пластиковой карточке три тысячи долларов. И теперь надо было срочно улаживать это дело.

Завтра я должен явиться в суд по поводу неуплаты квартирной аренды. В Законе о банкротстве есть замечательная оговорка, которая автоматически дает отсрочку во всех судебных начинаниях против должника. Вот почему большие корпорации, включая мою приятельницу «Тексако», прибегают к помощи судов по делам банкротств, когда им требуются защита и покровительство. Ведь мой домовладелец завтра уже ничего против меня сделать не сможет, даже позвонить по телефону и как следует обругать.

Я выхожу из лифта и делаю глубокий вдох. Коридор до отказа забит адвокатами. Здесь работают на полной ставке трое судей по делам о банкротстве, их офисы на этом этаже.

Они ежедневно проводят десятки слушаний, и на каждом слушании требуется присутствие целой группы адвокатов. Один защищает должника, несколько представляют интересы кредиторов. Это настоящий зоопарк. Я слышу множество важных разговоров, пока тащусь, шаркая, мимо: адвокаты шумно спорят о неоплаченных медицинских счетах, а также о том, сколько стоит грузовик-пикап. Я вхожу в приемную и жду десять минут, пока здешние адвокаты неторопливо раскладывают по порядку различные заявления и просьбы. Они очень хорошо знакомы с помощниками-делопроизводителями и напропалую флиртуют и болтают с ними о пустяках. Черт возьми, хотел бы я тоже стать влиятельным адвокатом по делам о банкротстве, чтобы здешние девушки тоже звали меня по имени, как этих Фредов или Санни.

В прошлом году преподаватель учил нас, что дела о банкротствах – плодотворная почва для нашего будущего, учитывая экономическую неопределенность, сокращение рабочих мест, уменьшение масштабов корпораций. Но ведь так считает человек, который никогда не занимался частной практикой.

Однако сегодня все выглядит действительно как одно большое и очень продуктивное производство. Направо и налево адвокаты составляют заявления о банкротствах. Такое впечатление, что все и всюду разоряются.

Я вручаю свои бумаги проворной девушке, у которой рот набит жвачкой. Она смотрит на заявление и затем внимательно оглядывает меня. На мне грубая рубашка и армейские брюки.

– Вы юрист? – спрашивает она довольно громко, и кое-кто оглядывается на меня.

– Нет.

– Вы должник? – спрашивает она еще громче, чавкая жвачкой.

– Да, – поспешно отвечаю я. Должник, не являющийся юристом, сам может составлять свое заявление, хотя нигде этого не сказано.

Она одобрительно кивает и ставит печать на моем заявлении.

– За прием заявления восемьдесят долларов, будьте любезны.

Я вручаю ей четыре двадцатки. Она берет бумажки и подозрительно их разглядывает. В моем заявлении нет номера банковского счета, потому что я вчера его закрыл, изъяв тем самым свою собственность в 11 долларов 84 цента. Другие предметы, которыми я владею, – очень подержанная «тойота» – 500 баксов, разномастная мебель и кухонная утварь – 150, несколько пар вельветовых брюк – 200, юридические справочники – 125, одежда и белье – 150. Все эти вещи считаются личными и, таким образом, изымаются из рассмотрения в судебном разбирательстве, которое я только что начал. Я могу их оставить при себе, но продолжать платить за «тойоту».

– Значит, наличными, да? – говорит она и начинает выписывать мне квитанцию за полученные деньги.

– У меня нет банковского счета, – чуть не ору я, заботясь об удобствах тех, кто, возможно, прислушивается к нашему разговору и хочет узнать продолжение моей истории.

Она яростно смотрит на меня, я с не меньшей ненавистью – на нее. Она возвращается к своей скоропалительной работе и через минуту швыряет на стол копию заявления и квитанцию. Я обращаю внимание на дату, время и зал, когда и где начнется слушание дела.

Я уже почти у двери, но тут меня останавливают. Толстый молодой человек с потным лицом и черной бородой легонько касается моей руки.

– Извините, сэр, – произносит он. Я останавливаюсь и смотрю на него. Он сует мне в руку визитную карточку. – Робби Молк, доверенный. Я невольно слышал, о чем вы говорили. И подумал, может быть, вы нуждаетесь в помощи, чтобы уладить дело с вашей КБ?

«КБ» – это сокращение, которое какой-то остряк-адвокат придумал для карточки банкрота.

Я смотрю на визитку, затем ему в лицо, покрытое оспинами. Я уже знаю о Молке, видел его имя в газете, в колонке объявлений. Он предлагал помощь за сто пятьдесят долларов в связи со статьей седьмой законодательства и теперь тут как тут, отирается в приемной в роли коршуна, готового ринуться на какого-нибудь замученного долгами бедолагу, из которого можно выбить эти сто пятьдесят баксов.

Я вежливо прячу его визитную карточку.

– Нет, благодарю, – отвечаю я, стараясь быть нелюбезным. – Я сам смогу с этим управиться.

– Но существует много способов избежать преследования по суду, – быстро продолжает он. И я уверен, что он говорил это уже тысячу раз. – Седьмая статья очень непроста. Я каждый год убеждаюсь, что там тьма подвохов. Двести долларов на бочку, и я перехватываю мяч и веду вашу игру. Я заручусь поддержкой всех присутствующих на суде.

Значит, теперь это стоит двести долларов. Наверное, он накинул за удовольствие войти с ним в персональный контакт. Очень легко было бы сейчас дать ему от ворот поворот, но внутреннее чувство подсказывает: Молк не такой человек, чтобы позволить ему нагрубить.

– Нет, благодарю вас, – повторяю я и прохожу мимо.

Спуск идет медленно и с большими неудобствами, лифт битком набит юристами, все плохо одеты, с потертыми портфелями и стоптанными каблуками. Они судачат об исключениях из перечней предметов личного обихода и о том, что застраховано, а что нет. Противная, надоедливая болтовня адвокатов. И у всех серьезные лица, словно они говорят о потрясающе важных вещах. Такое впечатление, что они просто не могут заткнуть фонтан.

Мы уже почти на первом этаже, когда я едва не подпрыгиваю от мысли, пришедшей в голову: понятия не имею, что я буду делать ровно через год, но только, может быть, и

это очень-очень вероятно, я тоже буду спускаться на этом самом лифте и болтать на банальные темы с этими же людьми. Скорее всего так и окажется, я стану вроде них, буду так же развязно ходить по улицам и пытаться выжать деньги из тех, кому нечем платить. Так же буду слоняться по залам судов в поисках какого-нибудь дела. От этой ужасной мысли у меня начинает кружиться голова. В лифте жарко, дышать нечем. Мне кажется, что меня сейчас вытошнит. Лифт останавливается, юристы вырываются в коридор и рассеиваются в разные стороны, все еще переговариваясь на ходу и решая деловые вопросы.

На свежем воздухе в голове проясняется, пока я иду по Средне-Американской аллее, пешеходной улице с маленьким специально приспособленным троллейбусом, который должен подбирать и развозить алкоголиков. Аллею часто называют Главной улицей, и она дом родной для множества юристов. Все суды в нескольких кварталах от нее. Я прохожу мимо высотных зданий и размышляю о том, что совершается в здешних бесчисленных юридических фирмах, как служащие лезут из кожи вон, шныряют и вынюхивают, и работают по восемнадцать часов в сутки, потому что претендент на их место будет работать двадцать, представляю, как младшие партнеры совещаются между собой, разрабатывая стратегию фирмы, и как старшие партнеры заседают в своих богато обставленных и декорированных угловых офисах, в то время как целые команды молодых юристов ожидают их приказов.

И всего этого я так искренне желал, когда поступал в юридический колледж. Я хотел двигаться в таком же направлении, существовать в таком же силовом поле энергии, которой насыщена работа с такими же ловкими, умными и воодушевленными высокими целями людьми. Они всегда выкладываются, вечно находятся в стрессовом состоянии, им никогда не хватает времени. Они всегда словно у последней черты. Прошлом лето я служил в небольшой фирме, всего двенадцать юристов, но там было много секретарей, подсобных служащих и других работников. И порой эта сумятица и хаос мне казались захватывающими. Я был самым мелким колесиком в механизме, но мечтал в один прекрасный день стать капитаном.

Я покупаю мороженое у уличного продавца и сажусь на скамейку в Судейском парке. Голуби внимательно следят за мной.

Над головой высится Первый федеральный офис, самое высокое здание в Мемфисе и резиденция «Трень-Брень». Я бы пошел на убийство, чтобы работать там. Легко мне и моим друзьям поносить и песочить «Трень-Брень». Мы их поносим и песочим потому, что недостаточно для них хороши. Мы ненавидим их, потому что они и смотреть-то на нас не хотят и в переговоры вступать не желают – им это одно только беспокойство.

Догадываюсь, что в каждом городе есть своя «Трень-Брень», в каждой области бизнеса. Я им не ровня, я неудачник, поэтому мне остается только всю жизнь ненавидеть их.

Но если речь зашла о фирмах, соображаю я, то, пока я в городе, надо бы постучаться еще в несколько дверей. У меня есть при себе список юристов, которые занимаются самостоятельной практикой или же сотрудничают с одним-двумя специалистами по общим проблемам судопроизводства. И единственное, что может обнадеживать, когда вступаешь на столь перенасыщенное людьми поле деятельности, так это то, что и дверей, в которые можно постучать, великое множество. Можно поэтому надеяться, твержу я себе, что в какой-то прекрасный момент я найду фирму, куда еще никто не обращался, и наткнусь на какого-нибудь заезженного работой адвоката, дико нуждающегося в неопытном новичке, чтобы взвалить на него самую черную работу. Возможно, это женщина-адвокат. Мне безразлично.

Я прохожу несколько кварталов до Стерик-билдинг, самого старого из всех высотных зданий в Мемфисе, сейчас ставшего пристанищем для сотен юристов. Я болтаю с некоторыми секретаршами и вручаю им анкеты. И удивлен количеством фирм, которые нанимают на службу только всем недовольных и даже грубых секретарш. Еще задолго до того, как я подбираюсь к вопросу найма, со мной чаще всего начинают обращаться как с нищим. Две секретарши выхватывают у меня анкеты и сразу суют в ящик стола. У меня возникает ино-

гда соблазн выдать себя за потенциального клиента, например, за скорбящего мужа молодой женщины, только что насмерть сбитой тяжелым грузовиком, который, однако, весь в страховых полисах, а водитель его был в момент наезда пьян. И очевидно, это грузовик фирмы «Эксон». Было бы здорово смотреть, как эти раздражительные шлюшки вскочили бы с места, улыбаясь во весь рот, и бросились бы угощать меня кофе.

Я хожу из фирмы в фирму, улыбаясь, когда мне хочется рычать, и повторяю одно и то же всем этим одинаковым женщинам:

– Да, меня зовут Руди Бейлор, я студент-третьекурсник Мемфисского университета. И я хотел бы переговорить с мистером Как-Его-Там-Зовут относительно работы.

– О чем, о чем? – часто переспрашивают они.

И, продолжая улыбаться, я подаю им анкету и опять прошу дать мне возможность переговорить с мистером Большая Шишка. Но мистер Большая Шишка всегда занят сверх головы, так что они отфутболивают меня с обещанием, что кто-нибудь свяжется со мной позже.

Мемфисский район Грейнджер находится к северу от центра города. Ряды старых кирпичных домов на тенистых улицах представляют собой неопровержимое свидетельство того времени, когда после конца Второй мировой начался период процветания с оживленным пригородным строительством. На окрестных фабриках жители могли хорошо заработать. Поэтому они посадили деревья на лужайках перед домами и построили внутренние дворики. Со временем носители процветания двинулись на восток и стали возводить там еще более приятные и красивые дома, а Грейнджер постепенно превратился в район, где доживают свой век пенсионеры и самые низкооплачиваемые белые и черные горожане.

Дом Дот и Бадди Блейков выглядит точь-в-точь как тысячи других. Он стоит на участке не более восьмидесяти на сто футов. Что-то случилось с деревом на лужайке, которое должно бы давать обязательную тень. В одноместном гараже виден старый «шевроле». Трава и кустарники аккуратно подстрижены.

Сосед слева занят починкой старого автомобиля, вокруг него и до самой улицы разбросаны запчасти и покрышки. Сосед справа почти всю лужайку обнес цепью. Лужайка поросла сорняками в фут вышиной, и два добермана патрулируют дорожку в замкнутом пространстве.

Я останавливаю машину за «шевроле», и доберманы на расстоянии не больше чем пять шагов рычат и скалят зубы.

Середина дня, и температура близка к тридцати пяти. Окна и двери распахнуты. Я заглядываю в переднюю дверь сквозь стеклянную перегородку и легонько стучу.

Мне не доставляет никакого удовольствия приезд сюда, потому что у меня нет желания встречаться с Донни Реєм Блейком. Подозреваю, что он действительно так болен и весь высох, как рассказывала его мать, а у меня слабый желудок.

Она подходит к двери с пачкой ментоловых сигарет в руке, вглядывается в меня через стеклянную дверь.

– Это я, миссис Блейк, Руди Бейлор. Мы встречались на прошлой неделе в «Кипарисовых садах».

В Грейнджере бродячие торговцы не всегда желанные гости, поэтому она смотрит на меня с ничего не выражающим лицом. Только подходит на шаг ближе и сует сигарету между крепко стиснутыми губами.

– Помните меня? Я занимаюсь вашим делом против «Дара жизни».

– А я думала, что вы из «Свидетелей Иеговы».

– Нет, я к ним не отношусь, миссис Блейк.

– Меня зовут Дот. Я ведь говорила об этом?

– О'кей, Дот.

– Эти проклятые «Свидетели» сводят нас с ума. Они и мормоны посылают в субботу утром, еще когда солнце не встало, бойскаутов, продающих пончики. Чего вам надо?

– Ну, если у вас есть свободная минута, хотел бы поговорить о вашем деле.

– А о чем?

– Мне хотелось бы выяснить еще кое-что.

– Да вроде мы все уже выяснили.

– Нет, нам нужно еще кое-что обговорить.

Она выдыхает сигаретный дым прямо в стекло и медленно снимает крючок. Я вхожу в крошечную гостиную, следуя за ней в кухню. В доме влажно и душно, повсюду заматерелый табачный дух.

– Хотите чего-нибудь выпить? – спрашивает она.

– Нет, спасибо.

Я сажусь у стола. Дот наливает в стакан с кубиками льда что-то вроде диетической колы и опирается спиной о буфет. Бадди не видно. А Донни Рей, наверное, в спальне.

– А где Бадди? – спрашиваю я весело, словно он мой старый дружок, по которому я очень соскучился. Она кивает на окно, выходящее на заднюю лужайку.

– Видите тот старый автомобиль?

В углу, полускрытый зарослями дикого винограда и кустарником, рядом с покосившимся сараем, под кленом, стоит ветхий «форд-ферлейн». Он белого цвета, с двумя дверцами, обе открыты. На капоте покоится кошка.

– Он сидит в машине, – объясняет Дот.

Вокруг автомобиля высокие сорняки, и кажется, что он без колес. Уже несколько десятилетий назад время здесь остановилось.

– Куда это он едет? – спрашиваю я, и, честное слово, она улыбается. И громко отпивает колу.

– Бадди-то? Да никуда. Мы купили автомобиль новехоньким в шестьдесят четвертом. И он сидит в нем каждый день, целый день, только он, Бадди, и кошки.

Во всем есть свой резон. Бадди там один, без облаков табачного дыма и беспокойства о Донни Рее.

– Но почему? – спрашиваю я.

Видно, что она не против пооткровенничать.

– Бадди ведь не в порядке, я уже говорила вам на прошлой неделе.

Как я мог об этом забыть!

– А как Донни Рей? – спрашиваю я.

Она пожимает плечами, идет к стулу и садится напротив за шаткий обеденный стол.

– У него бывают хорошие дни и плохие. Но он немножко ходит. Может, я и приведу его сюда до вашего отъезда.

– Ага. Может быть. Послушайте, я много работал над вашим делом. Я хочу сказать, что просто часами сидел, разбираясь в ваших бумагах, и провел несколько дней в библиотеках, искал такие же случаи и смотрел справочники, и, честное слово, вы должны душу вытрясти и засудить «Прекрасный дар жизни» к чертовой матери.

– Но мы вроде уже порешили на этом, – говорит она, уставив на меня тяжелый взгляд. У Дот лицо человека, который ничего не прощает, что, без сомнения, следствие нелегкой жизни с шизиком, сидящим в старом «ферлейне».

– Может быть, и так, но мне нужно было как следует во всем разобраться, я советую вам подать в суд и сделать это как можно скорее.

– Так чего вы тянете?

– Но не ожидайте быстрого решения. Вам предстоит схватиться с большой корпорацией. У них много адвокатов, которые могут все время тормозить и затягивать дело. Этим они и зарабатывают себе на жизнь.

– Сколько на это уйдет времени?

– Может, несколько месяцев, может быть, лет. Не исключено, что, когда мы оформим документы, они до передачи их в суд захотят все быстро уладить. Но, может, заставят-таки нас довести дело до суда и подадут апелляцию. Заранее предсказать невозможно.

– Донни Рей через несколько месяцев умрет.

– Можно вас кое о чем спросить?

Она выдыхает клуб дыма и кивает.

– Впервые «Дар жизни» отказал вам в удовлетворении в прошлом августе, сразу же после того, как Донни Рею поставили диагноз. Почему же вы только теперь решили встретиться с адвокатом? – Я очень свободно распоряжаюсь словом «адвокат».

– Гордиться-то всем этим не приходится, правда? Я думала, что страховая компания пойдет нам навстречу и заплатит, понимаете, возьмет на себя издержки по лечению. И я все время им писала, а они мне все время отвечали. Не знаю, почему не обратилась к адвокату раньше. По глупости, наверное. Мы так аккуратно платили взносы все эти годы, никогда ни разу не опоздали. И воображали, что они нас за это тоже уважат и честно расплатятся. Ну и еще, я ведь никогда с адвокатами дела не имела. Никаких там разводов и такого прочего. А, видит Бог, должна бы развестись. – Она поворачивается и печально смотрит в окно, безнадежно взирая на «ферлейн» и свое несчастье, засевшее там. – Он выпивает пинту джина утром и пинту днем. И мне это, в общем, безразлично. Это делает его счастливым, держит вне дома и не лишает способностей, понимаете, о чем я говорю?

Мы смотрим на фигуру, грузно осевшую на переднем сиденье. Заросли винограда и клен покрывают машину тенью.

– Вы сами покупаете для него спиртное? – спрашиваю я, словно это имеет хоть какое-то значение.

– О нет. Он платит соседскому мальчишке, чтобы тот покупал и потихоньку приносил. Считает, что я ничего не знаю.

В глубине дома что-то задвигалось. В здании нет кондиционера, поэтому слышны все звуки. Кто-то кашляет. Я начинаю говорить опять:

– Послушайте, Дот. Я с удовольствием взялся бы за это дело в ваших интересах. Знаю, что я только новичок, юнец, едва окончивший колледж, но я уже многие часы потратил на изучение вашего дела, и никто не знает его лучше меня.

У нее пустой, почти безнадежный взгляд. Что тот адвокат, что этот. Ей безразлично. Мне она так же доверяет, как любому другому, не говоря лишних слов. Как странно. Столько денег юристы тратят на всякие устрашающие объявления, на глупую, бездарную рекламу по телевидению и дорогостоящую газетную колонку извещений о том и о сем, но все еще встречаются люди вроде Дот Блейк, которые не видят разницы между натренированным судебским львом и студентом-третьекурсником.

Однако я и рассчитываю на ее наивность.

– Возможно, я должен буду взять себе в помощники другого адвоката, чтобы он действовал от своего имени, пока я не сдам экзамен по специальности и не получу лицензию, понимаете?

– А сколько это будет стоить? – спрашивает она довольно подозрительно.

Я улыбаюсь ей лучезарно-теплой улыбкой.

– Ни гроша. Я берусь за это дело сейчас на неопределенных условиях. Если мы получим деньги, то тогда мне причитается треть. Никаких гонораров и возмещений за уже сделанную работу. Ничего больше.

Нет, она, конечно, видела где-то такое же проникновенное объявление, но вид у нее непроницаемый.

– Сколько?

– Мы будем требовать по суду миллион, – объявляю я торжественно, и она попадает на крючок. Я не думаю, что эта замученная жизнью женщина – большая жадина. Любые мечты о хорошей жизни, которые она когда-то лелеяла, так давно испарились, что она о них позабыла, но ей нравится мысль дать под дых «Дару жизни» и заставить их пострадать.

– И вы получите третью часть?

– Ну, я не рассчитываю отсудить миллионы, но что бы мы ни получили, я возьму только третью часть. И только после того, как будут оплачены все медицинские счета Донни Рея. Вы не должны ничего терять.

Она хлопает левой ладонью по столу.

– Тогда принимайтесь за дело. Мне все равно, сколько вы получите, но добейтесь победы. Принимайтесь сейчас же, ладно? Завтра же.

У меня в кармане лежит аккуратно сложенный экземпляр договора на юридическую помощь, я нашел его в папке образцов в библиотеке. Сейчас самое время достать его и предложить ей подписать, но я не могу заставить себя это сделать. Морально я еще не имею права заключать соглашения на представительство интересов клиента в суде, пока не получил лицензию и не допущен к адвокатской практике. Но я надеюсь, что Дот останется верна слову.

Я поглядываю на часы, словно настоящий адвокат.

– Позвольте мне приступить к нашему делу, – говорю я солидно.

– А вы не хотите познакомиться с Донни Реем?

– Может быть, в следующий раз.

– Я вас не осуждаю. От него уже ничего не осталось, одна кожа и кости.

– Но я вернусь через несколько дней и тогда смогу остаться подольше. Нам еще многое надо обсудить, я должен задать ему несколько вопросов.

– Ну, тогда идите, все в порядке.

Мы болтаем еще несколько минут, вспоминаем о «Кипарисовых садах» и о тамошних праздничных встречах. Они с Бадди ездят туда раз в неделю, если ей удастся додержать его трезвым до полудня. И только в этих случаях они вместе выходят из дома.

Миссис Блейк хочется поговорить, а мне хочется уехать. Она провожает меня на улицу, оглядывает мою грязную, всю в мелких вмятинах «тойоту», нелестно отзывается насчет импортных вещей, особенно японских, и орет в ответ на лающих доберманов.

Она стоит у столба с почтовым ящиком, курит и смотрит мне вслед, пока я не исчезаю из виду.

Для свежеиспеченного банкрота я все еще довольно глупо трачу деньги. Я покупаю за восемь долларов герань в горшке и несу ее мисс Берди. Она говорила, что любит цветы, а кроме того, она ведь одинока, и я думаю, что с моей стороны это любезный жест. Так, немного солнечного света в жизни этой старой женщины.

Я угодил как раз вовремя. Она стоит на карачках у своей цветочной клумбы, около подъездной аллеи, устремляющейся к стоящему поодаль на зеленом дворе гаражу. Бетонная дорожка густо поросла по обе стороны цветами и кустарником, диким виноградом и разными декоративными деревцами. Задняя лужайка затенена деревьями, такими же старыми, как она сама. Вымощенный кирпичом внутренний дворик уставлен ящиками с яркими цветами.

Мисс Берди просто душит меня в объятиях, когда я преподношу ей свой маленький подарок. Она срывает с рук садовые перчатки и ведет меня к задней двери в дом. Там как раз есть местечко для герани. Не хочу ли я кофе?

– Нет, только стакан воды, – отвечаю я. У меня еще свежо воспоминание о ее жиденьком растворимом кофе.

Она заставляет меня сесть на причудливый стул во дворике, вытирая грязь с клеенчатого фартука.

– Воду со льдом? – спрашивает она, явно ликуя при мысли, что сейчас чем-то напоит меня.

– Ну конечно, – отвечаю я, и она упархивает на кухню.

Задний двор из-за разросшихся деревьев приобрел какую-то своеобразную симметрию. Он простирается по крайней мере ярдов на пятьдесят, прежде чем упереться в густую живую изгородь. Сквозь деревья виднеется крыша соседнего дома. Во дворе аккуратные куртины, маленькие клумбы с разнообразными цветами, за которыми требуется немалый и довольно кропотливый уход с ее стороны или кого-нибудь еще. На кирпичной площадке у забора возвышается фонтан, но воды в нем нет. Между деревьями на измочаленных веревках висит старый гамак, колеблющийся под ветерком. В траве не видно сорняков, но ее неплохо бы подстричь.

Мое внимание привлекает гараж. У него две открывающиеся и внутрь, и наружу двери. Сейчас он закрыт. С одной стороны кладовая с задраенными наглухо окнами. А сверху помещается нечто вроде маленького мезонина, к которому ведет деревянная лестница, огибающая угол и скрывающаяся позади. У мезонина два больших окна, смотрящие на дом, одно с разбитым стеклом. Наружные стены увивает плющ, такое впечатление, словно он прорастает и в разбитое окно.

Мезонин кажется довольно вместительным.

Мисс Берди выпрыгивает через двойные французские двери с двумя высокими стаканами воды со льдом.

– Как вам нравится мой сад? – спрашивает она, садясь поближе ко мне.

– Он прекрасен, мисс Берди. И здесь так спокойно.

– Этот сад – моя жизнь. – Она широким жестом обводит пространство и выплескивает воду на мои колени, совершенно не замечая этого. – Ему я отдаю все свое время. Я люблю его.

– Он очень красив. Вы сами делаете всю работу?

– О, большую часть. Я плачу мальчику, чтобы раз в неделю он подрезал траву, тридцать долларов, можете себе представить? А раньше это стоило всего пять. – Она отхлебывает воду и чмокает губами.

– А что там наверху, небольшая комнатка? – спрашиваю я, указывая на гараж.

– Там некоторое время жил один из моих внуков. Я сделала ванную, маленькую кухню, и там было очень хорошо. Он учился в школе при Мемфисском университете.

– И долго он там жил?

– Недолго. Но я не хочу говорить о нем.

Это, наверное, один из тех, кого она выкинула из завещания. Когда большую часть времени проводишь, стучась в двери юридических контор, умоляя о работе, а тебя отфутболивают шлюшки-секретарши, то утрачиваешь многие предрассудки и нерешительность. Кожа грубеет. Отказ воспринимается легко, потому что самое худшее, что с тобой может случиться, – это услышать слово «нет», но к этому быстро привыкаешь.

– Вы, наверное, не заинтересованы в том, чтобы сдать сейчас это помещение? – спрашиваю я наудачу, почти не колеблясь и абсолютно не испытывая никакого страха перед отказом.

Ее стакан как бы повисает в воздухе, и она глазеет на комнатку над гаражом, словно впервые ее там увидела.

– Сдать кому? – спрашивает она.

– Я бы там с радостью поселился. Она такая приятная на вид, просто очаровательная, и там, наверное, очень тихо и спокойно.

– Как в могиле.

– Правда, совсем на небольшой срок. Ну, пока не начну работать и не стану на ноги.

– Вы бы ее сняли, Руди? – Она смотрит на меня недоверчиво.

– С радостью, – отвечаю я с полулицемерной улыбкой. – Для меня это просто самое прекрасное место. Я одинок, живу очень тихо и не могу много платить за аренду помещения. Нет, это просто самое лучшее, что может быть.

– А сколько вы сможете платить? – спрашивает она скрипучим голосом, словно адвокат, шпыняющий разорившегося клиента.

Я не ожидал вопроса и не очень осторожен.

– Не знаю. Вы ведь хозяйка. Сколько стоит аренда такого помещения?

Она крутит головой, глядя растерянно на деревья.

– Как насчет четырех, нет, трех сотен долларов в месяц?

Очевидно, мисс Берди еще никогда не сдавала квартиру. Она берет цифры из воздуха. Это счастье, что она не начала с восьми сотен в месяц.

– Думаю, надо сначала взглянуть на помещение, – говорю я осторожно.

Она вскакивает.

– Ну, там довольно запущено. Я использовала его как кладовку десять лет. Но мы там все почистим. И водопровод с канализацией, наверное, работают. – Она берет меня за руку и ведет прямо по траве. – Только надо подключить воду. Не уверена, правда, как насчет отопления и проветривания. Там есть кое-что из мебели, но немного, старые вещи, которые я туда оттащила.

Она поднимается по скрипучим ступенькам.

– А вам нужна мебель?

– Немного.

Перила шаткие, и такое впечатление, что вся постройка качается.

Глава 9

В юридическом колледже вы наживаете себе врагов. Конкуренция может быть жестокой и беспощадной. Люди учатся обманывать и наносить удар в спину. Это тренировка для вступления в реальный мир. У нас здесь была драка, на первом году моего обучения, когда два студента-третьекурсника стали во время инсценированного судебного заседания орать друг на друга, а потом пустили в ход кулаки. Их исключили, но потом снова приняли. Наш колледж нуждается в плате за образование.

Здесь немного людей, которые мне действительно нравятся, и один или два, к кому я питаю отвращение. Вообще-то я стараюсь не позволять себе ненависти к людям. Но сейчас я ненавижу одного хорька, который устроил мне гадкую штуку. В нашем городе печатается бюллетень, извещающий о судебных заседаниях и финансовых издержках, «Ежедневный вестник», и, помимо объявлений о разводах и всяких других жизненно важных событиях, он печатает список дел по банкротствам. И этот мой приятель или группа приятелей решили, что будет здорово извлечь мое имя из юдоли печали и осветить в прессе на основе статьи седьмой, связанной с заявлениями о банкротстве, этакий лакомый кусочек свежих новостей на угощение всему нашему юридическому колледжу. Извещение гласило: «Бейлор, Руди Л., студент, имущество, не подлежащее отчуждению, – 1125 долларов. Долги, которые могут быть уплачены: 285 долларов финансовой компании „Уиллс и Дилс“. Долги несостоятельные: 5136 долларов 88 центов. Предстоящие судебные меры: 1) Взыскание долгов в пользу „Тексако“. 2) Выселение из домовладения „Хэмптон“. Работодатель: Не имеется. Поверенный: Pro Se».

«Pro Se» означает, что я не могу нанять адвоката и должен сам себя защищать. Дежурный по библиотеке вручил мне бюллетень, как только я вошел туда сегодня утром, и сказал, что их навалом по всему колледжу и один даже прикреплен к доске объявлений. И добавил: – Интересно знать, кому это может казаться смешным?

Я сказал спасибо и убежал в свой подвальный приют, снова схоронившись между стеллажами, не желая видеть знакомые лица. Скоро занятия кончатся, я уйду из колледжа, от всех этих людей, которых не выношу.

На сегодняшнее утро у меня намечен визит к профессору Смуту. Я приезжаю с опозданием на десять минут. Ему это безразлично. В его кабинете стоит свойственный подобному месту беспорядочный шум, ведь здесь обитает ученый, слишком гениальный, чтобы любить организованность и порядок.

Галстук-бабочка у него на боку, улыбка чистосердечна.

Сначала мы беседуем о Блейках и их споре с «Прекрасным даром». Я вручаю ему трехстраничное резюме дела вместе с моими изобретательными выводами и предполагаемым образом действий. Он внимательно все прочитывает, пока я изучаю маленькие бумажные шарики у него под столом. На Смута материал производит очень большое впечатление, и он твердит это снова и снова. Я советую Блейкам обратиться к адвокату, выступающему на судебных процессах, и начать против «Прекрасного дара жизни» процесс по обману доверия клиентов. Смут полностью согласен. Но как мало он обо всем этом знает.

Мне же от него нужно только одно – проходной балл. Потом мы говорим о мисс Берди Бердсонг. Я рассказываю, что она живет в полном достатке и собирается переделать завещание. Подробности оставляю при себе. Я подаю ему документы на пяти страницах, пересмотренное и последнее по времени завещание мисс Берди, и он бегло его просматривает. Он говорит, что тут все в порядке и нет ничего особенного. Экзамена по проблемам пожилых нет, на эту тему не надо подавать никаких письменных работ. Достаточно прослушать курс,

посещать стариков, подготовить по какой-нибудь теме резюме. И Смут поставит высшую оценку.

Смут знаком с мисс Берди уже несколько лет. Наверное, она давно верховодит в «Кипарисовых садах», и он встречается с ней дважды в год, когда посещает ее со студентами. Она никогда прежде не выражала желания пользоваться бесплатными юридическими консультациями, говорит он, глубоко задумавшись и дергая галстук-бабочку. И добавляет, что удивился, узнав, как она богата. Он бы по-настоящему удивился, узнав, что она будет моей домовладелицей.

Кабинет Макса Левберга за углом от смутовского. Он оставил мне записку у дежурного в библиотеке, где сообщил, что надо повидаться. Макс закончил читать курс и уезжает. Он был преподавателем по обмену из Висконсина, и теперь настало время возвращаться. Наверное, когда мы оба покинем колледж, я буду немного скучать по нему, но сейчас мне трудно представить, что кто-то или что-то связанное с колледжем может вызвать у меня хоть какую-то ностальгию.

Весь его кабинет уставлен картонными коробками из-под спиртного. Он упаковывает вещи, и я в жизни еще не видел такого хаоса. Несколько неловких мгновений мы вспоминаем о былом, и это отчаянная попытка воспринимать колледж как нечто, вызывающее сентиментальное чувство. Но я еще никогда не видел Макса столь подавленным. Такое впечатление, будто он искренне опечален отъездом. Он указывает на папку с бумагами в коробке из-под виски «Дикий индюк».

– Это для тебя. Здесь пачка самых недавних материалов, которые я использовал в процессах по обману доверия клиентов. Возьми. Может пригодиться.

Я еще не кончил просматривать последнюю охапку материалов, которые он уже сбавил мне.

– Спасибо, Макс, – говорю я и смотрю на изображение красного индюка на коробке.

– Ты уже подготовил материалы к суду?

– Э... нет. Еще нет.

– Это необходимо. Найди адвоката в городе с хорошим послужным списком судебных разбирательств. Кого-нибудь, у кого есть опыт в таких делах. Я много думал об этом случае, и он все больше и больше впечатляет. Очень расшевелит присяжных. Я просто вижу, как они с ума сходят от желания похлеще наказать страховую компанию. Кто-то должен заняться этим делом и как следует потрудиться.

Да я и так уже тружусь как черт.

Он вскакивает, словно мячик, со стула и потягивается.

– С какой фирмой ты собираешься делать это дело? – спрашивает он, поднимаясь на носки и растягивая по системе йогов сухожилия на щиколотках. – Потому что для тебя это очень выигрышный случай. И знаешь, о чем я сейчас думаю? Что, если ты заинтересуешь им фирму, где будешь работать, и попросишь их принять его к делопроизводству, а сам сделаешь всю необходимую, самую черновую работу? В твоей фирме обязательно должен найтись адвокат с судебным опытом, можешь мне позвонить, если захочешь. Я буду все лето в Детройте работать над грандиозным процессом, направленным против государственных юридических корпораций, но я все равно заинтересован в твоём деле. Хорошо? Я подумываю даже, что процесс может на шуметь, стать вехой в борьбе против страховых компаний, и я был бы рад, если бы тебе удалось заставить этих парней попрыгать.

– А что сделали государственные юридические корпорации? – спрашиваю я, чтобы отвлечь его мысли от якобы моей фирмы.

Он расплывается в широкой улыбке, сцепляет руки на макушке, он словно не верит самому себе – вот какое это грандиозное дело.

– Невероятно, – отвечает он и пускается в длинное, витиеватое объяснение этого замечательного дела. Я жалею, что спросил.

Из своего пока еще ограниченного опыта общения с юристами я уже знаю, что все они имеют одну и ту же отвратительную привычку – рассказывать разные истории о своих боевых действиях. А если они связаны с громким судебным процессом, то обязательно стремятся выложить все подробности. Если у них на руках какое-то интересное выгодное дело, которое их обогатит, они чувствуют потребность обсудить его с такими же умниками, как они сами. Макс уже спать не может, он страдает бессонницей, рисуя в воображении картины будущего разорения государственных юридических корпораций.

– Но как бы то ни было, – говорит он, снова возвращаясь к реальности, – я, очевидно, смогу быть тебе полезным в твоём деле. Я не приеду сюда следующей осенью, но мой телефон и адрес в коробке. Позвони, если я понадобится.

Я поднимаю коробку с «Диким индюком». Она тяжелая, и дно у нее провисает.

– Спасибо, – благодарю я, глядя на него. – Я очень ценю ваше отношение.

– Я бы хотел помочь тебе, Руди. Нет ничего приятнее, чем пригвоздить страховую компанию. Поверь мне.

– Я постараюсь изо всех сил. Спасибо.

Звонит телефон, и он бросается на него в атаку. Я выскальзываю из кабинета со своей тяжкой ношей.

Мы с мисс Берди заключили странный договор. Она не очень опытный коммерсант и, по-видимому, не нуждается в деньгах.

Я уговорил ее снизить арендную плату до ста пятидесяти долларов в месяц, включая пользование удобствами. Она также выделила мне столько мебели, что можно обставить четыре комнаты.

В придачу к арендной плате она получает от меня клятвенное заверение, что я буду помогать ей в различных работах на участке, но преимущественно на лужайке и в саду. Я буду стричь траву, и таким образом она сэкономит тридцать долларов в неделю. Я буду подстригать кустарник и сгребать листья, одним словом, все как полагается. Был также какой-то туманный и незаконченный разговор насчет прополки сорняков, но я не принял его всерьез.

Для меня это выгодная сделка, и я горжусь своими деловыми качествами. Квартира стоит по крайней мере триста пятьдесят, так что я сэкономил двести чистыми. Я воображаю, что смогу работать на участке по пять часов в неделю, всего двадцать в месяц. Нет, неплохая сделка, учитывая мои обстоятельства. А кроме того, после трех лет, прожитых, по сути дела, в библиотеке, мне нужен свежий воздух и физическая работа. Никто не узнает, что я еще и садовник. И еще одно – я буду поблизости от своей клиентки, мисс Берди.

Соглашение наше устное, возобновляемое каждый месяц, так что, если из этого ничего не выйдет, я перееду.

Не так давно я ходил смотреть разные неплохие квартирки, подходящие для начинающего, но перспективного адвоката. Хозяева хотели по семьсот долларов за квартиру из двух спален меньше сотни квадратных метров. И я был готов платить с дорогой душой. Однако жребий переменялся.

И вот я въезжаю в довольно спартанское обиталище, построенное и отделанное мисс Берди, а потом, десять лет назад, позабытое ею. Это скромная берлога с оранжевым ковром, мебельной обивкой в тон и бледно-зелеными стенами. Здесь есть спальня, маленькая кухня с достаточным оборудованием и отделенной от нее небольшой нишей – столовой. Потолок сводчатый, что придает моему чердаку какой-то клаустрофобический вид.

Но для меня это то, что надо. Если мисс Берди будет соблюдать дистанцию, все устроится наилучшим образом. Она заставила меня пообещать, что я не буду устраивать шумных вечеринок, запускать громко музыку, приводить распущенных женщин, не стану выпивать,

курить наркотики, заводить собак или кошек. Она сама все вычистила и выскребла, и полы, и стены, и выбросила столько хлама, сколько могла. И буквально липла ко мне, когда я втаскивал по лестнице мои скудные пожитки. Уверен, что ей было меня жалко.

Как только я поднял наверх последнюю коробку, но еще ничего не успел распаковать, она настояла, чтобы мы выпили во внутреннем дворике по чашке кофе.

Мы сидели в патио всего, наверное, минут десять, и я только-только перестал потеть, когда она объявила, что сейчас самое время сообща ударить по цветочным клумбам. Я выпахивал сорняки, пока спину не заломило. Она же несколько минут была очень деятельным помощником, а потом предпочла стоять, наблюдать и давать указания.

Я могу отвертеться от работы в саду и во дворе, только укрывшись в безопасности в «Йогисе». Я должен обслуживать бар до закрытия, примерно до часу ночи.

Сегодня у нас полно народу, и, к немалому моему беспокойству, здесь и шайка моих сокурсников, расположившихся в переднем углу за двумя длинными столами. Это последняя встреча одного из многих братств студентов-юристов, куда я не допущен. Оно называется «Барристеры» и состоит из пишущих в «Юридическое обозрение» важных персон, которые воспринимают себя чересчур всерьез. Они стараются блюсти таинственность и эксклюзивность, у них свой ритуал вступления, когда они поют какие-то непонятные латинские вирши и делают прочие такие же глупости. Почти все собираются работать в больших фирмах или на федеральной юридической службе, все приняты в отделение налоговой службы при Нью-Йоркском университете. Это группка задавак и воображал.

Они быстро напиваются по мере того, как я таскаю им пиво кружку за кружкой. Самый крикливый из них – маленький, юркий, как белка, Джекоб Стейплс, многообещающий молодой адвокат, который три года назад, поступив в колледж, уже владел искусством грязного трюкачества.

Стейплс изобрел такое количество способов обмана и мошенничества, как никто другой за всю историю колледжа. Он ухитрялся обманом сдавать экзамены, крал учебники, идеи и тезисы у всех нас, врал преподавателям, чтобы подольше не сдавать зачетные работы и резюме. И скоро он будет делать миллионы баксов; подозреваю, что Стейплс один из тех, кто скопировал извещение обо мне в «Ежедневном вестнике» и размножил его по колледжу. Это как раз в его духе.

Хотя я стараюсь не обращать на них внимания, все же время от времени ловлю на себе случайный взгляд. И несколько раз слышу слово «банкротство».

Но я занимаюсь своим делом, иногда потягивая пиво из кофейной кружки. Принс сидит в противоположном углу, смотрит телевизор, одновременно настороженно поглядывая на «Барристеров». Сегодня Принс смотрит собачьи гонки по шоссе во Флориде и делает ставки на каждый забег. Нынче с ним играет и пьет за компанию его адвокат Брюзер Стоун, невероятно толстый и широкоплечий мужчина с длинными густыми седыми волосами и обмякшей козлиной бородкой. Он весит по крайней мере 350 фунтов, и вместе они напоминают двух медведей, жующих арахис.

Брюзер Стоун – адвокат с очень сомнительной репутацией.

Они с Принсом давно знакомы, вместе окончили среднюю школу в южном Мемфисе и сообща сварганили немало темных делишек. Когда никого нет рядом, они считают свои денежки. Они дают взятки политикам и полицейским. Принс у них нападающий, а Брюзер мыслитель. И когда Принс попадаетсся, Брюзер на первых полосах газет вопит о том, что в обществе творится несправедливость. Брюзер пользуется большим влиянием в залах суда, прежде всего потому, что известен своей щедростью по отношению к присяжным. Поэтому Принс не боится осуждающих вердиктов.

В фирме Брюзера работают четыре или пять адвокатов. Представить не могу, в каких глубинах отчаяния я должен оказаться, чтобы попросить у него работу. Не могу вообра-

зитель ничего хуже, чем говорить, что я работаю на Брюзера Стоуна. Но Принс может мне это устроить. Он бы с удовольствием оказал мне протекцию, только чтобы показать, какая у него сильная рука.

Однако не могу поверить, что когда-нибудь даже в мыслях я этого пожелаю.

Глава 10

Под давлением нашей четверки Смут смягчается и говорит, что мы можем вернуться в «Кипарисовые сады» самостоятельно и независимо, каждый от себя, а не как группа, которая должна промучиться еще за одним ленчем. Однажды мы с Букером незаметно проскальзываем в «Сады», когда исполняется «Америка прекрасна», и сидим в заднем ряду, пока мисс Берди ведет назидательную беседу о витаминах и подвижном образе жизни. Наконец она замечает нас и настоятельно требует, чтобы мы вышли на сцену и официально представились.

После того как программа дня заканчивается, Букер пробирается в дальний уголок для встречи со своими клиентами и дает им совет, не предназначенный для посторонних ушей. Так как я уже встречался с Дот, а с мисс Берди мы провели немало часов в ожесточенной схватке над ее завещанием, мне не так уж много предстоит сделать. Мистер де Вейн Дьюиси, мой третий клиент во время прошлой встречи, попал в больницу, и я послал по почте совершенно сейчас бесполезное заключение и мои предложения, как ему помочь в его маленькой персональной войне с ветеранской администрацией.

Завещание мисс Берди не закончено и не подписано. В последнее время она очень нервничает, когда о нем заходит речь. Я не уверен, что она хочет его изменить. Она говорит, что давно ничего не слышно от почтенного Кеннета Чэндлера, так что, может быть, она и не оставит ему состояние. Я, конечно, стараюсь поддерживать такое настроение.

У нас уже были кое-какие разговоры насчет ее денег.

Ей нравится выждать момент, пока я не зароюсь по самую задницу в палую листву или чернозем для горшков с рассадой, и с меня пот не потечет ручьями, и я весь не выпачкаюсь в земле, и вот тогда, нависая надо мной, она задает какой-нибудь сногшибательный вопрос вроде: «А сможет жена Делберта оспорить мое завещание, если я ему ничего не оставлю?» – или: «А почему я не могу отдать деньги прямо сейчас, и дело с концом?»

Я останавливаюсь, поднимаюсь от земли или цветов, вытираю лицо и пытаюсь придумать интеллигентный ответ.

Обычно к этому моменту она уже думает о другом и меняет тему разговора, желая знать, почему азалии, вон там, не растут.

Я несколько раз заводил разговор о завещании во время кофепития во внутреннем дворе, но она начинает нервничать и раздражаться. У нее наличествует здоровая подозрительность в отношении адвокатов.

Я проверил несколько фактов. Она действительно была замужем за мистером Энтони Мердайном. Их брак длился почти пять лет, пока он не умер в Атланте четыре года назад. Очевидно, мистер Мердайн оставил внушительное состояние, когда удалился в мир иной, и, очевидно, это вызвало большие разногласия. По этой причине суд округа Де-Калб, Джорджия, постановил хранить дело запечатанным в сейфе. Вот что я пока успел узнать. И теперь собираюсь переговорить с адвокатами, завязанными на этом деле.

Сейчас мисс Берди желает обратиться к собравшимся. Это дает ей ощущение собственной значимости в глазах ее паствы. Мы сидим за столиком около рояля в отдалении от других. Мы близко притиснулись друг к другу, почти касаемся головами, можно подумать, что мы не виделись целый месяц.

– Я хочу знать, что мне делать с вашим завещанием, мисс Берди? – спрашиваю я. – И прежде чем я его как следует набросаю вчерне, мне надо представлять, хоть приблизительно, сколько у вас денег.

Она постреливает вокруг глазами, словно все прислушиваются к нашему разговору. На самом деле большая часть этих несчастных нас не смогла бы услышать, даже если бы мы кричали. Она низко наклоняется и закрывает рот рукой.

– Ладно. Денег, вложенных в недвижимость, нет. Они все на денежном рынке, в трастах и муниципальных акциях.

Я удивляюсь, слыша, как она сыплет перечислением своих инвестиций с такой явной легкостью и знанием дела. Наверное, действительно деньги там.

– А кто распоряжается инвестициями? – Мой вопрос не обязателен. Для завещания и ее состояния не важно, кто распоряжается деньгами. Но любопытство меня просто съедает.

– Одна фирма в Атланте.

– Юридическая фирма?

– О нет. Я бы адвокатам свое состояние не доверила. Трастовая компания. Все деньги в трасте. Я получаю пожизненный доход, а затем все отчуждается. Так распорядился судья.

– А большой у вас доход? – спрашиваю я, совершенно потеряв над собой контроль.

– Ну, Руди, это уж вас никак не касается, а?

Нет, не касается. Меня стукнули по рукам, но в лучших юридических традициях я пытаюсь выйти с честью из щекотливого положения.

– Но ведь это может оказаться важным, понимаете? В связи с налогами.

– Но я не прошу вас платить мои налоги. Для этого у меня есть бухгалтер, я просто попросила вас переписать мое завещание, и, честное слово, это, видно, вам не по силам.

Боско подходит к другому концу стола и ухмыляется. У него почти нет зубов. Мисс Берди вежливо просит его пойти поиграть несколько минут в индийское лото. Она удивительно добра и мягка с этими людьми.

– Я подготовлю ваше завещание в любом варианте, мисс Берди, – отвечаю я строго, – но вы сами должны на что-то решиться.

Она выпрямляется, драматически вздыхает, щелкая зубными протезами.

– Дайте-ка все обдумать.

– Прекрасно. Но, пожалуйста, помните: в вашем теперешнем завещании есть много такого, что вам не нравится. И если с вами что-нибудь случится, тогда...

– Знаю, знаю, – перебивает она меня и никак не может найти положения рукам. – Не читайте мне лекций. За последние двадцать лет я составила двадцать завещаний. И знаю о них все.

Боско идет на кухню и начинает плакать, а она спешит его утешить. Букер заканчивает консультацию из милости. Его последний клиент – тот старик, с которым он потратил столько времени в прошлый наш приезд. Очевидно, старикан не слишком обрадован теми заключениями, к которым пришел Букер, пытаясь разобраться, что тот натворил, и я слышу, как Букер говорит, уже готовясь уйти:

– Послушайте, но ведь я вас консультировал бесплатно. Что вам еще нужно?

Мы свидетельствуем свое почтение мисс Берди и быстро уходим. Проблемы пожилых для нас уже в прошлом. Через несколько дней занятия в колледже окончатся.

Три года ненависти к нему, и вдруг мы ощущаем себя на свободе. Я слышал, как один адвокат говорил кому-то, что потребуется несколько лет, чтобы воспоминания о всех тяготах и обидах, пережитых в колледже, потускнели, и, как это бывает с большинством событий в жизни, помнишь уже только хорошее. Но он казался здорово печальным, когда предавался воспоминаниям о минувших славных днях юридического образования.

Однако я что-то не могу выудить из памяти хоть один такой момент моей жизни, когда я оглянулся бы на прошедшие три года и сказал, что в конечном счете они были приятны. Возможно, однажды я смогу накопать несколько мелких светлых воспоминаний о том, как проводил время с друзьями, пускался в загулы с Букером, о том, как работал в баре «Йогис»,

и о других делах и событиях, которые сейчас никак не приходят на память. Я уверен, что мы с Букером когда-нибудь со смехом вспомним об этих славных стариканах в «Кипарисовых садах» и о доверии, которое они к нам питали.

Вот будет, наверное, забавно.

Я предлагаю пойти выпить пивка в «Йогис». Я угощаю. Уже два часа, и пошел дождь, самое подходящее время, чтобы сесть дружно за столик и пустить на ветер несколько часов. Может быть, это наша последняя возможность вот так, свободно, посидеть.

Букеру очень хочется пойти, но ему надо быть в офисе через час. Марвин Шэнкл поручил ему подготовить краткое заключение по делу, которое будет слушаться в суде в ближайший понедельник. И Букеру предстоит весь уик-энд провести в библиотеке.

Сам Шэнкл работает все семь дней в неделю. Его фирма первая начала заниматься в Мемфисе делами по гражданским правам, и сейчас он пожинает богатые плоды. Есть у него двадцать два адвоката, все негры, половина из них женщины, и все стараются придерживаться жестких рабочих рамок, требуемых Марвином Шэнклом. Секретарши работают посменно, так что в течение суток по крайней мере с тремя из них можно легко связаться по телефону. Букер боготворит Шэнкла, и я знаю, что через несколько недель он тоже станет работать по воскресеньям.

Я чувствую себя как грабитель банка, который ездит по пригородам и высматривает тот, на который легче всего напасть. Я нахожу искомую фирму в современном бетонно-стеклянном четырехэтажном здании. Она расположена в восточной части Мемфиса на деловой улице, бегущей на запад, к центру города и к реке. Здесь завершается мой разбойный набег.

В фирме работают четыре адвоката, все не старше тридцати пяти и все выпускники Мемфисского университета. Я слышал, что они все дружили в юридическом колледже, все по окончании пошли работать в крупные фирмы, всем не понравилось давление, которое на них оказывалось, и вот они снова объединились и занимаются теперь более спокойной практикой. Я видел их объявление на желтых страницах рекламного журнала, объявление на целую страницу, которое, по слухам, обходится по четыре тысячи долларов в месяц. В сфере их интересов все, от разводов до дел по недвижимости, и, конечно, самый весомый пункт в объявлении сообщает, что они занимаются случаями нанесения морального и телесного ущерба.

Независимо от того, на чем конкретно специализируется адвокат, скорее чаще, чем реже, он или она объявляет о своем большом опыте по ведению дел о моральном или физическом ущербе, нанесенном личности, потому что для огромного большинства юристов, у которых нет клиентов и которые могут давать объявления, единственная надежда заработать сколько-нибудь значительные деньги – это представить в суд иск от лиц, получивших увечья, или выступить в защиту прав погибших. Это легкие деньги. Найдите только парня, имеющего страховку и получившего увечье при автомобильной аварии, в которой виноват другой водитель. Потерпевший попадает на неделю в больницу со сломанной ногой и теряет на этом недельное жалованье. Если адвокат сумеет добраться до него раньше страхового агента, которому поручено уладить дело полюбовно, тогда он может подать иск на возмещение ущерба в пятьдесят тысяч долларов. И тогда адвокат некоторое время роется в бумагах и документах, и чаще всего ему не приходится класть дело на полку и забывать о преследовании по суду. Он тратит на дело максимум часов тридцать, а берет гонорар примерно в пятнадцать тысяч. То есть по пять сотен за каждый час работы.

Замечательная работа, если повезет. Вот почему почти каждый адвокат в городе Мемфисе помещает объявления на желтых рекламных страницах и криком кричит, предлагая свои услуги потерпевшим. И не требуется никакого опыта в судопроизводстве, потому что в девяноста девяти случаях из ста дело со страховой компанией улаживается полюбовно,

без судебного преследования. Вся штука заключается в том, чтобы только поставить дело в очередь на слушание в суде.

Но мне безразлично, что и как они рекламируют. Меня беспокоит сейчас только одно – как уговорить их принять меня на работу. Несколько минут я сижу в машине и смотрю, как дождь барабанит в ветровое стекло. Я бы скорее предпочел, чтобы меня отстегали кнутом, чем сейчас идти в контору, любезно улыбаться секретарше, тараторить, как уличный торговец-зазывала, и, пустив в ход только что придуманную уловку, проскользнуть мимо нее и повидать кого-нибудь из ее боссов.

И я не могу сейчас представить, что решусь на все это.

Глава 11

Я уклоняюсь от присутствия на выпускной церемонии под предлогом собеседований, которые мне назначили в нескольких юридических конторах, многообещающие собеседования, заверяю я Букера, но ему известна правда. Букер знает, что я просто-напросто стучусь в разные двери и всюду оставляю анкеты.

Букеру, единственному из всех, не безразлично, надену ли я шапочку и мантию и приму участие в церемонии или нет.

И он разочарован, что я уклоняюсь от нее.

Мать и Хэнк где-то в штате Мэн, в туристическом лагере, живут в палатке, любуясь, как распускается листва. Я разговаривал с матерью по телефону месяц назад, и она понятия не имеет, когда я окончу колледж.

Слышал, что выпускная церемония скучная: очень много речей разных старых судей, которые умоляют выпускников любить закон и относиться к своей профессии как к самой почетной, ублажать ее, как ревнивую возлюбленную, и возрождать снова и снова идею столь прекрасную и вознесенную на высоту предшествующими поколениями. И так *ad nauseum*.² Да нет, я лучше посижу в «Йогисе» и посмотрю, как Принс делает ставки на гонках козлов.

Букер будет присутствовать со всей семьей. Чарлин захватит и ребятишек. Придут также его родители, ее родители, несколько дедушек и бабушек, тетушки, дядюшки и племянники. Кейновский клан явится в полном своем составе. Будет много слез и фотографий. Букер первый в семье оканчивает университет, и тот факт, что он выпускник именно юридического колледжа – предмет неимоверной гордости родственников. Я чувствую искушение спрятаться в толпе, только бы посмотреть на его родителей, когда он станет получать диплом. Я бы, наверное, заплакал с ним за компанию.

Не знаю, будет ли присутствовать на торжественной церемонии семья Сары Плэнкмор. Мне даже представить себе нестерпимо, как она станет улыбаться перед камерой под ручку с женихом, Тоддом Уилкоксом, и как он примется ее обнимать. Сара наденет пышное платье, так что нельзя будет разглядеть, с животом она или без. А я обязательно стал бы смотреть на нее. Как бы я ни старался, мне ни за что не удастся отвести глаза от середины ее туловища.

Так что самое лучшее, если я не пойду на заключительную церемонию. Маделейн Скиннер по секрету сказала мне пару дней назад, что все остальные нашли хоть какую-то работу. Многие получили меньше, чем рассчитывали. По крайней мере пятнадцать человек сами позаботились о себе, пооткрывали собственные конторы и объявили о готовности оказывать услуги по судебному преследованию. Они взяли деньги взаймы у родителей или богатых дядюшек и сняли комнатенки с дешевой мебелью. У Маделейн все на учете. Она знает, кто, где и куда пристроился, и выше моих сил сидеть в черной шапочке и мантии со ста двадцатью другими выпускниками, которые все знают, что я, Руди Бейлор, единственный безработный на курсе. С тем же успехом я мог бы облачиться в розовый халат и голубой колпак. Ладно, наплевать и забыть!

И я забрал свой диплом вчера.

Заключительный акт начинается в два часа дня, и точно в это время я вхожу в здание юридической фирмы Джонатана Лейка. Сейчас я дам повторный спектакль. Прошлый раз я пришел сюда месяц назад и робко протянул секретарше анкету. На этот раз все будет по-другому. Теперь у меня есть план.

Я немного поработал над историей лейковской фирмы – она известна под таким названием, – проделал такую небольшую исследовательскую работу. Ввиду того что мистер

² До тошноты (*лат.*).

Лейк не очень склонен с кем-то делить свое состояние, партнеров у него нет, он в фирме единственный хозяин. На него трудятся двенадцать адвокатов. О семи известно, что у них есть судебный опыт, остальные пять занимаются самой разнообразной работой. Первые семь очень поднаторели в судебных сражениях. У каждого из семерки есть свой секретарь, помощник, и даже у каждого помощника есть секретарь. И таким образом, они составляют как бы несколько групп для работы в суде. Каждая группа действует самостоятельно и независимо от других, а сам Джонатан Лейк лишь иногда выступает как нападающий. Он отбирает себе дела по вкусу, особенно те, у которых самые большие шансы на получение крупных сумм по вердикту. Он любит преследовать врачей-акушеров за осложнения при родах, в случаях скверных последствий для младенцев, а недавно сделал себе целое состояние на асбестовом деле.

Каждый адвокат, занимающийся судопроизводством, сам распоряжается своим штатом, он может нанимать и выгонять служащих и несет ответственность за количество новых выгодных дел. Я слышал, что почти восемьдесят процентов всего их бизнеса основывается на сведениях, поступающих от других, не работающих у них адвокатов и от наемных агентов, занимающихся проблемами недвижимого имущества, которые случайно наткнулись на пострадавшего клиента. Заработок такого адвоката зависит от нескольких факторов, в частности, от того, сколько он обеспечит фирме новых выгодных казусов.

Барри Экс Ланкастер – восходящая звезда на небосклоне фирмы, недавно назначенный на должность судебного адвоката, который подловил не одного доктора в Арканзасе и заработал два миллиона под прошлое Рождество. Ему тридцать четыре года, он в разводе, живет в своем рабочем кабинете и изучал юриспруденцию в Мемфисском университете.

Вот что мне удалось о нем узнать. Он также дал объявление в «Ежедневном вестнике», что ищет помощника. Если я не могу начать работу в качестве адвоката, то, наверное, нет ничего зазорного в том, чтобы стать помощником? Об этом станут в будущем рассказывать, когда я добьюсь успеха и создам свою собственную крупную фирму: «Юный Руди не мог найти работу, так что он вышел на орбиту как помощник на подхвате в фирме Джонатана Лейка. А теперь вы только посмотрите на него».

Моя встреча с Барри Экс Ланкастером назначена ровно на два часа дня. Секретарша уже второй раз записывает меня в книгу посетителей, но как бы не замечает этого. Я сомневаюсь, что она запомнила меня с первого моего прихода. С тех пор тысяча людей здесь побывала. Я заслоняюсь журналом, сидя на кожаном диване, восхищаюсь персидскими коврами, дубовым паркетом и двадцатидюймовым деревянным карнизом. Офис расположен в здании старого склада в том районе Мемфиса, где живет много врачей, где много клиник и больниц. По слухам, Лейк истратил три миллиона долларов на переделку и украшение по собственному вкусу монументального здания. Я уже читал об этом в подробных статьях в двух журналах. Через несколько минут секретарша ведет меня через несколько просторных помещений и коридоров в кабинет, расположенный на верхнем уровне. Внизу я вижу библиотеку, здесь нет стен и закоулков, просто ряды книжных полок на открытой площадке. Какой-то одинокий ученый червь сидит за длинным столом, обложившись толстыми томами, погруженный в анализ противоречивых теорий и заключений.

Кабинет Барри Экса длинный и узкий, с кирпичными стенами и скрипучими половицами, украшен разными антикварными штучками и необходимыми для комфорта предметами. Мы обмениваемся рукопожатием и садимся.

Он худощав, в хорошей форме, и я вспоминаю фотографии гимнастического зала, который мистер Лейк устроил в здании фирмы. Они были напечатаны в журнале. Есть у них и сауна с парилкой.

Барри чрезвычайно занятой человек, которому очень нужно поскорее обсудить со своей группой стратегию дальнейших действий в подготовке к очень важному судебному

процессу. Его телефон так расположен, что я могу видеть яростные вспышки непрерывных световых сигналов. Руки у него спокойны и неподвижны, но он не может удержаться от того, чтобы все время не поглядывать на часы.

– Расскажите о вашем деле, – предлагает он после краткого обмена приветствиями.

– Оно касается отказа платить по страховому заявлению.

Он уже смотрит на меня с подозрением, потому что на мне пиджак и галстук и я не похож на обычного клиента.

– Ну, я, в сущности, ищу работу в вашей фирме, – заявляю я нагло. В конце концов он просто может выставить меня, и я ничего не потеряю.

Барри строит гримасу и хватает листок бумаги. Опять чертова секретарша недосмотрела.

– Я видел ваше объявление в «Ежедневном вестнике».

– Так вы хотите быть помощником адвоката? – отрывисто спрашивает он.

– Я мог бы им быть.

– Что это означает?

– Я три года проучился в юридическом колледже.

Пять секунд он бросает на меня изучающий взгляд, а затем качает головой и смотрит на часы.

– Но я действительно сейчас занят. Моя секретарша возьмет ваше заявление.

Внезапно я вскакиваю и наклоняюсь к его столу.

– Послушайте, у меня есть деловое предложение, – произношу я драматическим голосом, и он удивленно устремляет взгляд вверх. Я стремительно повторяю ему свое обычное повествование о том, что я талантлив, вдохновлен высокими целями и занимаю высокое место по оценкам в первой трети курса и что меня приглашали работать в «Броднэкс и Спир». И как я потерпел крушение. Я изрыгаю огонь из всех стволов. И как меня подставила «Тинли Бритт», и как я ненавижу все большие фирмы. А мой труд стоит дешево. Я согласен на все, лишь бы трудиться, положить начало. Мне работа действительно необходима, мистер, тарахчу я без передышки минуту или две и снова сажусь на место.

Некоторое время он пребывает в замешательстве, кусая ноготь. Не могу понять, злится он или, наоборот, восхищается.

– Понимаете, что меня возмущает? – наконец говорит он тоном, довольно далеким от восхищения.

– Да, то, что такие, как я, осаждают таких, как вы, и после отказа возвращаются снова и опять закидывают удочку насчет работы. Вот это вас и возмущает. И я вас не осуждаю. Я бы тоже возмущался, но потом, знаете, я бы успокоился. Я бы сказал себе: послушай, ведь этот парень скоро станет адвокатом, но вместо того чтобы платить ему сорок тысяч, я могу нанять его сейчас на черновую работу, скажем, за двадцать четыре.

– Двадцать одну.

– Беру, – отвечаю я. – За двадцать одну тысячу я начну завтра же. И обещаю, что поработаю год независимо от того, получу я лицензию или нет. И без отпуска. Даю слово. Я подпишу договор сейчас же.

– Но мы требуем от поступающих на должность помощника пятилетний стаж работы. У нас очень сильный штат.

– Я быстро всему научусь, прошлым летом я служил в одной адвокатской фирме в городе. И занимался только судебными процессами.

Есть во всем происходящем какая-то несправедливость, и он как раз сейчас это понял. Я вошел к нему с полным зарядом и загнал его в кусты. Совершенно ясно, что я уже разыгрывал такую сцену не однажды, потому что немедленно нахожу ответы на все его вопросы.

Но я ему не очень сочувствую. Он всегда может вышвырнуть меня вон.

– Однако я управляю делами с ведома мистера Лейка, – говорит он, немного поддаваясь. – А у него довольно строгие правила насчет персонала. Я не уполномочен принимать на должность помощника человека, который не соответствует нашим спецификациям.

– Разумеется, – соглашаюсь я печально. Опять мне дали по физиономии. У меня в этом уже большой опыт. Хотя я знаю, что юристы при всей своей занятости в глубине души часто испытывают невольную симпатию к только что окончившим учебу новичкам, которые не могут найти работу.

– Но, может быть, он согласится, и тогда это место за вами, – говорит Барри Экс, чтобы подсластить пилюлю.

– Но у меня есть еще кое-что, – добавляю я, собравшись с духом. – У меня есть очень выгодное дело.

Но мои слова обостряют его подозрительность.

– Какого рода дело? – спрашивает он.

– Нарушение доверия клиентов со стороны страховой компании.

– Клиент вы?

– Вот и нет. Я адвокат. Я в некотором роде просто наткнулся на него.

– А сколько оно стоит?

Я подаю ему двухстраничное заключение по делу Блейков, сильно акцентированное и драматизированное. Я работал над этим заключением довольно долго, стараясь сделать его проникновеннее каждый раз, когда очередной юрист, к которому я приходил наниматься, знакомился с ним и отказывал мне.

Барри Экс внимательно читает дело, гораздо сосредоточеннее, чем кто-либо до него. А затем перечитывает, в то время как я с восторгом обзираю старинные кирпичные стены и мечтаю тоже обзавестись таким кабинетом.

– Неплохо, – говорит он, закончив. Глаза у него блестят, и мне кажется, что он взволнован больше, чем хочет показать. – Дайте подумать. Вы хотите получить работу и участие в этом деле?

– Вот и нет. Только работу, дело будет ваше. Я хотел бы только чем-то помогать, мне необходимо сохранить отношения с клиентом. Но гонорар ваш.

– Часть гонорара. Мистер Лейк получит большую долю, – сообщает он усмехаясь.

Это их дело. Мне действительно все равно, как они поделят барыши. Я хочу получить только работу. Мысль о работе на Джонатана Лейка в такой роскошной обстановке вызывает у меня головокружение.

Мисс Берди я решаю придержать для себя. Как клиентка она не так привлекательна, потому что ничего не тратит на адвокатов. Она, очевидно, доживет до ста двадцати лет, так что нет смысла использовать ее как козырную карту. Я уверен, здесь найдутся в высшей степени искусные юристы, которые знают множество способов, как заставить ее раскошиться, но фирме Лейка подобные дела не импонируют. Эти парни любят судиться. Им неинтересно писать черновики и удостоверять наличие наследства и прав на него.

Я снова поднимаюсь. Я уже достаточно много времени отнял у Барри.

– Послушайте, – говорю я самым искренним тоном, – я знаю, что вы занятой человек. Я обращаюсь к вам на совершенно твердых основаниях. Вы можете навести справки обо мне в юридическом колледже. Позвоните, если хотите, Маделейн Скиннер.

– Безумной Маделейн? Она все еще там?

– Да, и сейчас она мой самый лучший друг. Она может поклясться, что со мной все в порядке.

– Разумеется. Я свяжусь с вами опять, как только будет возможно.

– Да, конечно, свяжетесь.

Я дважды заблудился, пытаюсь найти выход. Никто за мной не следит, так что я не тороплюсь и восторгаюсь пространными кабинетами, рассеянными по всему зданию. В какой-то момент я останавливаюсь около библиотеки и смотрю на трехъярусные стеллажи и узкие проходы между ними. Нет ни одного помещения, даже отдаленно похожего на остальные. Здесь несколько конференц-залов. Секретарши, клерки и служители не спеша передвигаются по сногшибательно блестящим полам.

Я стал бы здесь работать за гораздо меньшую сумму, чем двадцать одна тысяча долларов в год.

Я тихонько паркуюсь позади длинного «кадиллака» и беззвучно вылезаю из машины. Я не в настроении разговаривать. Неслышно огибаю дом и лицезрею высокую грудку белых пластиковых мешков. Их десятки. Здесь, наверное, миллиарды перепревших сосновых иголок. Каждый мешок весит по сотне фунтов. И теперь я припоминаю, что мисс Берди несколько дней назад говорила насчет мульчирования иголками всех цветочных клумб, но я не обратил тогда на ее слова внимания.

Я бросаюсь в свою квартиренку по ступенькам и уже заносу ногу на верхнюю, когда слышу, как она зовет:

– Руди, Руди, дорогой, у меня есть кофе. – Она стоит у груды мешков, возвышаясь как монумент, и широко улыбается, так что видны все ее серо-желтые зубы. Она просто счастлива, что я уже дома. Почти стемнело, а она любит попить кофейку на закате солнца.

– Да, конечно, – отвечаю я, вешая пиджак на поручень и срывая с шеи галстук.

– Как дела, дорогой? – нараспев спрашивает она, глядя снизу вверх.

Она уже неделю как начала твердить мне «дорогой». «Сделайте это, дорогой, сделайте то».

– Очень хорошо. Устал только. Спина беспокоит. – Я уже несколько дней делаю намеки насчет больной спины, а она до сих пор не клюнула.

Я сажусь на свой обычный стул, пока она растирает ужасную смесь растворимого кофе с кипятком. Уже конец дня, длинные тени ложатся на заднюю лужайку. Я считаю мешки с иголками. Восемь в длину, четыре в ширину и восемь в высоту. Всего двести пятьдесят шесть мешков. По сто фунтов каждый. То есть всего 25 600 фунтов иголок. Которые надо разбросать. Мне одному.

Мы потягиваем кофе, я очень маленькими глотками, а она желает знать все, чем я сегодня занимался. Я вру, что разговаривал с несколькими о некоторых судебных делах, а затем готовился к экзаменам на адвоката. И то же самое мне предстоит завтра. Занят, очень занят, понимаете, всякой этой юридической тягомотиной. Из этого следует, что мне совершенно некогда перетаскивать тонну иголок с места на место.

Мы сидим чуть ли не лицом к белым мешкам, но не хотим на них смотреть. И я избегаю ее взгляда.

– А когда вы начнете работать адвокатом? – спрашивает мисс Берди.

– Точно сказать не могу, – отвечаю я, потом уже в десятый раз объясняю, как несколько ближайших недель буду очень усердно работать в библиотеке, просто похороню себя в книгах и надеюсь, что тогда выдержу экзамен. Я не могу заниматься практикой, пока не сдам экзамена и не получу лицензию.

– Как прекрасно, – замечает она и на минуту отдается на волю волн, то есть течению своих мыслей. – Мы обязательно должны начать с иголками, – прибавляет она и кивает, выкатывая глаза и глядя теперь на мешки.

Я с минуту молчу, но потом замечаю:

– А здесь их много.

– О, это не страшно, я буду помогать.

Это значит, что она будет указывать лопатой, где и как рассыпать иголки, и безостановочно при этом болтать.

– Ну, может, начнем завтра. Сегодня уже поздно, и у меня был очень тяжелый день.

Она секунду обдумывает услышанное.

– А я надеялась, что мы сможем начать уже сегодня, – отвечает она. – Я вам помогу.

– Но я еще не обедал, – возражаю я.

– А я сделаю вам сэндвич, – поспешно предлагает она.

Сэндвич в исполнении мисс Берди – это прозрачный ломтик консервированной индейки между двумя тоненькими кусочками обезжиренного белого хлеба. И ни капли горчицы или майонеза. И конечно, даже в мыслях нет добавить листик салата или ломтик сыра. Мне нужно по крайней мере четыре таких сэндвича, чтобы слегка унять голодные спазмы в желудке.

Мисс Берди встает и спешит в кухню, потому что звонит телефон. Отдельная линия ко мне еще не проведена, хотя она обещает это сделать уже две недели. Сейчас у меня, правда, есть параллельный телефон, но это значит, что можно слушать все мои разговоры. Она уже просила меня поменьше разговаривать и чтобы мне пореже звонили, потому что ей всегда нужно иметь безотлагательный доступ к аппарату. Хотя телефон у нее звонит редко.

– Это вас, Руди, – кричит она из кухни, – какой-то адвокат.

Звонит Барри Экс. Он сообщает, что уже переговорил с Джонатаном Лейком обо мне и неплохо кое-что уточнить. И спрашивает, не могу ли я опять к нему приехать, можно сейчас, сию минуту, он будет работать всю ночь, объясняет он. Барри хочет, чтобы я привез все документы и бумаги. Ему надо ознакомиться со всем досконально, с этим делом об обмане доверия клиентов. Пока мы говорим, я смотрю, как мисс Берди очень старательно готовит сэндвич с индейкой. И как раз в тот момент, когда она разрезает его пополам, я вешаю трубку.

– Надо бежать, мисс Берди, – говорю я, задыхаясь от волнения. – Кое-что подворачивается. Должен сейчас же встретиться с этим адвокатом насчет одного крупного дела.

– Но как же...

– Извините. Я начну завтра. – И покидаю ее, а она стоит с половиной сэндвича в каждой руке и с осунувшимся лицом, словно не в состоянии поверить, что я не разделю с ней трапезу.

Барри встречает меня у входной двери, которая уже заперта, хотя в здании еще много работающих. Я иду за ним в его кабинет немного быстрее, чем ходил все эти дни. Я невольно опять восхищаюсь коврами, книжными полками и предметами искусства и думаю, что, наверное, тоже скоро стану частицей всего этого механизма. Я – служащий фирмы Лейка, самого крупного в нашей местности судебного адвоката.

Барри предлагает мне булочку, оставшуюся от обеда.

Говорит, что ест три раза в день, не отходя от рабочего стола. Я припоминаю, что он в разводе, и мне теперь ясно почему. Но мне не до еды.

Он щелкает диктофоном и кладет микрофон поближе ко мне на край стола.

– Мы наш разговор запишем. А завтра моя секретарша его перепечатает. Согласны?

– Конечно, – говорю я. Да я на что угодно согласен.

– Я нанимаю вас на должность своего помощника по судебным делам на двенадцать месяцев. Ваше жалованье – двадцать одна тысяча долларов в год, уплачиваемые в двенадцати равных частях каждый месяц пятнадцатого числа. Вы не будете иметь медицинскую страховку и другие привилегии, пока не проработаете целый год. По истечении двенадцати месяцев мы вновь вернемся к оценке наших отношений и тогда рассмотрим возможность нанять вас как адвоката, а не как помощника.

– Согласен, замечательно.

– У вас будет свой кабинет, и мы как раз сейчас подыскиваем секретаршу. Минимум работы – шестьдесят часов в неделю, начало в восемь и до тех пор, пока это необходимо. Ни один адвокат нашей фирмы не работает меньше шестидесяти часов.

– Нет проблем! – Да я девяносто буду работать. И уж постараюсь держаться подальше от мисс Берди и ее мешков с сосновыми иголками.

Барри тщательно проверяет свои записи.

– И мы будем вместе выступать в качестве консультантов по делу, э... как оно называется?

– Делу Блейков. Блейк *versus*³ «Прекрасного дара жизни».

– О'кей. Мы будем представлять Блейков против страховой компании «Прекрасный дар жизни». Вы станете вести всю необходимую работу с документами, но без гонорара, если таковой будет.

– Порядок.

– О чем еще вы хотели бы условиться? – спрашивает он в микрофон.

– Когда начинать?

– Сейчас, если располагаете временем. И сегодня ночью я хотел бы пройти по всему делу.

– Согласен.

– Есть еще проблемы?

Я с трудом проглатываю комок в горле.

– В начале месяца я подал заявление о банкротстве. Это долгая история.

– Как и всегда, не так ли? Какая статья? Семь? Тринадцать?

– Семь.

– Тогда на заработной плате это не отразится. И еще одно. Вы занимаетесь подготовкой к экзамену в свободное от работы время. О'кей?

– Чудесно.

Барри выключает диктофон и опять предлагает мне булочку. Я снова отклоняю предложение. И следую за ним по винтовой лестнице в маленькую библиотеку.

– Здесь легко заблудиться, – предупреждает он.

– Просто невероятно, – отвечаю я, опять восторгаясь путаницей комнат и переходов.

Мы садимся за стол и раскладываем перед собой содержимое блейковской папки. На Барри производят впечатление мои порядок и организованность. Он интересуется некоторыми документами. Они все у меня под рукой. Он хочет знать даты и имена. Я их выучил наизусть. И со всего снял копии. Одну для него, другая остается у меня.

Итак, есть все, кроме подписанного Блейками контракта на ведение дела. Он, по-видимому, удивлен, и я объясняю, каким путем дело попало мне в руки.

– Нам необходимо иметь подписанный ими контракт, – несколько раз повторяет он.

Я уезжаю после десяти вечера. Еду по городу и вижу в зеркальце заднего обзора свое улыбающееся лицо. Прежде всего я позвоню рано утром Букеру и пораду его хорошими новостями. Затем преподнесу букет цветов Маделейн Скиннер и поблагодарю ее.

Возможно, мое место на должностной лестнице и низкое, но она ведет только вверх. Дайте мне один лишь год, и я буду зарабатывать больше, чем Сара Плэнкмор, и С. Тодд, и Н. Элизабет, и Ф. Франклин, и сто других задниц, от которых я прятался весь прошлый месяц. Дайте мне только некоторое время.

Я останавливаюсь у «Йогиса» и немного выпиваю с Принсом. Я рассказываю ему о своих замечательных новостях, и он крепко обнимает меня, словно пьяный медведь. И гово-

³ Против (*лат.*).

рит, что очень жалеет о моем уходе. Я отвечаю, что с месячишко еще буду заглядывать и, может быть, работать по уик-эндам, пока не сдам все экзамены. Принс на все согласен.

Я сижу один в дальнем отсеке, потягиваю какой-то напиток со льдом и наблюдаю за немногими присутствующими. Больше я никого не стыжусь. Впервые за несколько недель на меня не давит бремя униженности. Я готов сейчас действовать, готов приступить к началу карьеры. И мечтаю о том, как однажды встречу в зале суда с Лойдом Беком лицом к лицу.

Глава 12

С трудом продираясь сквозь дебри материалов, которые мне дал Макс Левберг, я все больше поражаюсь, до каких же пределов обмана и несправедливости доходят богатые страховые компании, давя и унижая маленьких людей. Ради одного-единственного доллара они готовы идти на тайные махинации и обман. Они не останавливаются ни перед какими мошенническими уловками. И еще я удивляюсь, как же мало застрахованных подают на них в суд. Большинство даже ни разу не посоветовались с адвокатом. Им показывают убогие примечания в приложениях и дополнениях и убеждают, что они вовсе не были застрахованы на тех условиях, как думали прежде. Изучение материалов доказывает, что только пять процентов потерпевших от недобросовестности страховых компаний вообще когда-либо обращались в суд. Люди, покупающие такие полисы, невежественны и темны. Они сплошь и рядом боятся адвокатов так же, как самих страховых компаний. Одной только мысли, что придется пойти в зал суда и давать свидетельские показания перед судьей и присяжными, достаточно, чтобы заткнуть им рот.

Барри Ланкастер и я проводим лучшее время двух суток за тщательным изучением документов по делу Блейков. За несколько лет и с разной степенью успеха Барри провернул немало подобных дел, связанных с обманом доверия клиентов. Он все время повторяет, что судьи в Мемфисе чертовски консервативны и очень нелегко вырвать у них справедливый вердикт. Но я уже слышу об этом третий год. Для южного города Мемфис весьма привержен федеральным законам. Такие города обычно выносят положительные вердикты в пользу истцов. Но по какой-то непонятной причине это редко бывает в Мемфисе. Джонатану Лейку удалось выиграть несколько миллионных процессов, но сейчас он предпочитает вести подобные дела в других штатах.

Мне еще только предстоит познакомиться с мистером Лейком. Он где-то там очень занят крупным судебным процессом, и ему не до встречи и знакомства со своим самым недавним новобранцем.

Мое временное пристанище – маленькая библиотека на открытой площадке, выходящей на второй этаж. Здесь стоят три круглых стола, восемь стеллажей с книгами, все посвящены проблемам недобросовестности в медицине. В первый же полный день работы Барри показал мне красивую, хорошо обставленную комнату в коридоре прямо под ним и сказал, что через пару недель она будет моей. Там нужно кое-что покрасить и что-то подправить в электрической проводке. «Но что вы хотите? Ведь это бывший склад!» – не раз и не два восклицает он.

Я практически ни с кем из служащих не знаком и уверен, что это по причине моей низкой должности, потому что я еще не адвокат. Во мне нет ничего нового и особенно интересного. Помощники приходят и уходят.

Сотрудники – народ очень занятой и не слишком дружный. Барри почти ничего не рассказывает о других адвокатах, работающих в одном с ним здании, и у меня появляется отчетливое ощущение, что каждая обособленная адвокатская группа действует самостоятельно. У меня также появляется чувство, что вести судебные процессы под наблюдением и руководством Джонатана Лейка – довольно нервное дело.

Барри приезжает на работу каждое утро еще до восьми, и я твердо намерен встречать его у подъезда, пока не получу свой собственный ключ от входа. Очевидно, мистер Лейк очень придирчив к тем, кто достоин получить ключ в здание.

Долго рассказывать, но несколько лет назад, когда он судился с одной фирмой по поводу ее недобросовестности, его телефоны стали прослушиваться. Барри об этом мне

сразу же рассказал, как только я затронул тему ключа. Должны, наверное, пройти недели, сказал он. И еще мне предстоит проверка на детекторе лжи.

Барри помог мне расположиться на моей площадке, дал указания, что делать далее, и, объяснив мои обязанности, ушел к себе в кабинет. Первые два дня он проверял меня примерно каждые два часа. Я скопировал все документы по делу Блейков. Не ставя его в известность, одну копию сделал для собственных нужд и в конце второго дня унес ее домой, ловко укрыв в своем блестящем новом атташе-кейсе, подарке Принса.

Следуя указаниям Барри, я набросал довольно суровое письмо «Дару жизни», в котором изложил все относящиеся к делу факты, упомянул обо всех наглых поступках с их стороны. Когда секретарша Барри закончила его перепечатывать, он пробежал письмо глазами. Затем буквально проделал над текстом хирургическую операцию и снова отослал меня в мой угол. Он очень работящ и очень гордится своей способностью сконцентрировать на чем-то все внимание и мобилизовать все ресурсы.

На третий день во время перерыва я наконец собрался с духом и спросил секретаршу относительно документов, касающихся моего приема на работу. Она была занята, но обещала посмотреть.

К концу третьего дня мы с Барри вместе покинули его кабинет после девяти. Мы закончили письмо в «Дар жизни», трехстраничный шедевр, который должен был быть отослан заказной почтой с уведомлением о вручении. За стенами офиса Барри никогда не говорит о житье-бытье. Я предложил пойти выпить пива, но он быстро поставил меня на место.

Я поехал в «Йогис», чтобы закусить на ночь. Там было полно упившихся собратьев по колледжу, и Принс сам работал в баре, не очень довольный этим обстоятельством. Я его заменил и посоветовал пойти навести порядок и выставить за дверь особенно злостных нарушителей, отчего он пришел в восторг.

Однако вместо этого он направился к своему любимому столику, за которым уже сидел его адвокат Брюзер Стоун. Тот без передышки курил «Кэмел» и ставил на боксеров, которых показывали по телевизору. Этим утром имя Брюзера опять фигурировало в газетах. В интервью он начисто отрицал, что ему хоть что-нибудь известно насчет одного убийства. Два года назад полицейские нашли мертвое тело на заброшенной свалке позади безымянной дешевой забегаловки. Погибший был местным головорезом, который владел частью порнобизнеса в городе и, очевидно, хотел еще глубже проникнуть в процветающую отрасль торговли женскими грудями и попками. Но он ступил на опасную почву и завязал отношения не так и не с теми людьми, за что был обезглавлен. Брюзер, конечно, не стал бы совершать подобных поступков, но полицейские, по-видимому, имели причины подозревать, что он знает, и очень точно, кто это сделал.

Брюзер часто последнее время бывает здесь, много и тяжело пьет и шепчется о чем-то с Принсом.

Слава Богу, что у меня теперь есть настоящая работа. А я уж почти смирился с тем, что придется просить место в фирме у Брюзера.

Сегодня пятница, мой четвертый день работы в фирме Лейка. Я уже рассказал кое-кому, что принят сюда, и было очень приятно произносить сами слова, они так ловко соскальзывали с языка. В них звучало удовлетворение. Фирма Лейка. Никому не требовалось наводить справки, что это за фирма такая. Достаточно упомянуть имя, и люди мысленно представляли величественный старый склад и знали, что это обитель великого Джонатана Лейка и его команды ретивых адвокатов.

Букер чуть не заплакал от радости. Он купил бифштексы и бутылку безалкогольного вина. Чарлин зажарила бифштексы, и мы праздновали до полуночи.

Я не планировал вставать сегодня утром до семи, но около двери слышится громкий стук. Это мисс Берди. Вот она с шумом поворачивает входную ручку и возглашает:

– Руди, Руди!

Я открываю засов, и она впархивает ко мне.

– Руди? Вы уже не спите?

Я стою в маленькой кухне, и она внимательно оглядывает меня. На мне гимнастические трусы и тенниска, так что вид вполне приличный. Но я только-только продрал глаза, и волосы у меня торчат во все стороны. Да, я проснулся, хотя и не совсем.

Солнце едва встало, но передник мисс Берди уже испачкан землей, туфли в грязи.

– Доброе утро, – говорю я, изо всех сил стараясь не показать раздражения.

Она серо-желто улыбается.

– Я вас разбудила? – чирикает она.

– Нет, я как раз вставал.

– Ну и хорошо. А то надо поработать.

– Поработать? Но...

– Да, Руди. Вы уже забыли об иголках? Время приниматься за дело, они сгниют, если мы не поспешим.

Я хлопаю со сна глазами.

– Но сегодня пятница, – бормочу я не очень уверенно.

– Нет. Суббота! – отрезает она.

Мы несколько секунд молча глазеем друг на друга. Я смотрю на часы – привычка, которую уже приобрел за три дня работы.

– Сегодня пятница, мисс Берди. Пятница. И мне надо на работу.

– Сегодня суббота, – повторяет она упрямо. Мы опять молча глазеем друг на друга. Она смотрит на мои трусы. Я изучаю ее грязные туфли.

– Послушайте, мисс Берди, – говорю я дружелюбно. – Я точно знаю, что сегодня пятница и через полтора часа я должен быть на работе, где меня очень ждут. Мы займемся иголками в уик-энд. – Конечно, я стараюсь ее задобрить, потому что планирую завтра утром воссесть на своем рабочем месте.

– Они сгниют.

– Но не сегодня же. – А вообще могут ли иголки сгнить, если они в мешке? Вряд ли.

– Но завтра я хотела заняться розами.

– Хорошо, но почему бы вам не заняться розами сегодня, пока я в офисе, а завтра мы займемся иголками?

С минуту она пережевывает услышанное, и вдруг мне становится жалко ее. Плечи у нее опущены, лицо печальное. Трудно сказать, смущена ли она.

– Но вы обещаете? – спрашивает она кротко.

– Обещаю.

– Вы говорили, что будете работать во дворе, если я снижу квартирную плату.

– Да, конечно. – Разве можно это забыть? Она уже раз десять мне напоминала.

– Ну что ж, ладно, – говорит она так, словно только затем и пришла, чтобы услышать отказ. Она выходит и спускается вниз, что-то бурча под нос. Я спокойно закрываю дверь и думаю, когда же завтра утром она придет и вытащит меня из постели.

Я одеваюсь и еду в офис, около которого припарковано уже с полдюжины машин. В некоторых окнах горит свет, а еще нет и семи утра. Я жду в автомобиле, пока еще один служащий не подъезжает к парковке, и, совершенно точно рассчитав, нагоняю у самой входной двери мужчину средних лет. В руке у него портфель и высокий бумажный стаканчик с кофе, который он старается удержать, пока другой рукой нащупывает в кармане ключи.

Он вздрагивает, увидев меня. Это, конечно, не самый криминальный район Мемфиса, но все же его центральная часть, и люди здесь нервные.

– Доброе утро, – говорю я приветливо.

– Утро, – ворчит он в ответ, – вам что-нибудь надо?

– Да, сэр. Я новый помощник Барри Ланкастера, только что принятый на работу.

– Имя?

– Руди Бейлор.

Руки его на минуту останавливаются, он сильно хмурится. Нижняя губа искривляется и выпячивается вперед, он качает головой:

– Не выдумывайте. Я здесь управляющий делами. Мне о вас никто не говорил.

– Честное слово, он нанял меня, но всего четыре дня назад.

Он вставляет ключ в замок, опасливо оглядываясь через плечо. Этот парень думает, что я вор или убийца, но я в костюме и в галстук и выгляжу очень симпатично.

– Извините. Но у мистера Лейка очень строгие правила безопасности. Никто не может войти до начала и после конца рабочего дня, если человек не значится в платежной ведомости. – Он почти впрыгивает в дверь. – Передайте Барри, чтобы утром мне позвонил. – И захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Я не собираюсь ошиваться на ступеньках, словно нищий, пока не появится еще какая-нибудь персона, чье имя значится в ведомости. Поэтому проезжаю несколько кварталов до ближайшего дешевого кафе, где покупаю утреннюю газету, рожок и кофе. Я убиваю час, дыша сигаретным дымом и слушая чужую болтовню, затем возвращаюсь на парковку, где теперь еще больше машин. Хороших машин. Элегантных немецких и других импортных сверкающих лаком машин. Я осторожно выбираю свободное местечко возле «шевроле».

Дежурная у первого поста уже несколько раз видела, как я прихожу и ухожу, но делает вид, что я здесь чужак и незнакомец. Я, однако, не намерен сообщать ей, что служу здесь, как она. Дежурная звонит Барри, и он дает мне зеленый свет на вход в лабиринт.

Барри должен быть в суде ровно в девять утра по делу о доброкачественности продуктов, поэтому очень спешит. Я твердо решил поговорить с ним, чтобы мое имя тоже включили в платежную ведомость, но время сейчас неподходящее. Мое дело может и подождать день-другой. Барри засовывает папки в объемистый портфель, и с минуту я надеюсь, что он и меня возьмет как помощника на судебное заседание. Но у него другие планы.

– Хочу, чтобы вы поехали к Блейкам и вернулись назад с уже подписанным контрактом. Это необходимо проверить теперь же. – Он прямо-таки подчеркивает слово «теперь», так что я уже не сомневаюсь насчет своего местоназначения.

Он подает мне тоненькую папку.

– Здесь контракт. Я приготовил его прошлой ночью. Просмотрите его. Нужны подписи всех троих Блейков – Дот, Бадди и Донни Рея, так как он уже взрослый.

Я решительно киваю головой, но предпочел бы, чтобы меня вздули, чем ехать к Блейкам и провести у них все утро. Наконец мне придется встретиться с Донни Реем, а я бы эту встречу отсрочил навсегда.

– А что потом? – спрашиваю я.

– Я пробуду в суде весь день. Приезжайте и отыщите меня в зале заседания у судьи Андерсена. – Звонит телефон, Барри взмахом руки отсылает меня – мое время кончилось.

Мысль собрать всех Блейков вокруг кухонного стола для подписания договора не очень меня привлекает. Придется сидеть и смотреть, как Дот ковыляет через задний двор к разбитому «ферлейну», ругаясь на ходу и проклиная все на свете, а потом улещивает и выманивает Бадди из машины, отрывая от его котлов и джина. Нет, она, наверное, вытащит его за ухо. Скверная будет картина. А мне потом придется сидеть и нервничать, пока она удалится в задние комнаты, чтобы привести Донни Рея, и я должен буду, замерев от страха, спокойно встретить его, когда он выйдет познакомиться со мной, своим адвокатом.

Чтобы по возможности облегчить задачу, я останавливаю машину у платного телефона-автомата на Галф-стейшн и звоню Дот. Вот уж парадокс! Лейковская фирма распола-

гает самой совершенной электронной связью, а я вынужден пользоваться телефоном-автоматом. Слава Богу, Дот берет трубку. Я не представляю себе телефонной беседы с Бадди. И сомневаюсь, что у него в «ферлейне» есть аппарат.

Как обычно, она все воспринимает с подозрением, но согласна встретиться со мной. Я не слишком настаиваю на том, чтобы увидеться со всеми домочадцами, но подчеркиваю, что расписаться в контракте должны все. И разумеется, сообщаю, что очень, очень тороплюсь. Сразу же надо будет, понимаете, передать бумаги в суд. Судьи уже ждут.

Те же собаки рычат на меня с соседской лужайки, когда я паркуюсь на подъездной дорожке. Дот стоит на обшарпанном пороге. Сигарета, догоревшая до фильтра, зажата в уголке рта почти у самых губ, и голубоватый туман лениво плывет над ее головой в сторону лужайки. Она уже давненько ждет и курит.

Я насильно улыбаюсь широкой, лицемерной улыбкой и рассыпаюсь в приветствиях. Морщины, собравшиеся у рта Дот, едва заметно разглаживаются. Я иду за ней по запущенному, душному дому, мимо дырявого дивана под коллекцией старых фотографий когда-то счастливого блейковского семейства, по вытертому, когда-то ворсистому ковру, по которому разбросаны маленькие половички, чтобы скрыть прорехи, прямо в кухню, где никого нет.

– Кофе? – спрашивает она, показывая на мое место за кухонным столом.

– Нет, спасибо. Просто немного воды.

Она наполняет пластиковый стакан водой из-под крана, без кубиков льда, и ставит передо мной. Мы оба медленно устремляем взгляд в окно.

– Я не смогла заставить его прийти, – говорит она, очевидно, несколько не обеспокоенная; догадываюсь, что иногда Бадди желает выйти, а иногда нет.

– А почему? – спрашиваю я, как будто его поведение поддается логическому осмыслению.

Она только пожимает плечами:

– Но Донни Рей вам тоже нужен, да?

– Да.

Она выскальзывает из кухни, оставляя меня наедине с теплой водой и с видом на Бадди. Но его трудно разглядеть, потому что ветровое стекло не мылось уже несколько десятилетий и орда грязных кошек избрала своим пристанищем и местом для прогулок капот машины. На Бадди какая-то шапочка, очевидно, с наушниками. Он медленно подносит бутылку ко рту. Мне из кухни кажется, что она покоится в бумажном коричневом пакете. Бадди спешно делает глоток.

Я слышу, как Дот что-то тихо говорит сыну. Раздается шарканье, вот они в кухне. Я поднимаюсь, чтобы познакомиться с Донни Реем Блейком.

Да, он определенно скоро умрет, чем бы ни болел. Он ужасающе истощен, щеки ввалились, кожа белая как мел. Он и до болезни, видимо, был худощав и тонок в кости, а теперь согнулся в поясе и кажется не выше матери. Волосы и брови у него угольно-черные и составляют резкий, словно графический, контраст с нездоровой бледностью кожи. Но он улыбается и протягивает костлявую, похожую на палку руку, которую яжимаю так крепко, как только осмеливаюсь.

Дот крепко обнимает его за талию и ласково усаживает на стул. На нем мешковатые джинсы и простая белая тенниска, которая складками висит на худом теле.

– Приятно познакомиться, – говорю я, стараясь не смотреть в его запавшие глаза.

– Мама хорошо отзывалась о вас, – откликается он. Голос у него слабый и хриплый, но говорит он ясно. Вот уж не думал, что Дот может обо мне хорошо отзываться. Донни охватывает подбородок ладонями, словно ему трудно держать голову. – Она сказала, что вы подаете в суд на этих ублюдков из «Дара жизни» и вроде заставите их заплатить. – В словах слышится скорее отчаяние, чем гнев.

– Это верно, – соглашаюсь я. Открыв папку, я достаю копию запроса, который Барри Экс отправил почтой в «Дар жизни», и вручаю ее Дот, которая стоит позади Донни Рея. – Мы завели дело, – объясняю я, как самый заправский и шустрый адвокат. – Мы не рассчитываем, что они удовлетворят нашу просьбу о выплате денег, поэтому буквально через несколько дней подадим в суд. И возможно, будем требовать по крайней мере миллион.

Дот смотрит на письмо, потом кладет его на стол. Я ожидал целого потока вопросов насчет того, почему же я раньше сам не возбудил дело. И боюсь, что из-за этого начнется неприятное ворчание. Но она бережно растирает плечи Донни Рею и скорбно смотрит в окно. Она не станет ругаться, она сдерживается, чтобы не расстраивать его.

Донни Рей тоже устремляет взгляд в окно.

– А папа придет?

– Сказал, что не желает, – отвечает она.

Я вынимаю из папки контракт и протягиваю его Дот.

– Но это должно быть подписано до начала судебного разбирательства. Это контракт между вами, клиентами, и моей юридической фирмой на легальное представительство ваших интересов в суде.

Она осторожно берет бумаги. В контракте только две страницы.

– А что здесь написано?

– Да все, что нужно, обычным, полагающимся в таких случаях языком. Вы нанимаете нас своими адвокатами, мы беремся проверить дело, принимаем на себя издержки и получаем третью часть от всех сумм по возмещению ущерба.

– Тогда зачем понадобилось целых две страницы такого мелкого шрифта? – спрашивает она, вытаскивая сигарету из пачки, лежащей на столе.

– Не зажигай! – резко бросает через плечо Донни. Он смотрит на меня и продолжает: – Неудивительно, что я уже при смерти.

Она, ничуть не реагируя на его слова, втыкает сигарету между губами, продолжая разглядывать контракт, но не закуривает.

– И мы должны подписаться все трое?

– Точно.

– Да, но он сказал, что не придет.

– Тогда отнеси ему в машину, – сердито бросает Донни Рей. – Возьми ручку, пойди к нему и заставь его подписать эту проклятую бумагу.

– Я и не догадалась, – отзывается она.

– Мы и прежде ведь так делали. – Донни Рей опускает голову и скребет макушку. Он уже завелся.

– Да, наверное, я смогу его заставить, – говорит она, все еще колеблясь.

– Тогда иди скорей, черт возьми! – взрывается он, и Дот рыщет в ящике буфета, пока не находит ручку. Донни Рей поднимает руки и снова опускает на них голову. Запястья у него тонкие, как палка у метлы.

– Через минуту вернусь, – говорит Дот, словно девочка на побегушках, так она беспокоится о своем сыне. Она медленно идет по выложенному кирпичом внутреннему дворику к сорнякам. Пара кошек, лежащих на капоте, видя ее приближение, ныряет под машину.

– Несколько месяцев назад, – говорит Донни Рей и делает долгую паузу, он дышит с трудом, и голова у него слегка трясется, – несколько месяцев назад нам нужно было получить его подпись для нотариуса, а он не захотел выходить из машины. Мать нашла женщину-нотариуса, которая согласилась за двадцать долларов приехать на дом, но, когда она прибыла, отец по-прежнему не захотел выходить из машины. Так что мать и нотариус сами пошли туда, через сорняки. Вы видите ту большую рыжую кошку на крыше автомобиля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.